63.5
Э 89

Этнографическое обозрение
№ 4
1896 г.

63.5
7-28

Годъ 6-й. Кн. XXXI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1896. № 4.

подъ редакціей

М. А. Янчука.

МОСКВА.
Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры Императорскаго Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.
1896.

ГОМ 8218/133
791.

Годъ 8-й. Кн. XXXI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1896, № 4.

подъ редакціей

Н. А. Янчука.

Ойротский Государственный Областной Музей
2896
в Инвентарную книгу
Под № 935 записано 17/III 1937 г.

МОСКВА.
Губернская Типографія, Никольская ул., зданіе Присутственныхъ мѣстъ.
1896.

Горно-Алтайский
Областной краеведческий музей
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 3011.1260

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Обложка печатана въ Типографіи Высоч. Утв. Т-ва **А. А. Левенсонъ.**

Москва, Губернская Типографія, Никольская, зданіе Присутств. мѣстъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. О царскихъ загадкахъ. *М. А. Дикарева* 1

II. Очерки Витебской Бѣлоруссіи. V. Питущія и пропойцы. *Н. Я. Никифоровскаго* 65

III. Изъ западно-европейской этнографической литературы: IV. Соотношенія хозяйственныхъ формъ быта съ характеромъ семейно-родовыхъ отношеній. (По Гроссе и Гильдебранду). *Н. Харузина*. 89

IV. Очерки Ветлужскаго края. *В. Ѳ. Лунинина* и *Н. Іорданскаго*. 102

V. Мелкія фольклористическія замѣтки. *Г. Н. Потанина*. 113

VI. Домашнее воспитаніе женщины у армянъ Эриванской губ. Свящ. *Гр. Бунятова*. 124

VII. Смѣсь:

Чешская этнографическая выставка 1895 г. *М. Сперанскаго*. 134

Изъ народныхъ устъ. (О превращеніяхъ. Про змія. О кладахъ Что видѣлъ человѣкъ, когда «замиралъ»). *В. Н. Ястребова* 150

Письмо изъ провинціи. (Пережитокъ старины въ похоронномъ обрядѣ грузинскаго князя). *А. Хаханова*. . . . 157

VIII. Критика и библіографія:

1. Книги, ученыя и справочныя изданія. . . . 161 — 189

R. S. Steinmetz. Endokannibalismus (Mittheil. der Anthrop. Gesellschaft in Wien. 1896). *Н. Х.* (161). — Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXI. *А. Хах—ова.* (165).—Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, описанное Павломъ Алеппскимъ. Перев. Г. Муркоса. Вып. I. *Его-же.* (166).—Ѳ. Ѳ. Буссе. Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1883—1893 гг. *Вл. Б.* (167).—В. Л. Сѣрошевскій. Якуты. Опытъ

Стр.

этнографическаго изслѣдованія. Т. I. *Н. Х.* (170).—Gust. Veigand. Die Aromunen. Etnographisch - philosophisch - historische Untersuchungen. Bd. I. Land und Leute. *А. И. Яцимирскаго* (173). N. Manolescu Igiena teranului. Scriere premiata si tiparita de Academia Romana. *Его-же.* (178).—G. Crainicianu. Igiena teranului roman locuinta etc. *Его-же.* (179).—Sam. Adalberg. Księga przysłów, przypowieści, wyrażeń przysłowiowych polskich. *Евг. Лицкаго.* (182).—Записки Романо-Германск. Отдѣленія Филологич. Общества при Имп. Спб. университетѣ. Вып. I.—Записки Неофилологическаго Общества. Вып. II и III. (186).—Протоколы засѣданій Русс. Антропологич. Общества. Годы I—V. (187). Труды Пріамурскаго Отдѣла. И. Р. Г. О. *В. Б.* (189).

2. **Журналы и газеты.** (Продолженіе обзора за 1896 г.). 190—196

3. **Кавказская библіографія.** (Продолж.: «Закавказскій Вѣстникъ» 1848—1855 гг.) Составилъ *А. С. Хахановъ* . . 197—198

4. **Новости этнографической литературы** . . . . . 199—202

IX. Извѣстія и замѣтки:

Предстоящее 2-е присужденіе преміи по этнографіи имени Его Императорскаго Высочества В. Кн. Сергія Александровича. (203).—Юбилейная выставка въ память 1000-лѣтія Венгріи. (204). Парижское Общество національной этнографіи и народнаго искусства (204).

О царскихъ загадкахъ.

I.

Въ началѣ марта черезъ редакцію „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей“ бывшій учитель, казакъ станицы Кужорской Майкопскаго отдѣла Дм. Савел. Иваненковъ прислалъ мнѣ слѣдующее сообщеніе:

„Царь и Царица загадали: панамъ три обѣда, казакамъ три бешмета, мужикамъ три свадьбы. Кто отгадаетъ, тотъ получитъ 30 руб.“

Одновременно съ этимъ въ редакцію той-же газеты „пресвитеръ“ станицы Курганной Лабинскаго отдѣла К. Р. пишетъ [1]):

„Тихая поверхность заснувшаго и застоявшагося станичнаго мірка время отъ времени быстро взбудораживается Богъ вѣсть откуда и какъ налетѣвшими повидимому совершенно нелѣпыми слухами и легендами. Вниманіе къ теченію народной жизни иногда даетъ вамъ ключъ къ разгадкѣ, гдѣ коренится причина возникновенія слуховъ, подобныхъ слѣдующему: скоро-де Царь отберетъ надѣльную землю у казаковъ и господъ и отдастъ намъ“.

„Вниманію и размышленію читателей предлагаю двѣ подобныхъ легенды (!), злобы дня. Въ станицѣ Курганной начинаетъ вдругъ быстро распространяться нелишенная своеобразнаго интереса легенда (!). Наша Молодая Государыня прислала мужикамъ, казакамъ и благороднымъ три загадки: первая-де: мужики должны сшить три свитки, двѣ изъ нихъ должны быть одинаковы, а третья покороче; вторая загадка: казаки должны спечь три пирога (т.-е. хлѣба), а третья господамъ: они должны устроить три обѣда. Тому изъ трехъ сословій, которое отгадаетъ, что разумѣетъ Государыня подъ свитками, пирогами и обѣдами, будетъ награда“.

„Легенда (!) эта, какъ и нелѣпый слухъ объ отчужденіи изъ вѣчнаго владѣнія узаконенныхъ надѣловъ земли для того, чтобы

[1]) Оставляю редакцію подлинника.

ее отдать иногородцамъ [1]), чѣмъ дальше, все болѣе распространяется" [2]).

При послѣдующихъ разспросахъ объ этихъ загадкахъ, отъ казака-землевладѣльца станицы Павловской Ив. Зах. Садила я узналъ, что онѣ циркулируютъ со времени вступленія на престолъ Государя Императора, которому онѣ и приписываюся; а въ настоящее время тамъ-же идутъ толки объ отобраніи отъ пановъ земли.

31 марта Д. С. Иваненковъ словесно сообщилъ еще, что въ станицѣ Кужорской въ 1894 г., вѣроятно, также въ связи со вступленіемъ Государя на престолъ, упорно держались слухи о введеніи въ Кубанской области „земщины". Подъ ней народъ разумѣлъ, что Царь отберетъ себѣ у казаковъ и частныхъ владѣльцевъ землю, и будетъ сдавать ее желающимъ въ аренду по 75 коп. за десятину. При этомъ молва устанавливала и норму, выше которой не допускалось брать землю въ однѣ руки. Какой цифрой выражалась эта норма, Д. С. Иваненко не помнитъ, но у него осталось въ памяти, что эта норма опредѣлялась числомъ работниковъ въ семьѣ, способныхъ къ обработкѣ земли.

Говорятъ въ станицѣ Кужорской также и о томъ, что Кубанская область теперь уже сдѣлалась *Русью* [3]), и потому казаки, какъ болѣе ненужные въ предѣлахъ области, должны быть выселены на границу, и земля ихъ, такимъ образомъ, поступитъ во владѣніе иногородцевъ. Всѣ эти толки сообщены со словъ казаковъ.

Подобные же толки, по сообщенію студента духовной семинаріи Ѳедора Александр. Залогина, циркулировали и въ с. Жуливкѣ Новохоперскаго уѣзда, находящемся въ 15 верстахъ отъ г. Борисоглѣбска и въ трехъ — отъ станціи желѣзной дороги: „здѣсь (пишетъ Ѳ. А. Залогинъ) ходили слухи общіе, кажется, всѣмъ крестьянамъ, о бочкахъ съ водкой и быкахъ жареныхъ, которыхъ они, конечно, не получили. Относительно земли здѣсь говорили, что казаковъ (донскихъ) куда-то выселятъ, а принадлежащія имъ земли отдадутъ мужикамъ. Это объясняется тѣмъ, что земли въ

---

[1]) Не казакамъ.

[2]) Витіеватый конецъ сообщенія о. „пресвитера", какъ ничего не объясняющій, я выпускаю.

[3]) Россія, какъ средняя часть государства, противополагается здѣсь Кавказу, какъ окраинѣ.

селѣ очень мало, да и та по большой части — песокъ, почему крестьяне арендуютъ участки земли у сосѣднихъ казаковъ Донской области“ (2. VIII. 96).

Проживающій въ городѣ Майкопѣ крестьянинъ слободы Красной Валуйскаго у. Петръ Серг. Гордіенко-Щербаченко-Плугатырь, по моей просьбѣ, 31 марта сообщилъ слѣдующее: „Царыця казала такъ. На карнування буде такъ: 1) панамъ обидъ; 2) козакамъ хлибъ, а 3) мужикамъ свыта зъ башлыкомъ“.

„*Примѣчаніе:* 1) подъ словомъ *обѣдъ* нужно подразумѣвать сильную *обиду* для пановъ; 2) казакамъ *хлѣбъ*—понимаются сухари на дорогу во время перегона ихъ на границу, а 3) послѣднее понимается такъ *свыта и башлыкъ* — это значитъ полная защита отъ всякихъ невзгодъ и притѣсненій со стороны пановъ. А общій выводъ изъ всего этого—то, что мужики болѣе чѣмъ увѣрены, что во время коронаціи земля перейдетъ къ нимъ отъ всѣхъ помѣщиковъ“.

16 апрѣля варіантъ той-же загадки сообщилъ мнѣ и областной агрономъ Иванъ Григ. Семенцовъ: „Царь загадавъ три загадкы: панамъ симъ день празныка, купцямъ—забувъ шó, а мужыкамъ дви паляници и ложка за халявою. Чувъ у юрти станыци Кавказькойи. Кажуть, шо це про надилъ мужыкивъ землею“.

Три свадьбы Кужорскаго варіанта легко понять, припомнивъ малорусское названіе свадьбы: „весильлье“.

Ранѣе этого, 17 марта, П. С. Плугатырь сообщилъ мнѣ имѣющую смыслъ загадки сказку, въ которой „якъ задумавъ Наслидныкъ жынытьця, шó теперъ Царемъ“, Государыня, тогда еще Невѣста, заботится о томъ, чтобы дано было на душу по три десятины земли „тымъ, хто вмiйе йийи робыть та хлибъ зъ нейи йисты та насъ кóрмыть“.

Несомнѣнно, что всѣ эти толки идутъ со стороны иногородцевъ, арендаторовъ казачьихъ земель, враждебно настроенныхъ противъ казаковъ. Источникомъ вражды здѣсь являются, во-первыхъ, земля, которую иногородцу приходится обрабатывать въ качествѣ то арендатора, то батрака; при чемъ обѣ стороны сильно грѣшатъ противъ честности, и, во-вторыхъ, пресловутое „поднятіе казачьяго духа“, благодаря которому, казакъ считаетъ

себя высшимъ существомъ въ сравненіи съ иногородцемъ [1]). Отсюда именно вражда между обѣими сторонами. Самое слово „городовыкъ“ (=иногородецъ не казакъ) является браннымъ въ устахъ казака и выражающимъ высшую степень презрѣнія.

На этомъ я и покончу вопросъ о сословныхъ отношеніяхъ, и перейду прямо къ интересующему меня вопросу: почему здѣсь народъ прибѣгаетъ къ загадкамъ?

II.

Изъ третьей книги Царствъ мы знаемъ, что царица Савская, наслышавшись о премудрости Соломоновой, „пришла испытать его загадками... и пришла къ Соломону, и бесѣдовала съ нимъ обо всемъ, что было у нея на сердцѣ ея: и не было ничего незнакомаго царю, чего бы онъ не изъяснилъ ей. И увидѣла царица Савская всю мудрость Соломона и домъ, который онъ построилъ“. (X, 1—4).

Это мѣсто книги Царствъ, какъ извѣстно, послужило основой для составленія апокрифическаго сказанія о царицѣ Южской (la reine d'Austre, regina Austra, australis regina Sibilla — въ переводѣ А. Н. Веселовскаго „царица востока“), въ которомъ она и Соломонъ испытываютъ премудрость другъ друга также загадками.

Затѣмъ въ индѣйскихъ сказкахъ И. Минаева (Жур. Мин. Нар. Пр. 1876, Май, стр. 73, sq) семилѣтній мудрецъ проявляетъ свою мудрость при помощи мудрыхъ судовъ и отгадыванія загадокъ, предлагаемыхъ народу царемъ. Какъ суды, такъ и отгадки сказочнаго мудреца а равно и царя Соломона, очевидно, имѣютъ родственную связь. Несомнѣнно, изъ того же источника ведетъ свое начало и слѣдующая сказка, имѣющаяся у меня въ рукописи:

„Одынъ салдатъ прослужывъ у салдатахъ двадцять п(ъ)ять годъ, и ны бачывъ за всю свою службу Царя. Отъ винъ дослужывся, и пишовъ до-дому. Дорóгою винъ и надумавъ:

---

[1]) По поводу безпричиннаго убійства въ духанѣ казакомъ станицы Марьянской Соболемъ 75—80-лѣтняго николаевскаго солдата Сухорукова, которому убійца раскроилъ черепъ, „хвативши о дубовый косякъ двери духана“, иногородніе толковали, „что за такія дѣянія правосудію не мѣшало бы примѣрно наказать убійцу для того, *чтобы казакъ смотрѣлъ на иногороднаго съ человѣческой точки зрѣнія, а не какъ турки на христіанъ*“. (Куб. Обл. Вѣд. 1896, № 154).

Шó це я пдý до-дому, шó я буду тамъ казать? Скажуть, шо служывъ-служывъ, а ны довылось и Царя побачыть. Дай-ка я пиду до Царя: тоди уже й до-дому высылишъ буде йты, якъ побачу царя.

Пишовъ винъ скоро: ныдовго доходе до царя; пидойшовъ до дворця. Часови його ны пускають, роспрашують його, хто винъ такый йе, и чого прыйшовъ. И винъ йимъ отвичайе, шо винъ отъ-чого прыйшовъ:

— Служывъ я у Царя-Батюшкы двадцать п(ъ)ять годивъ, и ны бачивъ я царського лыця. Иты мини до-дому — стануть спрашувать про Царя, якый винъ йе, а я ны знаю. Такъ оце я, по окончeнiйи службы, прыйшовъ показать самъ себе Цареви, и побачу я Царя, поблагодарю йому [1]), и тоди пиду до-дому.

Часови його пропустылы; винъ пошелевкався (= потесался) прямо въ свитлыцю. Уходе винъ у хоромы, воздавъ Цареви честь, якъ и слидуйе буть. Царь його и пыта:

— О чомъ служывый прышовъ?

Салдатъ одвича йому:

— Да отъ зачёмъ, Государь-Батюшка, пришолъ: служилъ я Вашей милости двадцать пять лётъ, я Васъ не видѣлъ, а Вы меня. Пойду я домой, стануть меня спрашивать, какой царь, а я не знаю и видѣть не видѣлъ.

— Правда, правда, служивый! Изволь посмотрѣть на меня, а я на тебя посмотрю, какіе мои есть служаки.

Отъ салдатъ обглядивъ усю свитлыцю царську та й каже:

— Отъ харашо Вамъ, Государь-Батюшка, царствовать; усё чыстое, постель мягкая, у домѣ все равно, какъ у раю; а какъ нашему брату такъ такъ, какъ собакѣ.

А Царь йому и одвича:

— Нѣтъ, служивый, не знаешъ ты моей жизни!

Отъ тоди Царъ узявъ надъ постиль(я)ю повисывъ на ныто(ць)ци шаблю, и положивъ того салдата на ти постели нучуватъ. Винъ цилу ничъ и одного ока ны зажмурывъ: усе жахався, шобъ ны одорвалась шабля та на його шобъ ны впала. Отъ у-ранци прыходе царь до його и пыта:

— Ну, что, служивый, выспался?

---

[1]) Dativus по аналогiи съ выраженiемъ: *дяковаты кому*, а не *кого*, что, въ свою очередь, восходитъ къ нѣм. danken Einem (а не Einen) für etwas.

— Нѣтъ, Ваше Величество, и глаза не зажмурилъ!

— Вотъ такая-же и царская служба, братецъ: я усю ночъ и днёмъ не сплю, да всё изо всѣхъ концовъ смерти ожидаю такъ, какъ ты ожидалъ паденія шабли.

Съ того времня нашъ салдатышка ны ставъ завыдувать царс(ь)ки доли, а жывъ такъ, якъ йому Богъ давъ. Тоди Царь спросывъ уновъ його:

— Ну, вотъ-что, служивый, я у тебя еще спрошу. Прослужилъ ты двадцать пять лѣтъ у меня, а знайшъ ли ты что-нибудь, или нѣтъ?

Отвича салдатъ:

— А какже, Ваше Величество, знаю!

— Ну, ладно! за это молодецъ, что знаешъ! А отгадай мнѣ вотъ-что (такъ тогда ты маладецъ будишъ): высоко-ли до неба, и глубоко-ли въ землю, и шыбко-ли солнце ходитъ?

Салдатъ думавъ-думавъ довгенько, а таки надумавъ, и каже:

— Да вотъ какъ: на небесахъ звѣзды видать, и какъ брызгаетъ дождь, такъ падаетъ къ намъ на землю, и какъ Илья-пророкъ бѣгаетъ на залатой колясцѣ, такъ намъ слышно; а изъ земли ничево не вслышишъ: мой отецъ тридцать лѣтъ какъ умеръ, и по сіе время не слышно.

— Это правда, служивый! А солнышко шыбко ходитъ? скажи-ка.

— Да вотъ какъ красное солнышко ходитъ: въ двадцать четыре часа кругомъ свѣта обойдетъ.

— Правда-правда, служивый! На же тебѣ тысячу рублей, и иди себѣ съ Богомъ домой, да никому этихъ загадокъ не разсказывай.

Салдатъ поблагодарывъ, поклонывся Цареви въ ноги и пишовъ до-дому. Отъ Царь того-жъ часу розославъ по гыныралахъ прыказы:

— Хто отаку-то и отаку загадку одгада тому двисти тысячъ рубливъ награды, а якъ ны одгада, такъ у тымныцю на три годы.

Тутъ уси тоди гыныралы самы изъ себе выходять, шо ніякъ ны одгадають. И мынувать нильзя: сы-равно смерть чырызъ це получать. А саме уте времня та лучывся той салдатъ у городъ той, де багато зобралось гынываливъ. Отъ салдатъ и каже имъ:

— Я, вашы прывосходытельство, знаю эти загадки, да только мнѣ Государь не велѣлъ никому́ говорыть.

Проказавшы ци слова́, салдатъ трохы пидхарчывся, и пишовъ по свойи пути до-до́му. Ны 'спивъ винъ выйты вырстóвъ за дви за го́родъ — якъ ось прудя́ть на брыц(ь)ци тры гыныралы и прямо до його· Остановылы його и просять його:

— Пожайлуста (!), братецъ, скажи намъ, какъ эти загадки отгадать: мы тебѣ по сто рублей дамо̀, да только, пожайлуста (!), выручи насъ изъ бѣды.

Салдатъ опына(ць)ця, ны каже: опыра́йи(ць)ця тымъ, шо йому Царь ны выливъ казать никóму. Воны уже́ дають йому по пъять сотъ, а винъ ны быре: одмогайи(ць)ця тымъ, шо „якъ искажу, такъ мене Царь заказны́ть“. Воны сталы проси́ть його, якъ ны кланяю(ць)ця:

— Вотъ мы не будимъ говорить, что ты сказалъ, а мы скажимъ, что мы сами надумали. Развѣ мы сами себѣ худа желайимъ: это же для насъ хуже будетъ, если скажимъ. Возьми, братецъ, съ насъ по тысячи, да пожайлуста (!), только скажи!

Винъ тырпи́въ— тырпи́въ, а таки ны вте́рпивъ: погнався на гро́ши—росказавъ. Воны тоди помча́лысь, шо йесть духу до Царя. Отъ спросывъ йихъ Царь: воны йому одгадалы. Царь спросывъ йихъ:

— Что вы сами выдумали отгадать, или кто сказалъ?

Воны вси до-ра́зу такъ и грякнулы:

— Самы, Ваше Величество!

Царь ны довирывъ на гыныраливъ, пославъ жандари́въ у погоню за салдатомъ. Жандары́ його нагналы и сталы його строго спрашувать:

— Что ты никово невстрѣчалъ?

— Встрѣчалъ!

— Ково!

— Встрѣчалъ я трёхъ сакаловъ.

— Что́-жъ ты йимъ сдѣлалъ?

— По пёрышку съ хвоста выдернулъ и пошолъ.

Воны тоди догадалысь, въ чомъ дило, завырнулысь и покатылы до Царя. Царь йихъ спрашуйе:

— Ну, что́ онъ вамъ говорилъ?

— Да онъ говоритъ, что „встрѣчалъ я трёхъ соколовъ, и по пёрышку съ каждаго хвоста выдернулъ“.

Такъ тоди Царь усихъ гыныраливъ устыдывъ и выстрамывъ, шо ны могли одгадать такойи загадкы, а салдатъ — и то одгадавъ, шо начей ны по йихъ; а воны только жалованьня луплять изъ Царя, а дило ны знають. И такъ тоди тыхъ трьохъ посадывъ у острогъ, шо брыхнею отгадалы, а ны самы надумалы; а тому салдатови простылы, шо сознався Цареви, шо винъ сказавъ гынираламъ, якъ одгадувать. Итакъ той салдатъ ставъ жыть-пожывать та добра нажывать. Получивъ изъ Царя награды тысячу рубливъ та изъ гынираливъ тры тысячи — отъ и чотыри. А гынираллы, вмисто награды, попалы у вострогъ на три годы.

(1892. Со словъ крест. слоб. Тишанки Валуйскаго у. Артамона Андр. Сидуна, свыше 50 лѣтъ, сообщилъ сынъ псаломщика Павелъ Констант. Тарасевскій, 16 л., окончившій ученье въ сельской школѣ).

Какъ Царь, такъ и солдатъ обнаруживаютъ здѣсь умъ взаимнымъ предложеніемъ и отгадываніемъ загадокъ.

Въ индійскихъ сказкахъ Царь не назначаетъ народу никакой награды за отгадываніе загадокъ, но вездѣ онѣ сопровождаются угрозой: „... если-же не узнаетъ (народъ), то будетъ наказанъ пенею въ тысячу (картапанъ)“. Во всѣхъ случаяхъ загадки здѣсь отгадываются семилѣтнимъ мудрецомъ. Въ малорусской сказкѣ Б. Д. Гринченка „Про царського сына“ (вып. 2, № 186), весьма напоминающей собою индійскія сказки о семилѣтнемъ мудрецѣ, послѣдняго замѣняетъ царскій сынъ, который, во избѣжаніе убійства со стороны матери, скрылся изъ отцовскаго дома и потомъ разрѣшалъ задачи и загадки, предложенныя царемъ воспитателю этого царевича, кузнецу. Въ этой сказкѣ замѣчательно то, что царь, не видя своего сына, узнаетъ его по разрѣшенію загадокъ.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что загадываніе и отгадываніе загадокъ является признакомъ мудрости, и что во всѣхъ случаяхъ эта мудрость приписывается преимущественно Царю и Царицѣ.

III.

Сказка П. С. Плугатыря о женитьбѣ „Наслидныка“, представляющая собой общеизвѣстный мотивъ испытанія ума жениха или невѣсты, органически связана съ цѣлой серіей колядочныхъ величальныхъ мотивовъ, каковы, по терминологіи А. А. Потебни:

1) загадки; 2) диво дивное; 3) молодецъ выигрываетъ коня и дѣвицу и 4) молодецъ играетъ и поетъ. Сюда же примыкаетъ не входящій въ колядки мотивъ: „неисполнимыя задачи".

Всѣ перечисленные здѣсь колядочные мотивы касаются полового подбора и его основъ. Одной изъ нихъ, и притомъ главнѣйшей, является умъ. Поэтому вопросу у меня, въ рукописи, имѣется слѣдующее сообщеніе относительно слоб. Тишанки Валуйскаго у.: „И ище одкыдающьця (sc. хлопци одъ дивчатъ) одъ того, шо дознáйе йійи потомство (!) [1]) яке було: гляды визьме тай донесе хто про йійи, шо вона гнылойи родни, або вонючойи, або *дурнойи*—одъ того воны и одкыдающьця. Бувають таки люды, шо нарошне набрихують, шобъ одказався, а тоди шобъ самому йійи засватать". (31. V. 95. Сообщ. П. К. Тарасевскій).

Умъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенно испытывается при помощи загадокъ. Когда упомянутый выше индійскій мудрецъ Маѣаушадѣа, во время поисковъ равной себѣ жены, встрѣтилъ дочь плотника и началъ производить испытаніе ума, невѣста проявляетъ его при помощи отвѣтовъ, имѣющихъ видъ загадокъ, напримѣръ:

— Гдѣ твой отецъ?

— Около того мѣста, откуда не возвращаются (т. е. около кладбища).

— Что дѣлаетъ?

— Изъ одного два (=пашетъ)! и т. д.

Въ малорусской сказкѣ (Чуб. II, отд. I, №9) „дивчата", выразившія желаніе выйти замужъ за проѣзжаго царевича, также проявляютъ предъ нимъ свой умъ отвѣтами, имѣющими форму загадокъ: „А де вы, дивчата, живете́, що сюды, на цю ричку, прыйшлы сорочокъ прать?" — „А тамъ (кажуть) мы жывемъ, де зима зъ лигомъ стричайетця"... — Якъ-же (каже) такъ?"

— „Да такъ: зима ковзаетьця, а лито качайетьця" (т. е. „на хати стойить вуызъ ы саны стоять").

Равнымъ образомъ, при помощи загадокъ, невѣста ведетъ разговоръ съ женихомъ-царевичемъ и въ другой малорусской сказкѣ (l. c. № 29). Въ сказкѣ Б. Д. Гринченка (вып. 2-й, № 189) „Про мудру дивчыну", невѣста на просьбу сватовъ дать закусить

[1]) Предки.

отвѣчаетъ вопросомъ: „А чого-жъ вамъ подаваты: чы одбутного, чы прыбутного, а чы того, що вгору дывыться?“ Когда старосты не могли разгадать этой загадки, невѣста разъясняетъ ее такъ: „Сало—одбутне, бо нымъ усяки зачипкы одбуваютъ; дійво—прыбутне, бо нымъ хочь и одбуваютъ усяки зачипкы, але-жъ и воно прыбувайе въ господарстви, колы хто коровы свойи дійни майе; те, що вгору дывыться—се цыбуля, бо колы вона въ грядкахъ въ осени стырчыть, то мовъ хто зъ земли угору дывыться“. Отецъ по этому поводу упрекаетъ возвратившагося отъ невѣсты сына въ глупости; послѣдній не признаетъ этого и ему, для испытанія ума, предложена была задача: „Колы ты й справди розумный, то визьмы сывого барана, пожены на ярмарокъ, продай-не-продай, солы купы, выпый и закусы, та до-дому ще й барана прыведы. Колы се зробышъ, якъ слидъ,—ты, выпада, розумный, и дивка буде твоя, а якъ-же ни—ты дурень, и не тоби вона судылась“. Разгадать отцову загадку помогла жениху та-же невѣста: „Якъ прыженешъ оце ты барана на ярмарокъ (говоритъ она), позычъ у кого гарненько ножыць, обстрыжы вовну зъ його, продай йійи, а за ти гроши выпый соби, закусы, солы купы, а обстрыженого барана до дому батькови поженешъ“.

У меня въ рукописной сказкѣ, озаглавленной: „Дивчаче бажання“, къ невѣстѣ, прославившейся своей красотой „земель за шисть“, являются три жениха, „хочъ куды такъ гожыхъ“. Два изъ нихъ хвалятся своимъ богатствомъ, а третій, бѣдный, при помощи загадки, указываетъ на свое физическое превосходство, говоря: „А я тилько похвалюсь тыби ось-чымъ: въ мене йесть таке ликарство, котре ты, я знаю, не проминяйешь и на царство; храныцця воно въ бутыльци...“ Цю загадку дивчына узнала, и бидного свойимъ жыныхомъ прызнала“. (1894. Сообщ. П. К. Тарасевскій).

Въ колядкахъ „мыленькый“ обыкновенно говоритъ:

— Ой, стій - погоды, кречная панно
Загадаю ты (= тоби) трьохъ загадочокъ;
Якъ видгадайешъ, то моя будешъ,
Не видгадайешъ, батькова (v. людська) будешъ:
Що, панно, росте безъ коринячка?
Що, панно, горыть безъ поломине?
Що, панно, цвите безъ сыно(г′) цвита?..
— Былъ - каминь росте безъ коринячка,
Зозото горытъ безъ поломине
Папороть росте (= цвите) безъ сыно(г′) цвита.
(Гол. IV, 71; ср. *Чуб.* III, 315).

Число загадокъ здѣсь, какъ и въ народныхъ толкахъ 1896 г., одно и то же, именно три.

Испытывающій мудрость полюбившейся „панны“ „красный молодець“ и самъ оказывается „*премудрымъ* стрильцемъ“ (*Гол.* IV, 74). Слово „стрилець“ я понимаю здѣсь какъ символъ жениха, ищущаго „куныцю-красну-дивыцю“, и потому нахожу объясненіе А. А. Потебнею (II, 270) слова „премудрый“ при помощи: „искусный, хытрый“ (разумѣется, въ стрѣльбѣ) не точнымъ. Въ цитированномъ А. А. Потебнею по этому поводу мѣстѣ другой колядки соколъ говоритъ красному молодцу:

Премудрый стрельче, на имя Василько,
Не стриляй мене, не вбывай мене:
Я тоби стану а въ прыгодоньци!
Загану тоби тры загадонькы и т. д. (*Гол.*, IV, 40).

Эти „загадонькы“ оказываются предсказаніемъ брака. Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ эпитетъ стрѣлка: „премудрый“ связанъ съ загадываніемъ и отгадываніемъ загадокъ.

Въ „Голубиной книгѣ“ „хитрымъ-мудрымъ“ признается „Володзимеръ- царь“ также потому, что онъ „хорошъ“

На басенки [1]) усьо на добрыйи,
На отгадычки усьо на мудрыйи. (*Ром.* 287; ср. ib. 291, 296, 299).

Малорусская свадьба, при хорошемъ подборѣ старшаго дружка, подружаго, дружевъ и свашекъ, является непрерывнымъ конкурсомъ, въ которомъ каждая изъ сторонъ (женихова и невѣстина) старается показать, что она не „дурнойи родни“, силится превзойти другую остроуміемъ, выражающимся обыкновенно въ загадкахъ, шуткахъ и пѣсняхъ, имѣющихъ форму діалога. Уже самое сватовство представляется загадочно въ видѣ охоты на куницу или лисицу. И отвѣтъ со стороны невѣсты также бываетъ загадочнымъ: „Идѝть, дядькы, кони ваши подрочылысь, повтикалы!“ т. е.: уходите вонъ: ваши палки выброшены изъ сѣней на улицу. (Сообщеніе моей матери). Затѣмъ старшій дружко, обы-

[1]) Подъ басенками, свидѣтельствующими объ умѣ „Володзимера-царя“, безъ сомнѣнія, разумѣются сказки и анекдоты балаганныхъ представителей народнаго остроумія (ср. *Веселовскій А. Н.*, Разысканія, VII, 128 sq). Въ Малороссіи къ такимъ же „басенкамъ“ слѣдуетъ отнести „небылыцы“, образцы которыхъ и указатель см. въ „Этн. матер.“ Б. Д. Гринченка, вып. 2, стр 334—343: въ нихъ, для усиленія остроумія, комизмъ въ положеніи лицъ и въ языкѣ доведенъ до шаржа.

кновенно первостепенный острякъ въ селѣ, въ теченіе всей свадьбы веселитъ всѣхъ загадками и „жартамы“, каковы, напр.: „Благословúть вискрúви (=сапатой) баби нисъ утерты!“ (=выместь печь помеломъ для посадки коровая)! — „Благословúть салдативъ по кватыряхъ розстановúть!“ (=разложить ложки на столѣ для ужина)! — „Дайте возкú!“ (=тарелки для раздачи коровая)! — „Дайте брýса поточыть нóжыкы!“ (=рюмку водки передъ разрѣзаніемъ коровая)! и т. д.

Наконецъ удобный случай для поголовнаго конкурса по части загадокъ и остротъ представляетъ раздача въ понедѣльникъ свадебныхъ подарковъ, причемъ каждый, смотря по тому, получилъ ли онъ подарокъ, или же только „чарку горилкы“, старается измыслить соотвѣтственное выраженіе благодарности, напр.: „Дарую мишокъ гречкы бызъ зáвъязкы, а сама, ка́, завъяжышъ. (А ты й догадуйся, шо колодку бджилъ). А жинкы по аршыну полотна на рукавы, та прыказують: Пораньшы вставай та до цього прыробляй, шобъ уся сорочка выйшла. А друга ка': И, дочко, сього ны слухай: укрыйся та и спы, та й спы соби съ чоловикомъ“. (Слоб. Борисовка Валуйскаго у.). — „Дарую тоби коня, шо пó-полю ганя: якъ піймайешъ, то твій буде“. (т.-е. ничего тебѣ не дарю). „Дарую тоби вуздечку на того коня, шо пó-полю ганя“ (тоже). *(Кирил. 26).* — „Даруюць хлопци[1]) тыйи пчолы, що сыдять въ у́льѣ, гудуть якъ дýрни, кошелями медъ носяць, на глагли чапляюць; даруюць того кабана, що за Днипромъ ходзиць, лычемъ дре, хвостомъ боронуйе, все тейе Бугъ поровнуйе“. (Чуб. IV, 653). И т. д.

Безъ сомнѣнія, свадебные подарки, сопровождаемые загадками, явились на смѣну пени за отгаданныя загадки съ одной стороны и за неотгаданныя — съ другой, что́ еще видно въ исторіи свадебной загадки Самсона, предложенной филистимлянамъ:

„И сказалъ имъ Самсонъ:

— Загадаю Вамъ загадку; если вы отгадаете мнѣ ее въ семь дней пира, и отгадаете вѣрно, то я дамъ вамъ тридцать синдоновъ [2]) и тридцать перемѣнъ одеждъ; если-же не сможете отгадать

---

[1]) „Хлопци-запорожци“ — стоящіе въ сѣняхъ, *за порогомъ*, неприглашенные гости, получающіе на свадьбѣ только остатки коровая и по чаркѣ горѣлки.

[2]) Рубашекъ изъ тонкаго полотна.

мнѣ, то вы дайте мнѣ тридцать синдоновъ и тридцать перемѣнъ одеждъ.

Они сказали:

— Загадай загадку твою, послушаемъ.

И сказалъ имъ:

— Изъ ядущаго вышло ядомое, а изъ сильнаго вышло сладкое".

Когда филистимляне черезъ невѣсту Самсона узнали отгадку и сообщили ее Самсону, онъ отвѣтилъ имъ новой загадкой: „Если бы вы не орали на моей телицѣ, то не отгадали бы моей загадки" (кн. Судей XIV, 12—18) [1]).

Исторія загадки Самсона представляетъ дальнѣйшее развитіе мотива, первоначально заключавшагося въ томъ, что предметомъ конкурса была сама невѣста, желавшая отдать руку достойнѣйшему. Характеръ конкурса измѣняется здѣсь сообразно съ качествами самой невѣсты и другими условіями. Такъ по малорусскимъ сказкамъ и пѣснямъ, руку невѣсты можетъ получить только тотъ, кто обнаруживаетъ превосходство по уму, силѣ, ловкости или храбрости, напр., кто найдетъ спрятанную невѣсту, кто достанетъ ее „на шкляній гори", кто окажется тяжелѣе невѣсты при взвѣшиваніи, кто „зъ-за моря зильлячка достане" и проч.

Первоначальный смыслъ конкурса въ области ума сохранила въ Липовѣ мазурская baśń-zagadka, въ которой разсказывается слѣдующее. Королевна объявила, что она выйдетъ замужъ только за того, кто предложитъ ей такую загадку, которую она не отгадаетъ. Участвовать въ конкурсѣ предоставлялось каждому съ условіемъ, что въ случаѣ отгадыванія загадки, предложившій ее долженъ заплатить жизнью. На предложеніе отозвался молодой овчаръ, предложившій королевнѣ слѣдующую загадку:

Z rozumu nabył ognia,
Z uciechy się ogrzał,
Strzelił w to, co widział,
I zabił, co niewidział,
Upiekł i zjadł.
Zza się brał i przed się kładł
I przyszedł do króla na obiad.

---

[1]) Малороссы также называютъ невѣсту „телычкою" (см. *Чуб. IV*, 593, 614).

Королевна, не могшая отгадать загадки, принуждена была выйти замужъ за овчара, который послѣ того такимъ образомъ разрѣшилъ свою загадку. По пути къ королю, овчаръ, желая, согрѣться, во время ночлега въ лѣсу, употребилъ для разведенія огня оторванную подкладку шапки и взятую съ собою скрипку, которая при этомъ была разломана. Въ лѣсу пастухъ увидѣлъ серну, выстрѣлилъ изъ пистолета, но попалъ не въ нее, а въ ея дитя, которое скрывалось за матерью.

При переходѣ черезъ болото пастухъ поочередно по одной доскѣ шелъ, а другую клалъ передъ собой. (Wisła, VII, 48—9).

Въ загадкахъ Сампсона и мазурскаго овчара общее то, что онѣ импровизованы на основаніи обстоятельствъ, взятыхъ изъ путешествія этихъ лицъ: этимъ, очевидно, имѣлось въ виду наиболѣе оттѣнить находчивость и мудрость загадчиковъ.

Конкурренція въ области ума изъ-за обладанія женщиной составляетъ конечный результатъ борьбы, первоначально подчинявшейся только „закону боя“, по поводу котораго Чарльзъ Дарвинъ говоритъ слѣдующее:

„У дикихъ народовъ, напр., у австралійцевъ, женщины служатъ постояннымъ поводомъ раздоровъ между особами одного племени и между различными племенами. Тоже было, вѣроятно, и въ древнія времена: „Nam fuit ante Helenam mulier teterrima belli causa“. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ эти бои приведены даже въ систему. Какъ замѣчаетъ превосходный наблюдатель Гирнъ: „въ этомъ народѣ всегда существовалъ обычай между мужчинами драться за каждую женщину, которая имъ нравилась, при чемъ, конечно, награда доставалась болѣе сильному. Слабому человѣку, если только онъ не отличный охотникъ и не особенно любимъ, никогда не дозволятъ имѣть жену, которую болѣе сильный считаетъ достойной вниманія. Обычай этотъ распространенъ во всѣхъ племенахъ и возбуждаетъ сильный духъ соревнованія въ молодежи, которая при всѣхъ случаяхъ съ самаго дѣтства пробуждаетъ свою силу и искусство въ борьбѣ“. У гуановъ Южной Америки, по словамъ Азары, мужчины рѣдко женятся до двадцати лѣтъ, потому что ранѣе этого возраста они не въ силахъ побѣдить своихъ соперниковъ“. (*Дарв.*, О происх. вид., II, 378—9; ср. *Тайлоръ*, Антропол., Спб. 1882, стр. 407).

„Но (продолжаетъ тотъ же ученый) одной физической силы и роста было недостаточно для побѣды, если эти качества не были соединены съ храбростью, настойчивостью и энергіей... Для того, чтобы избѣгать непріятелей или успѣшно нападать на нихъ, для того, чтобы ловить дикихъ животныхъ, придумывать и выдѣлывать оружіе, необходима помощь высшихъ умственныхъ способностей, именно—наблюдательности, разсудка, изобрѣтательности и воображенія. Такимъ образомъ эти разнообразныя способности должны были находиться въ постоянной дѣятельности и подвергаться подбору въ зрѣлые годы; кромѣ того, онѣ должны были усиливаться вслѣдствіе упражненія въ тотъ же періодъ жизни“ (l. c. 380).

П. К. Тарасевскій идеальную невѣсту описываетъ, между прочимъ, такъ: „красыва на лыцце, смила до людей и до хлопцивъ, *умійе прыставлять* (=остроумная юмористка) балакать и спивать, (майе) бравый голосъ“, а идеальный женихъ „умивъ шобъ *улыстыть и пидманыть усымъ дивку*“. (Слоб. Борисовка. 31. V. 95).

Въ приведенной выше сказкѣ про „дивчаче бажання“ идеальная невѣста была „хытрьона“, женихи также „брави парни, чысти, и на языкъ булы рычысти; здорови, ривни, статни и *на всяку хытрость булы здатни*“. Т.-е. хитрость и юморъ по малорусскимъ понятіямъ являются идеальными качествами ума.

Въ станицѣ Кавказской, Кубанской области, населенной линейными казаками, въ прежнее время парни производили кулачный бой во время рождественскихъ святокъ въ присутствіи дѣвицъ, устраивавшихъ при этомъ общій хороводъ. Дальнѣйшее развитіе борьбы, вытекающей изъ „закона боя“, какъ можно судить по станицѣ Кавказской, происходило не только въ пользу ума, но и въ пользу денегъ. Тамъ во время свадебныхъ „сводовъ“, заключающихся въ угадываніи и цѣлованіи невѣсты, лицо которой, какъ и лицо дружки, передъ этимъ бываетъ скрыто подъ платкомъ, родня жениха требуетъ провести невѣсту по хатѣ, говоря: „Не хромая-ли она, не косая-ли?“ и т. д. На слѣдующій затѣмъ вопросъ, нравится-ли невѣста, женихъ отвѣчаетъ: „Товаръ подходящій, а какова цѣна?“ Начинается аукціонная продажа невѣсты, покупателями которой бываютъ женихъ и кто-либо изъ родныхъ ея. Каждая сторона постепенно увеличиваетъ

цѣну, наконецъ женихъ произноситъ: „Я мильонъ даю!“ и тѣмъ заканчиваетъ конкурсъ [1]).

И при раздачѣ свадебныхъ подарковъ, вмѣсто существующаго въ Малороссіи конкурса загадыванія и отгадыванія загадокъ, въ станицѣ Кавказской устраивается новый аукціонъ, именно для продажи этихъ подарковъ. Обыкновенно женихъ даетъ больше всѣхъ: „Я даю—смѣту (!) нѣту!“—говоритъ онъ, и всѣ отстаютъ отъ торга.

Вообще же идеальный великорусскій женихъ „съ гривенки на гривенку ступаетъ, полтиной ворота запираетъ“ (вѣрнѣе: „отпираетъ“), т.-е. на каждомъ шагу щедро расходуетъ деньги (Ворон. Этн. Сборн., 1 № 2130). [2]).

Въ станицѣ Павловской, Ейскаго отдѣла, вмѣсто кулачнаго боя, во время рождественскихъ святокъ существуетъ конкурсъ единоборства паробковъ, въ которомъ иногда принимаютъ участіе и „дивчата“ (*Крамаренко*, 6).

Въ слободѣ Борисовкѣ, Валуйскаго уѣзда, на вечерницахъ устраивается конкурсъ отгадыванія загадокъ; однако-же онъ не допускается въ теченіе Рождественскаго поста, и это запрещеніе, по моему мнѣнію, обусловливается тѣмъ, что конкурсъ здѣсь вытекаетъ изъ полового подбора, нарушающаго святость поста.

Наконецъ, женихи Пенелопы, какъ намъ извѣстно изъ Одиссеи, проводили время въ шахматной игрѣ, представляющей одинъ изъ видовъ состязанія въ умѣ.

Проявленіе борьбы, вытекающей изъ „закона боя“ въ теченіе рождественскихъ святокъ, очевидно, ведетъ начало изъ древняго обычая устраивать браки въ зимній періодъ времени, соотвѣт-

---

[1]) Смутно припоминаю, что мнѣ приходилось читать о существованіи спеціальныхъ ярмарокъ, куда женихи являлись выбирать невѣстъ; но гдѣ существуютъ такія ярмарки, и гдѣ я читалъ объ этомъ—не могу припомнить.

[2]) Здѣсь слѣдуетъ припомнить то знаменательное обстоятельство, что малорусская сказка (Чуб. II, отд. 1, № 69) знаетъ мудрѣйшаго изъ былинныхъ богатырей Волхва Всеславьевича, который, подъ именемъ «Сучченка-богатыря» и тожественныхъ первоначально съ нимъ товарищей, проявляетъ свой умъ главнымъ образомъ при добываніи невѣсты, дочери царя Царолоса (βαρβαλέος?); но малорусская сказка не знаетъ Садка, богатаго гостя. Объяснять это простой случайностью едва ли возможно: народъ заимствуетъ извнѣ то, что отвѣчаетъ его духовнымъ запросамъ, а несоотвѣтствующее имъ перерабатываетъ сообразно съ ранѣе установившейся системой міровоззрѣнія.

ствующій этимъ святкамъ. Такъ въ древней Греціи браки заключались преимущественно зимою, почему одинъ изъ зимнихъ мѣсяцевъ, продолжавшійся съ 10-го января по 6-е февраля, былъ посвященъ богинѣ брака Герѣ и назывался Γαμελύον (отъ γάμος = бракъ).

IV.

Къ мотиву „загадки" ближе всего стоитъ мотивъ: „диво дивное", составляющій отмѣну перваго. По сводному варіанту относящейся сюда колядки изъ очень сходныхъ П. С. Ефименка и И. И. Манжуры (*Потеб.* II, 595), между красною панною и *королевичемъ* происходитъ такой разговоръ:

— Та постій-постій, красная панно,
Та постій-постій, панно Марыно!
Я тоби скажу чудо чуднейе,
Чудо чуднейе, дыво дывнейе:
Що въ насъ о Петри Дунай замерзайе!
Якъ не ймешъ виры, я й самъ тамъ бувавъ,
Полонъ (=ополонку) прорубавъ, коня напувавъ.
— Я тоби скажу, ще й чуднійшейе,
Ще й чуднійшейе, ще й дывнійшейе:
Що въ насъ объ Риздви рожа зацвила!
Якъ не ймешъ виры я й сама (тамъ) була,
Сама тамъ була й рожу щыпала,
Рожу щыпала и виночокъ выла...

Для объясненія этого мотива, я считаю необходимымъ нѣсколько уклониться въ сторону. По народной символикѣ, вода является символомъ пути вообще; напр.: улица, какъ путь, представляется „ричкою быстрою" или „моремъ" (*Чуб.* IV, 322; V, 2, 201, 357, 466, 762, 887, 941; 505—6 въ сопоставленіи съ *Рудч.* 219). Въ смыслѣ пути или, точнѣе, разстояній между тремя селами или „родамы" слѣдуетъ понимать и „тры ричкы быстрыйи", отдѣляющія свой „родъ" отъ „чужыны" (*Чуб.* IV, 73; V, 554; *Гол.* IV, 248 *Černy*, *Baudouin*, 21 et pas.; ср. *Чуб.* III, 128). Теченіе при этомъ обыкновенно направляется отъ любящаго лица къ любимому, въ его дворъ и даже въ сѣни (*Чуб.* III, 220, 221; V, 80).

Между влюбленными обыкновенно „тече ричка невелычка", которую легко „перескочыты" или „перебресты" (*Чуб.* V, 13, 96, 171, 216, 649; *Гол.* I, 296, 318; II, 326, 762, 763; ср. 764), и, наоборотъ, при отсутствіи любви съ одной или съ обѣихъ сторонъ, между ними протекаетъ „ричка", или „дунай", кото-

Горно-Алтайск
ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 3011-1260

рымъ „нема киньця“, „нема краю“ (*Чуб.* 275, 343, 411; *Гол.* II, 793; ср. *Černy, Baudouin* 27).

Такимъ образомъ, чтобы получить доступъ къ сердцу извѣстнаго лица, необходимо пройти этотъ водный путь. Такое прохожденіе пути лучше всего выражено въ бѣлорусской пѣснѣ:

У короля, сирадъ двора,
Тынокъ высокъ, дунай глубокъ:
Хто гэты тынокъ пираскóчиць,
Хто гэты дунай пираплывець,
Каралевначку за сибе возьмець.
Обызвауся молодэй Мякитка:
— Я гэты тынокъ пираскóчу,
Я гэты дунай пираплыву—
Королевночку за сябе возьму.—
Якъ стау скакаць—не пираскочиу,
Якъ стау плысци—ня пираплыу.
Королевночку за сибе ня взяу ..
Обызвауся молодэй Пилипъ...
Якъ стау скакаць—пираскочиу,
Якъ стау плысци—дыкъ пираплыу,
Королевночку за сябе узяу.

(*Шейн*, Бларус. п. № 254; ср. *Чуб.* III, 175, № 113).

Нерѣдко или „мылый“ первозитъ (v. переноситъ) черезъ рѣку „мылу“ или она его (см. *Пот.* 446—454), или же они другъ другу „мостятъ мосты“, „гатять гати“, „кладуть кладки“ (l. c. 131—151). Въ этомъ случаѣ ледъ замерзшей рѣки или моря является естественнымъ мостомъ для влюбленныхъ.

Въ свадебной пѣснѣ это реальное мощеніе мостовъ замѣняется его символомъ:

Вода лугы позалывала,
Дорогы позабырала:
Никуды перейихаты
Федуневы на заручыны
Йего тестонько (item: тещенька, дивонька сватонька, родонько) любытъ,
Йему *мостонькы мостыть*
Зъ каменя дорогого,
Зъ перстеня золотого.

(*Гол.*, IV, 220—1).

То-же значеніе имѣютъ слова веснянки:

Я того да молодого
Одъ розу да полюбыла,
По його слидочку
Перстныкомъ да покотыла.
Ой якъ легесенько
Перстныку да котыться,
А ще й легше—легше
Молодому та женыться.

(*Чуб.*, III, 141—2; ср. *Пот.* I, 68—9, 153).

Связующимъ звеномъ между мостомъ и перстнемъ представляется украшеніе моста „жуковынамы“ (=перстнями).

Ой зъ пидгиренька, а зъ-пидъ соненька,
Надіялася свого мылого
Красная дивонька, на имя Аннычка,
Гатыла гаты дорогымы шаты,
Мостыла мосты жуковынамы.

(*Гол* IV, 73=II, 87).

Въ другой серіи пѣсенъ перстень замѣняется вѣнкомъ. Онъ катится здѣсь вмѣсто перстня:

Сплела Марыся виночокъ,
Зъ яройи руты кусочокъ,
Перекотыла безъ (=przez)
дороженьку
У вышневый садочокъ.
— Пиды, матинко, у садочокъ,
Прынесы мени виночокъ).

(*Чуб.*, IV, 268).

Т.-е. откажи жениху, продолжи мое дѣвичество.

Послѣдняя пѣсня поется при отправленіи молодыхъ въ церковь къ вѣнцу. Въ это же время поются и другія пѣсни, изображающія обрядовое мощеніе мостовъ:

До слюбу идемо́,
Молодого ведемо́,
Ломите роженьку,
Стелите дороженьку
(*Чуб.*, IV, 249).
Молодый молодому
До Божого дому.
Щыпайте роженькы,
Стелить дороженькы. (Ib. 250).
Щыплите роженьку,
Стелите дороженьку
Одъ сельця до сельця,
Куды йихать одъ винця.
(*Чуб.*, IV, 280).

Вѣнками же замѣняются перстни и при символическомъ „мощеніи мостовъ“:

Ой, якъ будешъ ты, та молодъ, женытыся...
Та помостымъ мосты все золотыйи,
Поставымъ стовпы щырозлотныйи,
Та *погатымъ гатки все винковыйи.* (*Пот.*, II, 383).

Послѣ всего сказаннаго, заявленіе „панны“ что „объ Риздви рожа зацвила“, и что она эту „рожу щыпала и виночокъ выла“, должно быть понято въ томъ смыслѣ, что „панна“ также „мосты помостыла“.

Начало одной изъ колядокъ, относящихся къ мотиву „дыво дывнойе“, показываетъ, что и здѣсь происходитъ уже извѣстное намъ испытаніе ума при половомъ подборѣ,—очень важное обстоятельство, на которое не обратилъ вниманія А. А. Потебня (II, 596).

Прыплынь къ берегу, кречная панно,
Загадую ты (=тоби) а загадочку;
Ой, *якъ видганешъ, моя будешъ,*
Якъ не видганешъ, батькова будешъ... (*Гол.*, IV, 75).

Питье воды въ данномъ случаѣ означаетъ любовь вообще и, какъ ея слѣдствіе, бракъ. Въ такомъ же смыслѣ питье воды понимается и въ другихъ случаяхъ, напр.:

Ой у поли крыныця безодна,
Тече зъ нейи водыця холодна.
Якъ захочу, то напъюся:
Кого люблю, обіймуся.
(*Чуб.*, V, 407).

Гей хто хоче воды пыты, схылыся въ кырныцю:
Кого хоче бида найты, беры йедыныцю. (*Гол.*, III, 238).
Йесть у поли кырныченька, журавъйи зъ ней пъютъ:
Уже мою мыленькую до шлюбу ведутъ. (*Гол.*, III, 420).

Тотъ же смыслъ имѣетъ и поеніе коня:

Реве вода съ-пидъ горо́да,
Кинь не хоче пыты:
Ходывъ бы я до дивчыны,
Не хоче любыты.
(*Чуб.*, V, 292).

Сводя къ одному все сказанное по поводу мотива: „дыво дывное“, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: „кречный молодецъ“ напоминаетъ „кречній панни“, что они полюбили другъ друга „о Петри“, а „панна“ на это отвѣчаетъ, что эта любовь должна окончиться мощеніемъ моста „объ Різдви“, т.-е. бракомъ.

V.

Къ мотиву „дыво дывное“ ближе всего стоитъ не встрѣчающійся въ колядкахъ мотивъ: „неисполнимыя задачи“. Для этого мотива А. А. Потебня могъ указать только великорусскіе варіанты, изъ которыхъ я имѣю въ своемъ распоряженіи въ полномъ видѣ лишь записанный В. Варенцовымъ:

Дѣвка платье мыла...
Друга поджидала.
Ѣхалъ тутъ молодчикъ...
На ворономъ конѣ...
— Дѣвица-дѣвица...
Напой ты -нѣ коня.
С(е)редь синя моря
На камушкѣ стоя,
Чтобы конь напился,
Коверъ не смочился...
— Молодчикъ-молодчикъ,
Смости мнѣ кроватку,
С(е)редь синя моря
На камушкѣ стоя.
— Дѣвица-дѣвица.
Сошей мнѣ рубашку
Изъ алова цвѣту,
Котораго нѣту...
— Молодчикъ-молодчикъ...
Сошей мнѣ башмачки
Изъ бѣлаго снѣгу,
Котораго нѣту.
(*В. Варенц.*, 41—3).

Затѣмъ остальные варіанты (*Шейнъ*, Русск. пар. пѣс. 231 № 85, 232 № 86), за неимѣніемъ оригиналовъ, я приведу по извлеченіямъ А. А. Потебни.

— Душенька-дѣвица, сшей-ка мнѣ рубашку,
Не ткавши, не правши, въ рукахъ не державши!
— Душечка-молодчикъ, слей мнѣ перстенечекъ
... со краснаго солнца:
Гдѣ-бъ я ни ходила, всѣмъ я свѣтила...
— Сруби, милый, теремъ, изъ маковыхъ зеренъ,
Чтобы были двери, двери (,) двѣ кровати
(... выстрой теремочикъ
Безо мху, безъ лѣсу, безъ бѣлово тесу).
— ... Набери мнѣ ягодъ
Зимой объ Крещеньѣ, лѣтомъ объ Впесеньѣ... (*Пот.*, II. 599).

Въ разбираемомъ мотивѣ весьма большой интересъ представляетъ прежде всего стояніе дѣвицы „с(е)редь синя моря, на камушкѣ“. А. А. Потебня уклонился отъ разсмотрѣнія этого образа, вслѣдствіе чего остались безъ разсмотрѣнія и другіе

образы, связанные съ стояніемъ на камнѣ и имѣющіе то-же самое значеніе, чтó и поеніе коня.

Далѣе мы увидимъ, что подъ камнемъ здѣсь разумѣется миѳическій „бѣлъ (v. горючій) камень алатырь“ великорусской поэзіи и „камень мармуровый“—малорусской. Оставляя въ сторонѣ требующій спеціальнаго изслѣдованія вопросъ объ этомъ камнѣ, считаю необходимымъ указать только на то, что названія камня: „алатырь“ и „мармуровый“, со стороны своего значенія, тожественны, и оба чаще замѣняются выраженіями „билый (бѣлый) каминь“ или просто „каминь“.

Слово *алатырь* въ этомъ случаѣ является альтернаціей греческаго ἠλέκτωρ (а не ἤλεκτρον, какъ до сихъ поръ полагали) = лучезарный, сіяющій, напр.: Ὑπερίων, и въ эпосѣ, какъ существительное: солнце (Il. 6, 513); а слово *мармуровый* ведетъ свое происхожденіе отъ греческаго μάρμαρος = собств. блестящій (отъ μαρμαίρω = блистать, сверкать), напр.: πέτρος (Il. 16, 735); позднѣе = мраморъ, преимущественно бѣлый; отсюда же и названіе древне-италійскаго бога солнца Марса, который въ древнія времена назывался: Marmar, Mamers, Mavors (*Фаминц.*, I, 195—6 = *Preller*, Röm. Myth. I, 334—5; ср. греч. Ἄρης). Производство же слова „алатырь“ отъ греч. ἤλεκτρον или лат. altare слѣдуетъ признать механическимъ, потому что оно не оправдывается принципами русской фонетики: 1) удареніе въ русской рѣчи, какъ и въ другихъ языкахъ, обыкновенно приближается къ звуку *р* (г), какъ самому сильному въ фонетической системѣ, а не удаляется отъ него, какъ при производствѣ отъ altare [1]);

---

[1]) Это приближеніе, которому лингвисты обыкновенно не даютъ объясненія, совершается двоякимъ образомъ: 1) переносится самое удареніе къ звуку *р* (г), въ особенности въ языкахъ съ подвижнымъ удареніемъ (каковъ и малорусскій), и 2) переносится самый звукъ *р* (г) къ ударяемому гласному. Примѣры приближенія перваго рода: *мрус.*: крéймахы, мирóшныкъ, р*у*менъ, Вихтьóръ, ворóта, борóдавка. рéшето, ср*и*бло, встрéлиты, *вм.*: кремъяхы, м*и*рошныкъ, румéнъ (ср. врус.: *ромáшка* отъ лат. Románum), Victor, и при *врус.*: воротà, рѣшетó, серебрó, застрѣл*и*ть и т. д. Примѣры приближенія второго рода: а) въ *врус.*: канцер*а*лія, Галирéйчынка, Панфьòръ, Сильвьóрстъ, Питинбр*ю*хъ, *вм.*: канцел*я*рія, Горелéйченко, Парфёнъ, Сильвéстръ, Петерб*у*ргъ и *въ дѣтской рѣчи* (по моимъ наблюденіямъ въ екатеринодарской чиновничьей семьѣ), съ замѣной звука *р* его субститутомъ *л*: каньл*я*сь (v. канял*я*сь = карандашъ, с^{m} юл*я*къ [сказано въ первый разъ, но тотчасъ-же послѣ-

2) ἤλεκτρον, по свойствамъ русской фонетики, могло бы дать только альтернацію „а̀лтырь“, и altáre— „алты́рь“, а не преобладающую форму „[а]ла́тарь“, или „[а]ла́тырь“, такъ какъ выпадаютъ обыкновенно слоги не сильные, ударяемые, а слабые, неударяемые [1]), и 3) форма „ала́тарь“ нигдѣ не встрѣчается вм. предполагаемаго А. Н. Веселовскимъ слова „олътарь“ въ общепринятомъ его у насъ смыслѣ (по крайней мѣрѣ самъ авторъ такого употребленія не указываетъ) [2]).

Тожество въ значеніи слова „алатырь“ съ словомъ „мармуровый“ подтверждается еще и тѣмъ, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ великорусской народной словесности стоитъ „камень алатырь“, въ малорусской и западноевропейской—„мраморный камень“ [3]).

Цѣль стоянія или сидѣнія на камнѣ отчасти видна изъ слѣдующаго заговора: „На морѣ, на окіянѣ, на островѣ буянѣ ле-

---

довали поправки: сюфа̀ликъ, сюх*а*ликъ], (v. сюля*j*икъ, сюлякь*ы* [expressivo], ляли*к*и, ляки, ля*j*ики)=сухарикъ—и; б) въ *мрус.:* фаляро́пы, кр*ы*ласъ, шафр*а*нъ, окре́стъ, калав*у*ръ, повере́сло, симр*я*га, окр*и*пъ, окро́пу, тр*у*ть, шкаляр*у*ща. ре́ля, доро́зець, калант*ы*ръ, коре́ла, *вм.:* фарaво́пы, кл*и*росъ, шарахв*а*нъ (са—), орке́стръ, карав*у*лъ, перевéсло [у *Огоновскаго* въ Studien, p. 95 перевесло́: съ такимъ удареніемъ я этого слова не слышалъ], сирм*я*га, ко́пиръ, ко́пру, арт*ю*ть, шкурал*у*ща, л*и*ра, дозо́рець, карант*ы*нъ, хольéра; в) въ *поздне-лат.:* feborāri, Pr*a*ncăti, lĕrĭquĭae, lĕrĭgĭo, lerĭcum, *вм.*. febrŭāri, P*a*ncrăti, rĕlĭqŭiae, rĕlĭgĭo, relĭcuum; 2) въ *древне-верх.-нѣм.:* kokodrílle (ср. *итал.* cocodríllo), изъ *лат.:* crocodīlum; д) въ *итал.:* mar*a*ntega *изъ* m*a*dre antíca (по венеціян. mare antíga).

[1]) Ср. *Богород.*, I, 160—1; *Baudouin*, Teor. altern. I, p. 53.

[2]) Чередованіе рус. *т* съ греч. κτ наблюдается и въ другихъ случаяхъ, напр., въ словахъ: *т*итаръ, Θе*т*исъ, Филь*т*ъ, *вм.:* *кт*иторъ, Θео*кт*истъ, Θеофила*кт*ъ.

[3]) Въ старо-итальянской молитвѣ, найденной А. Н. Веселовскимъ въ рукописи XIV вѣка, значится:

Siedesi-siedesi madre Maria
In su pietra marmora.

Въ западныхъ заговорахъ свв. Петръ и Аполлоній также сидятъ на мраморномъ (=блестящемъ) камнѣ. (R. Köhller, Ein Segen gegen Zahnschmerzen, въ Germania N. R. J).—Точно также у Schuster'a въ Siebenbürgisch-Sächsische Volkslieder p. 207—8: Gegen Gelbsucht und Konifschmerzen: Es war sich heut freitag, Dasz sich Gott der Herr schprach: Da sasz Jesus so traurig nur allein Auf einem marmorinen Stein, Da kam Maria gegangen, sie sucht ihren Hern... У Mittler'a въ Deutsche Volkslieder № 958. Und da sie es geboren hat (о Маріи и Спасителѣ), sie sah ir liebs kind an, sie knieet auf ein Marmelstein. (*Весел.*, Ист. легенд. 1876, III, 248).

житъ камень, на томъ камнѣ сидитъ красная дѣвка раба N, и пріиде къ ней рабъ божій N и говоритъ ей: ты меня не убойся, я пріиде (!), твой товарищъ, *тебя соблазнитъ*, чтобы тебѣ меня почитать и всегда на умѣ держать"... (*Майк.*, 27); или: „Бога бы не боялась, людей бы не стыдилась, во уста бы цѣловала, руками обнимала, блудъ сотворила" (ib. 11).

Сидѣніе и стояніе на камнѣ въ малорусскихъ пѣсняхъ упоминается въ слѣдующихъ случаяхъ:

Ой на (сынимъ) мори (стойать) *каминь мармуровый*,
На нимъ сыдыть хлопець чорнобровый,
Сыдыть соби та й въ сопилочку грае,
Гирко йому на серденьку, шо дружыны не майе. (*Чуб.*, V, 31).

Въ это время онъ

Да гадоньку думайе:
— Суды, Боже, женытысь,
Хорошу жинку взяты. (*Чуб.*, V, 483 = 496 = *Гол.*, III, 135=137).

Сидитъ на камнѣ и дѣвица, размышляя:

Сама-жъ я знаю, чого я плачу:
Ой, що мылого нигде не бачу.
Буду стояты *на тимъ камени*,
Ой, чы не скаже: дай руку мени.
(*Чуб.*, V, 356).

Ой на мори, та *на камени*,
Сыпье море та порозтерялось [1])
Тамъ Маруся потопала,
И ратунку бажала,
(*Чуб.*, IV, 139).

Спасителемъ утопающей является „князь" (женихъ):

Перемыській войевода волайе:
—Ой, хто-жъ пойиде на войеванье?—
Князятко мовытъ: „Я пойиду:
Маю коныка кованого,
Ой на *билый каминь* вступытъ,
Князь Ганулейки доступытъ".
(*Гол.*, IV, 263).

Тоже въ великорусской пѣснѣ:

По утру ранешенько, на зарѣ,
Щебетала ласточка на дворѣ:
Всплакала дѣвонюшка на морѣ,
На бѣломъ, горючемъ на камнѣ.

Напрасно она обращается за помощью къ отцу, матери, брату, сестрѣ: у нихъ „жалости не было". Наконецъ—

По бережку миленькій гуляетъ.
— Гуляй-гуляй, миленькій, здорово!
Сойми меня, дѣвицу, с (о) моря,
Со бѣла горючаго камня.—
У милаго жалости было:
Снялъ онъ меня, дѣвицу, с (о) моря
Со бѣла, горючаго камня.
(*Поповъ*, 7—8) [2]).

Изъ другихъ свадебныхъ пѣсенъ видно, что 1) „*на тимъ камени* два пысарчыкы пышутъ лыстье розлучнойе", разлучая „Марысейку видъ батейка" (*Гол.*, IV, 271; ср. *Чуб.*, IV, 415); 2) на этомъ камнѣ стоитъ невѣста при расплетаніи косы (*Гол.*,

[1]) Собственно=испортилось, поломалось: очевидно рѣчь идетъ о льдѣ.

[2]) Потопаніе въ греческомъ эпосѣ, какъ символъ въ солнечной сферѣ, требуетъ особаго разсмотрѣнія.

IV, 313), и 3) при „закладаніи“ вѣнка (надѣваніи на ея голову; ib. 293); 4) на камнѣ пьютъ воду два сокола (v. два ангела), отправляясь на „заручыны“ (*Чуб.*, IV, 75); 5) „*на билимъ камынйку*“ молодые „шлюбъ берутъ“ въ церкви (*Гол.*, IV, 255), и 6) „изъ-пидъ *билого каменя*“, на морѣ, одинъ только женихъ въ состояніи достать „завывайло“ (*Гол.*, IV, 293).

Такимъ образомъ всѣ приведенные образы связаны съ бракомъ. Море ассоціируется здѣсь съ бракомъ потому, что оно представляетъ собой символъ неба, на которомъ находятся Солнце, Мѣсяцъ и Зори-Зоряницы, какъ извѣстно, покровительствовавшія браку и вообще надѣлявшія людей долею.

Прочіе образы малорусскихъ пѣсенъ, связанные съ „камнемъ мармуровымъ“ касаются внѣбрачной любви, обольщенія:

Съ-пидъ каменя воду беру, на камени стою:
Гей за мене люды брешутъ, я ся йихъ не бою. (*Гол.*, II, 409= III, 388; ср. *Чуб.*, V, 332).

У выру воду беру, на камени стою:
Я такого мужа маю, що'го ся не бою. (*Гол.*, II, 835; ср. II, 347) [1].

Тече вода по жовтимъ писочку:
— А хто-жъ мени, молодому, выпере сорочку?
Тече вода по каминю, пидъ каминьомъ сухо:
Чомъ до мене не говорышъ, моя щебетухо?
— Якъ бы'мъ знала, мій мыленькій, *що я твоя буду*,
Выпрала бы'мъ сороченьку (и)съ чорного бруду. (*Чуб.*, V, 332).

Станулъ я тамъ (та) на камынь,
Камынь марморовый;
А съ-пидъ того (та) кам(е)ня
Водычка выплыла:
(*Гол.*, III, 418; ср. *Чуб.*, IV, 499 № 1601; 505 № 1644; *Шейнъ*, Бѣрус. пѣс. № 193).

— Напыйся йей, моя мыла,
Кедъ'сы справедлыва.
— (*Кедъ*) *я бы ся йей напыла*
Красу бы'мъ втратыла.

Такимъ образомъ питье воды означаетъ не только любовь, которая оканчивается бракомъ, но и потерю красы, или внѣбрачную связь замужней женщины. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и поеніе коня въ пѣсняхъ, относящихся къ мотиву: „неисполнимыя задачи“. Обращеніе къ дѣвицѣ съ просьбою напоить коня часто встрѣчается и въ малорусскихъ пѣсняхъ, при чемъ бываютъ случаи какъ отказа, такъ и согласія. Въ первомъ случаѣ „дѣвчына“ говоритъ:

Якъ буду твоя
(т.-е. когда выйду за тебя замужъ),
То напою два,
Ой поведу до Дунаю,
Де чыста вода.
(*Чуб.*, V, 159; ср. 155, 292).

[1] Смыслъ этой коломійки объясняется ея варіантомъ:

Ой, на выру воду беру, на-споди калюжа:
Я мылого лишше люблю, нижъ свойого мужа. (*Гол.*, II, 845).

Но чаще всего поеніе коня „мылого“ дѣвицею связано съ „пидмовою“ и „зрадою“.

Козакъ коня наповайе,
Дивчя воду пидлывайе,
Козакъ дивку пидмовляйе.

Въ результатѣ всего этого всегда бываетъ сожалѣніе „дивчыны“, что она

Потеряла свій виночокъ,
Черезъ дурный розумочокъ,
Пидъ билою березою,
Не пьяною,—тверезою.
(v. Въ чыстымъ полю прысягала,
Пидъ яворомъ зеленькымъ
Изъ козакомъ молоденькымъ).

(*Чуб.*, V, 353, 335; *Гол.*, I, 116—7, 117—8; II, 54) [1]).

По моему мнѣнію, значеніе такой-же „пидмовы“ имѣетъ и слѣдующая бѣлорусская пѣсня:

Dy szczyr bór wyharajić;
Siwy kóń wybiehajić.
Dy za jim suhón-pahón
Maładzieńkij Jánaczka:
– Hanuszka, dusza maja.
Pyrajmí kania majhó (bis).
Pyrajmí siwoha!
— Rada b ja pyraniaci,
Dy bajusia ojca-maci
— Hanuszka, duszá majá,
Dy nia bojsia nikoha (bis),
Tolki Hóspada Boha (bis)
Dy minie maładoha.
(Cerny, Baudouin, 27).

„Щыръ-боръ“ является здѣсь символомъ лица, именно самого Яначки. Та-же символизація наблюдается и въ другихъ бѣлорусскихъ пѣсняхъ, напр.: „зеленъ нашъ боръ надъ усими борами=славенъ нашъ панъ надъ усими панами“ (*Нос.*, стр. 99=*Шейнъ*, № 385), боръ=тесть (*Нос.*, 209), боръ=жена (*Шейнъ*, № 435; ср. также *Потеб.*, Мрус. нар. пѣс. XVI в., 19—20). Такимъ образомъ и горѣніе здѣсь означаетъ любовь (ср. *Потеб.*, I, 172—189).

Въ малорусской колядкѣ эта же тема развита иначе. „Билойе дитя, на имя Максымъ“, гоняясь за конемъ, выбѣгшимъ изъ зеленой дубравы, говоритъ: „Ой хто мого коня злóвыть, тому буде чаша злóта.., а дви срибла“. Коня ловитъ „дивчына“, которая послѣ этого загадываетъ „загадойку“:

— Ой хто йійи отгадайе,
Тому буде чаша злота,
Чаша злота и дви срибла.
— Злото мойе, й срибло мойе,
И ты моя, красна панна!
(*Чуб.*, III, 392—3).

Т.-е. дѣло здѣсь заканчивается испытаніемъ ума и бракомъ. Сюда же примыкаетъ мотивъ о дѣвицѣ, которая предпочла утонуть, нежели „держаты (v. водыты) коня“.

---

[1]) Ср. польскія пѣсни о Jasiu и Kasi, гдѣ

Jasio konie poił, Kasia wodę brała:
Ej Jasieńko zaświstał, Kasia zapłakała (Wisła, IV, 396—404).

Oj posłała ja ćterech braćiskòw
Zielonej łącki kosić,
I kazali se najstarszyj siostrze
Śniadanicko przynosić.
Najmłodsa siostra śniadanie niosła
Pod zieloną olsynę...
Z koników zsiedli, śniadanie zjedli
Oj nadobnyj dziewcynie.

I kazali jej koniki wodzić
Po zielonyj olsynie;
Konie wodziła, w Dunaj skocyła,
Cnoty nie utraciła.
Pływaj ze, siostro, pływaj ze, nasa,
Pływaj ruciany wieniec.
Płace cię ojciec, płace cię matka
I niejeden młodzieniec.

(*Пот.*, I, 208=*Kolberg.* Lud, I, 56).

Изъ малорусскихъ варіантовъ этой пѣсни оказывается, что давали держать коней дѣвицѣ не братья, а „гей бы“ (=въ родѣ, какъ) „два браты“, „два (v. три) козаченькы“, „а она взрившы, що то не жарты“ (v. що неправдонька, v. небылыця), „пустыла коня (v. кони) въ чистойе поле, сама скочыла въ сыньойе море“ (*Голов.*, II, 582, 679; *Купчанко*, 373).

Для А. А. Потебни этотъ мотивъ остался неразгаданнымъ: „То, что Ганнѣ дали держать коней (говоритъ онъ), можетъ зависѣть отъ того, что и ея миѳическій первообразъ тоже держалъ коней. По латыш. п. (о заходящемъ солнцѣ): солнце (*сауле*, женщина, дѣвица) плавитъ (купаетъ) своихъ коней въ морѣ; сама сидитъ на горѣ, золотыя возжи (у него) въ рукѣ“. (*Пот.*, I, 209).

Изъ приведенныхъ выше варіантовъ, относящихся къ разбираемому мотиву, видно, что смыслъ здѣсь опредѣляется не только держаніемъ коней, но, что главнѣе, и поеніемъ ихъ.

Зооморфизмъ въ изображеніи мужской естественной принадлежности подъ видомъ коня яснѣе всего виденъ, насколько я помню, въ записанной Н. Л. Янчукомъ брус. свадебной пѣснѣ Минской губ. (Труды Эти. Отд. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн., кн. IX=Извѣстія того же Общ., т. LXI, стр. 87, № 22, гдѣ отсутствіе половой страсти выражается „приставаніемъ“ (=утомленіемъ) коня. Подобный же зооморфизмъ наблюдается и въ малорусской свадебной пѣснѣ, гдѣ, наоборотъ, похотливость идущаго съ невѣстой въ „комору“ жениха выражается образомъ разъяреннаго „бугая“, котораго „ведутъ“ на прыпони“ (*Чуб.*, IV, 437).

И помимо пѣсенъ, въ обыденной рѣчи, конь берется для сравненія, какъ символъ половой страсти, напр.: „На досвиткахъ... яка (дивчына) ны линыва, такъ хочъ и спива, а свойе дило робе; а якъ яка жырна и линыва, такъ та и роботу бросе, затійе зъ

хлопцями воловодыця, та иржать, якъ кобыла до жырыбцивъ". (1892. Сообщ. П. К. Тарасевскій) [1]).

Связь мотива „неразрѣшимыя задачи" съ индійскими сказками о семилѣтнемъ мудрецѣ, разрѣшающемъ загадки, заключается въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ предлагающему выполнить невыполнимую задачу, въ свою очередь, предлагается другая подобная же задача, доказывающая полную невозможность выполненія первой. Однако же, мнѣ кажется, что первыя предложенія съ обѣихъ сторонъ въ разбираемыхъ пѣсняхъ должны бы быть исполнимыми и разрѣшимыми сообразно съ заключеніемъ малорусской пѣсни:

Якъ буду твоя,
То напою два (коня),

т.-е. любовь здѣсь должна быть обусловлена бракомъ. На это намекаютъ предложенія дѣвицы: „Смости мнѣ кроватку" или точнѣе: „Сруби, милый, теремъ изъ маковыхъ зеренъ, чтобы были двери, двери, двѣ кровати". Предложеніе „смостить кроватку", а тѣмъ болѣе двѣ кровати, по моему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ понятіе о семейной обстановкѣ, исключающей всякую мысль о присяганьѣ въ чистомъ полѣ, „пидъ билою березою" или „пидъ яворомъ зелененькымъ". Подкрѣпленіемъ такого взгляда служатъ и упоминаемыя здѣсь двери, входящія въ сим-

[1]) Какъ конь, такъ и „бугай" (=буй-туръ) въ данномъ случаѣ могутъ восходить до похотливаго бога солнца, символами котораго они служили. Такъ „у грековъ Діонисій, который съ одной стороны, какъ божество солнца, съ другой, какъ представитель похоти, плодородія и растительной силы земли, имѣлъ, какъ римскій Liber и русскій Ярило, символомъ—фаллосъ, и иногда не только назывался быкомъ, т.-е. туромъ, но даже изображался въ видѣ быка". Preller, Gr. Myth. I, 544: „Прійди, владыка,—взываютъ къ нему,—прійди въ свой священный храмъ, вмѣстѣ съ харитами, ударяя землю своей *бычьей* ногой". (*Фаминц.*, I, 236).

Тожество символическаго тура съ такимъ же концемъ устанавливается маскарднымъ шествіемъ въ Дубровникѣ, въ Далмаціи, гдѣ главную роль играетъ называемая „Турой" или „Турицей" фигура, имѣющая лошадиную голову (*Фаминц.*, I, 238=Hanuš, D. Wiss. d. sl. Myth. 196).

Соотвѣтствующій греч. Діонисію русскій богъ похоти Ярило также изображался сначала въ видѣ коня и конской головы, потомъ въ видѣ всадника". (*Ефименко П. С.*, О Ярилѣ въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этн. II, 87).

Въ галицкой сказкѣ Роздольскаго (стр. 11) „винь зи совцемъ", очевидно, также представляетъ собой олицетвореніе послѣдняго.

волику семейной жизни: малорусская поговорка „за дубовыйе зашла двери“, какъ извѣстно, обозначаетъ выходъ замужъ (*Ном.*, № 8991). То-же самое обозначаетъ и постройка терема изъ маковыхъ зеренъ.

Для объясненія символики такого терема необходимо нѣсколько уклониться въ сторону. Въ загадкахъ маковая головка опредѣляется, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: „На тычинкѣ городокъ, въ немъ семь сотъ воеводъ“. „Подъ однимъ колпакомъ семь сотъ казаковъ“ (*Даль*, Посл., II, 609). „Стойить стрила середъ двора, а въ ти стрили симъ сотъ и дви“. (*Ном.*, № 195; ср. 197). Съ другой стороны, символика маковки опредѣляется малорусской пословицей: „Нема цвиту цвитнійшого (v. свитлійшого) надъ макивочкы, нема роду риднійшого надъ матиночкы“ (*Ном.*, № 9361 = *Чуб.*, V, 437). Тоже въ пѣснѣ:

А въ городи зацвила макивка:
До то мони ридная матинка. (*Чуб.*, V, 455).

Однако-же между „макивочкою“ и „матиночкою“ есть посредствующее звено. *Маковка* въ русской рѣчи означаетъ: 1) главу церкви („золотыя маковки“), 2) украшеніе въ этомъ видѣ и 3) верхнюю часть головы человѣка (*Даль*, Толк. слов.). И въ малорусской словесности маковка также является символомъ головы: „Убывъ брата рідного, а шурына вирного: покотылась голова, такъ якъ макивочка“ (*Чуб.*, V, 739). „А въ городи макивка брынила, [А] вже Маруси головка злетила“ (l. c. 387). „Голова, якъ маковка, а въ нейи розуму, якъ наклано“ (*Ном.*, № 5707; ср. *Шейнъ*, Брус. пѣс. № 319).

Уже изъ приведенныхъ данныхъ видно, что для малоросса „макивочка“ является идеаломъ головы, и этому идеалу, конечно, болѣе всего отвѣчаетъ бритая голова запорожца [1]).

---

[1]) Въ Борисовской волости, Валуйскаго уѣзда, еще и теперь при опредѣленіи красоты обращается большое вниманіе на форму головы. Тамъ на улицѣ и вечерницахъ, молодежь дѣлится на три самостоятельныя части: къ первой принадлежатъ наиболѣе красивые, „а именно та красыва (такъ пишетъ П. К. Тарасевскій) у якойи *круглувата голова*, биле тило...“; ко второй части —„хто выдуже паганый и выдуже бравый..., а вже третью часть составляють сáме хужи, а именно: *довгобрази*, носаты“ и т. д.

Кто знакомъ съ народнымъ акушерствомъ на Украйнѣ, тотъ хорошо знаетъ, что здѣсь форма головы у новорожденнаго всецѣло зависитъ отъ воли повитухи, прибѣгающей въ этомъ случаѣ къ различнымъ механическимъ сред-

Отношеніе „матиночкы-макивочкы“ къ семи стамъ воеводамъ или казакамъ можетъ быть выяснено изъ сопоставленія загадокъ съ пѣснями. Въ нихъ упоминается: 1) симъ-сотъ блудцивъ-молодцивъ“, обѣщающихъ „доброму (v. славному) пану“, къ которому они приблудились, помочь въ похищеніи невѣсты (*Пот.*, II, 382—4) [1]), 2) въ бѣлорусской волочобной пѣснѣ (*Безсон.*, 15,

---

ствамъ. Круглая форма малорусской головы настолько бросается въ глаза, что одинъ изъ образованныхъ екатеринодарцевъ выразился такъ: „Круглая голова бываетъ только у простыхъ людей, а у благородныхъ (!) она продолговатая“.

[1]) А. А. Потебня здѣсь, какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ (II, 267 sq), видитъ сватовство; но такое толкованіе противорѣчило бы числу молодцовъ, необходимому болѣе для нападенія („билый камінь лупаты“ или „замки ламаты, Марусю доставаты“ (*Чуб.*, IV, №№ 839, 844); чѣмъ для сватовства. Для подтвержденія этого укажу на слѣдующее.

Во всѣхъ мотивахъ, гдѣ рѣчь идетъ о добываніи невѣсты, обѣщается помощь при переѣздѣ черезъ мостъ, а гдѣ его нѣтъ, переносъ черезъ рѣку. Эта черта въ колядкахъ вытекаетъ изъ того, что враги, какъ мионческіе (напр. въ сказкѣ *Чуб.*, II, отд. I, № 69 et pas.), такъ и дѣйствительные (см. *Кул.*, Ист. возсоедин. Руси I, 99), подстерегаются обыкновенно на мостахъ и переправахъ [ср. „Заржали коники *на броду*, чули коны на себе нагоду, што братъ за сестрой (собственно за похитителемъ ея) гонивци; *Нос.*, Брус. пѣс. стр. 270]; въ игрѣ „водить козла“, изображающей наказаніе похитители невѣсты, мѣстомъ дрекы „козловъ“, т.-е. представителей со стороны похитителя и похищаемой, также „бываютъ мосты на рѣкахъ и ручьяхъ, раздѣляющихъ слободу на часть“ (*Иван.*, Игры, 78). Въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно необходима помощь семи сотъ молодцовъ, чтобы избѣгнуть участи „козла“, котораго „вловылы за рижекъ, повелы на торжокъ, продалы за сажокъ“ (l. c. 80). Упоминаемыя въ пѣсняхъ этой игры капуста и петрушка, съѣденныя козломъ, какъ символы „дивчины“, повторяются и въ другихъ пѣсняхъ (*Чуб.*, III, 219; IV, 477, 508; V, 36).

Остатки обычая наказывать похитителя невѣсты можно наблюдать и въ дѣйствительной жизни. Такъ П. К. Тырасевскій въ доставленной мнѣ статьѣ: „Розказъ молодецького обряду до зачину свадьбы“ (=основы полового подбора и вытекающая изъ него борьба) пишетъ: „А то такъ ще така у хлопцивъ завычка. Оце бере яку дивку сторонній парубокъ та ще, гляды, и дивку гарну, то вже наши хлопци, яки на йіи булы охотныры свататъ, мусять тому парубкови одомстыть за те, шо винъ бере зъ йихъ хутора браву дивку. Ото постоянно його логлять утостыть тоди саме, якъ бере винъ молоду до себе; якъ ото пизненько йиде, то вже його и вгостять рубавцемъ; колы його вы попадуть, такъ якого-нибудь боярына або свашку, а то такъ и иконы часто разбываютъ тымы опупкамы“. По сообщенію хорунжаго Александра Дмитр. Прасолова (Куб. Обл. Вѣд. 1896 г., № 166), если казакъ съ

№ 19) „снмъ сотъ варобьйовъ“, наоборотъ, сами похищаютъ на вербѣ „рáсу залацистую“ (ср. *Пот.*, II, 458); въ малорусской же колядкѣ „симъ сотъ хлопцивъ-молодцивъ ворота повидчинялы, садъ-виноградъ та повытопталы, райськійи пташкы повыпускалы“ (*Чуб.*, III, 357); или же „симъ сотъ молодцивъ-билоцерковцивъ... похотилы... съ собою взяты“ прекрасную „пани“ въ чистомъ полѣ, гдѣ она пшеницу жала (*Пот.*, II, 493); 3) въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ упоминаются „снмъ сотъ бояръ“ (*Чуб.*, IV, 118, 173, 199) или „симъ сотъ свативъ“ (l. c. 268), первоначально похитителей, и 4) въ колядкѣ „господарь“ собираетъ „женцивъ—симъ сотъ молодцивъ“ (*Чуб.*, III, 389).

Отношенія „матиночкы“ къ семи стамъ молодцамъ опредѣляется слѣдующей свадебной пѣсней:

—Порадь, мене, та мій батеньку, И блызькую и далекую,
Скилько мени та бояръ браты? И вбогую, и багатую.
—Беры, сынку, всю родыночку, (*Чуб.*, IV, 317; ср. 133),

т.-е. семьсотъ молодцовъ представляютъ собой „всю родиночку“, главой которой, судя по загадкамъ, является мать. Главенство женщины въ матріархальной семьѣ сказывается и въ слѣдующемъ погребальномъ обычаѣ: „якъ умре стара баба, така, щó майе багато онукивъ, то завъязуютъ у узлыкъ трошкы маку и кладуть йій коло бока.—На́ тоби, кажуть, щобъ було чымъ на тимъ свити онукивъ обсыпáть, якъ прыйдуть йисты просы́ть“ (*Чуб.*, IV, 708). Очевидно, здѣсь забытъ первоначальный смыслъ обычая, насколько можно судить по тому, что у древнихъ римлянъ умилостивленіе Маніи, матери Ларовъ, вѣроятно, какъ главы

одного конца станицы беретъ невѣсту, живущую на другомъ концѣ, то паробки „*считаютъ стыдомъ для себя не избить жениха* за то, что беретъ невѣсту съ ихъ стороны. Въ станицѣ Ново—ской (Ейскаго отдѣла ? Д.), напр., какъ-то не удалось поколотить жениха; такъ они подстерегли, когда тотъ шелъ отъ вѣнца, и одинъ изъ нихъ бросилъ изъ-за тына въ него камнемъ; но въ жениха-то не угѣлилъ, а попалъ въ образъ, имѣвшійся въ рукѣ жениха“. Ср. также въ моей статьѣ „Масляница“ (Куб. Обл. Вѣд. 1895, № 30) бросаніе дѣтьми снѣга въ участницъ игры „козла водить“ и пиханіе ихъ въ слободѣ Борисовкѣ, Валуйскаго уѣзда, съ бросаніемъ въ первое воскресенье Великаго поста снѣга и хлестаніемъ вѣниками „хоровины“ (тещи) въ Череповецкомъ у., Новгородской губ. (Эгн. Обозр., XX, 123).

Послѣ всего сказаннаго нельзя признать перевозъ или переносъ черезъ воду за символы сватовства, какъ полагаетъ А. А. Потебня.

рода, производилось при помощи принесенія въ жертву человѣческихъ головъ, а позднѣе ихъ изображеній, или же маковыхъ головокъ [1]).

Но какъ бы то ни было, въ этомъ случаѣ „узлыкъ маку“ является символомъ главенства женщины въ родѣ, какъ шапка съ вѣнкомъ, положенная подъ голову умершему паробку—символомъ „парубоцтва“, а вѣнокъ, положенный умершей дѣвицѣ—символомъ „дивоцтва“ (см. 1. с. 703).

Греческая богиня Деметра (Δη-μήτηρ=Γῆ-μήτηρ=мать-земля) изображалась „похожею на Геру, только съ бо́льшимъ *материнскимъ* выраженіемъ, болѣе мягкою и нѣжною, съ корзинкою плодовъ, колосьями и *макомъ* въ рукахъ“ (*Дюбк.*, 292).

Изъ всего сказаннаго само собой слѣдуетъ, что просьба дѣвицы „срубить теремъ изъ маковыхъ зеренъ“ означаетъ желаніе дѣвицы выйти замужъ за молодца, и такимъ образомъ сдѣлаться главой въ семьѣ. На это же намекаетъ и слѣдующая малорусская свадебная пѣсня, которую поютъ въ слободѣ Тишанкѣ, Валуйскаго уѣзда, въ понедѣльникъ:

—Ой нашъ Ягóрка вы промахъ,
Та дырявыть (bis?)
Макивочку въ жóмахъ,
Винъ йíйи стискайе,
Та одъ себе не пускайе,
Винъ йíйи годуйе...

(Та) вильно (жъ) йому
У свойему дому
И тыны городыты,
И переязы робыты,
Щей макивочку садыты.

(1895 г. Сообщ. П. К. Тарасевскій; ср. *Чуб.*, IV, 148—9 № 239; 150 № 242).

Выше я указалъ, что мотивъ „неисполнимыя задачи“ не встрѣчается въ колядкахъ; здѣсь же добавлю, что это могло случиться только потому, что этотъ мотивъ не заключаетъ въ себѣ одного изъ главнѣйшихъ элементовъ колядки—величанія. И на самомъ дѣлѣ, здѣсь рѣчь идетъ не о сватовствѣ, какъ пожеланіи брака, обычномъ въ колядкахъ, а о соблазнѣ. Поэтому варіантъ Варенцова правильно выражаетъ мысль, положенную въ основу мотива: сперва идутъ предложенія съ одной стороны свободной любви, а съ другой—любви, вытекающей изъ брака, а затѣмъ, когда молодецъ выражаетъ отказъ вступить въ бракъ, слѣдуетъ приведеніе другъ друга къ абсурду.

---

[1]) Mania, mater Larum, quam capitibus alii aut papaveris placabant, aut effigie suspensa, cum olim capite humano placari solerent. v. Varr. de L. L. 8, 38; et Macrob. Sat. 1, 7... (Thes., I, p. 1519).

Просьба дѣвицы сшить „башмачки изъ бѣлаго снѣгу, котораго нѣту“, или „съ желтово песочку“ напоминаетъ подобную-же просьбу сказочной „дывчины—вошывого-кожушка“. Когда отецъ захотѣлъ на ней жениться, она по совѣту матери, данному изъ могилы, отвѣчаетъ: „Я не пойду за тебе замужъ, тату, покиль ты мыни не справышъ такого платья, якъ зоры“. Послѣ того какъ отецъ, проѣхавши по всему свѣту, исполнилъ задачу, ему послѣдовательно предлагаются новыя: „Справъ мыни, тату, таке платьйе, якъ мисяць“, потомъ—„платьйе, якъ сонце“, и наконецъ—„вошывый кожушокъ изъ шкурокъ вошей“, и всѣ эти задачи исполняются съ равнымъ успѣхомъ. Въ заключеніе дочь, чтобы избавиться отъ отца, по наущенію матери, произноситъ извѣстныя заклинанія и входитъ въ землю, на тотъ свѣтъ. (*Чуб.*, II, отд. I, № 18).

Въ питированной выше пѣснѣ сіяющимъ, какъ солнце, оказывается не платье, а перстень: „Душечка-молодчикъ, слей мнѣ перстенечекъ... со красного солнца: гдѣ бы я ни ходила, все бы я свѣтила“...

Уже изъ приведенныхъ мною извлеченій родство мотива „неразрѣшимыя задачи“ съ малорусской сказкой настолько очевидно, что не требуетъ особыхъ комментаріевъ.

Послѣ всего сказаннаго необходимо соотвѣтственно исправить слѣдующее положеніе А. А. Потебни: „Смыслъ этихъ пѣсенъ (т.-е. относящихся къ разбираемому мотиву, Д.) тотъ, что дѣвица умнѣе молодца, или не уступаетъ ему по уму. Это состязаніе ведетъ, какъ и въ пѣснях „загадки“ и „диво“, къ браку, и едва-ли справедливо мнѣніе Уланда, что „неразрѣшимыя задачи“, въ противоположность „загадкамъ“, показываютъ, что сватовство несеріозно и бракъ немыслимъ“. Такъ сначала думаетъ женихъ въ приводимыхъ ниже сказкахъ, пока мудрые отвѣты невѣсты не приводятъ къ браку“ (*Пот.*, II, 602). Однако-же приводимыя затѣмъ авторомъ сказки слишкомъ далеки отъ разбираемаго мотива и потому не могутъ служить къ его разъясненію.

VI.

Какъ одинъ изъ видовъ величанія, мотивъ: „молодецъ выигрываетъ коня и дѣвицу“, также имѣетъ родственную связь съ мотивомъ „загадки“: въ обоихъ случаяхъ восхваляется умъ ве-

личаемаго. По народнымъ понятіямъ, хорошо играть въ карты можетъ только умный человѣкъ. Въ одной изъ сказокъ, записанныхъ мною въ г. Екатеринодарѣ (17 Февр. 1896), между прочимъ, говорится: „Умеръ у москаливъ пипъ, воны й миркують соби, кого бъ йимъ настановыты попомъ. И нарядылыся воны настановыты такого москаля, що бувъ на Диищыни: винъ хочъ и читаты не тяме, такъ за те-жъ тамъ навчывся граты на карты“...

Въ цитированныхъ А. А. Потебнею варіантахъ (II, 622—5): 1) „молодъ паныченько... въ карты... выгравъ соби молодую паню“ (*Чуб.*, III, 318 — 9); 2) „дзѣўка съ туркомъ въ карты грала“ и, судя по концу пѣсни, сама себя проиграла (*Шейнъ*, Брус. пѣс. № 455) 3) „Гапичка съ Яничкомъ въ карты гра“, и они „зъ велыкого грання далыся до спання“, т.-е. на большой ставкѣ ея „зеленый винокъ быстра вода взяла“ (*Гол.*, III, 247); 4) „въ великорус. свадебной пѣснѣ (*Ефим.*, Матер. по этногр. Арханг.губ., II, 88; *Сахар.*, Сказан. Р. н., кн. III, 1, 3, № 25); *Халанск.*, Врус. был. 155) дѣвица приходитъ къ молодцу въ шатеръ играть „во таблеи, во шахматы“, выигрываетъ у него золотъ перстень и проигрываетъ свою „вольну волкюшу“ (русу косу и пр.)“; 5, „можный панонько, Двома яблочкы пидкыдаючы, Трома оришкы все цытаючы, Выцытавъ коня та съ-пидъ короля“ (*Гол.* II, 65 № 19; IV, 41; Чуб. III, 293 № 27 А), и 6) въ лужицкой пѣснѣ (Hawpt a Smolerj I, № 59, II, № 91), переведенной на малорусскій языкъ А. А. Потебнею, „витеръ Занисъ винокъ (sc. пышнойи панны) до корчомкы; Тамъ молодци въ косты грають, О той винокъ тройе бративъ: Наймолодшый соби бере“.

А. А. Потебня, не находя основанія считать мотивъ этой колядки новымъ, полагаетъ, что вмѣсто игры въ карты, вѣроятно, нѣкогда стояла тамъ другая игра: въ костн, въ четъ-нечетъ (*Пот.* II, 663). Такое предположеніе совсѣмъ нельзя назвать удачнымъ по слѣдующимъ причинамъ. Цѣль колядки главнымъ образомъ заключается въ томъ, чтобы прославить „господаря“, восхвалить его умъ; игра же въ кости, въ четъ и нечетъ не заключаетъ въ себѣ элементовъ, необходимыхъ для величанія, для прославленія ума: въ этой игрѣ совсѣмъ не требуется

напряженія умственныхъ способностей, такъ какъ исходъ игры зависитъ здѣсь „отъ счастья“, отъ „игры случая“ [1]).

Въ данномъ мотивѣ характернымъ является то, что главная ставка („велыке грання“) выигрывается не игрой въ четъ и нечетъ (цытаньнье), а всегда игрой въ карты, какъ требующей напряженія ума: въ этомъ заключается величаніе [2]).

---

[1]) Такъ думали и древніе греки и римляне, знакомые съ игрой въ кости κύβοι, ἀστράγαλα, tali). Этотъ взглядъ отражается въ пословицѣ: Ἀεὶ γὰρ εὖ πίπτουσιν οἱ Διὸς κύβοι = Semper cadunt feliciter tali Iovis. По поводу этой пословицы Эразмъ Ротердамскій говоритъ слѣдующее: Senarius est prouerbio celebratus, dicique solitus in eos, quibus res omnes, perpetuo quodam fortunae fauore, ex omni sententia cederent. Apparet translatum a talorum iactu: ubi fortassis antiquitus obseruatum est Iouis talos feliciores esse. Nam mos erat iactibus alearum, omnis causa, deorum aut hominum nomina praefari. [Здѣсь весьма кстати будетъ припомнить, что и наши картежники, передъ отправленіемъ играть въ карты, просятъ кого-либо изъ домашнихъ или знакомыхъ „дать руку на счастье“. Неудачники въ лотерейной и т. п. игрѣ также дѣлаютъ ставки не на свое имя, а „на счастье“ кого-либо изъ своихъ домашнихъ]. Unde et Veneris iactus inter felices numeratur, vel prouerbio teste: Si saepe iacies, aliquando Venerem iacies. Nisi malumus ad Iouis victoriam Iunonisque victae fabulam referre. (Chiliad., p. 99).

По поводу упоминаемаго здѣсь счастливаго, въ смыслѣ выигрыша, паденія костей Венеры (т. е. когда всѣ четыре tali показывали разныя числа очокъ) не лишнимъ будетъ отмѣтить, что въ Тосканѣ и Венеціи, по изслѣдованіямъ Питрэ, пятница, какъ день посвященный Венерѣ (venerdì), и въ настоящее время считается днемъ, счастливымъ для игры въ лотерею и карты. А. Н. Веселовскій, приводя это языческое повѣрье, несомѣнно вмѣстѣ съ другими такими-же, трактуетъ о „*самозарожденіи*“ христіанской миѳологіи, причемъ исходитъ изъ того, что пятница, какъ „день крестной смерти,—не только день печали, но и день нашего искупленія, надежды“, а потому и окружающій пятницу символизмъ получилъ „свѣтлую окраску“ (Ист. леген. VI, стр. 358, 361, 366). Приведенныя Эразмомъ Ротердамскимъ данныя, однако-же, не подтверждаютъ положеній А. Н. Веселовскаго.

[2]) Здѣсь не слѣдуетъ забывать, что наиболѣе обычное величаніе въ колядкахъ (какъ и въ свадебныхъ пѣсняхъ), заключающихъ въ себѣ пожеланія брака,—это добываніе невѣсты мечемъ, осадой Львова, Самбора, Вырвынъ-города, Кіева и проч. (ср. *Пот.* II, 647—659), что указываетъ на древній обычай похищенія („умыканія“) невѣсты, вытекающій изъ указаннаго выше „закона боя“. Сюда же органически примыкаетъ мотивъ: „вдова отправляетъ сына на войну“ (ср. *Пот.*, II, 697—8), гдѣ царь, видя храбрость „славнаго паныча“, выражаетъ желаніе отдать за него свою дочь („царивну“), или же на самомъ дѣлѣ отдаетъ ее. Эту черту мотива слѣдуетъ особенно под-

Наконецъ, что касается „цытаньня“ (игры въ „цыть и лышку“), то оно въ колядкахъ всегда сопровождается жонглёрствомъ, именно подбрасываніемъ двухъ или трехъ яблокъ. При помощи „цытаньня“ „можный (v. гордый) панонько“ выигрываетъ „коня та съ-пидъ короля“. Если, вмѣстѣ съ А. А. Потебнею, понимать здѣсь „цытаньнье“ въ смыслѣ простой игры въ четъ и нечетъ, то выигрышъ здѣсь стоялъ бы въ противорѣчіи съ общимъ на-

---

черкнуть въ виду того, что А. Н. Веселовскій въ колядкахъ этого типа видитъ „идеалъ брани“, обѣщающей величаемому „обаяніе власти и славу подвиговъ.“ (Разыск. VII, 266). Я думаю, что положенія автора относительно малорусскихъ колядокъ не могутъ быть подтверждены историческими данными. Славяне, говоритъ Гердеръ, „поселялись обыкновенно въ земляхъ, покинутыхъ другими народами, и воздѣлывали ихъ какъ колонисты, въ качествѣ *пастуховъ и земледѣльцевъ*.... Они не домогались владычества надъ міромъ, не имѣли жаждущихъ войнъ наслѣдственныхъ государей, и охотнѣе дѣлались данниками, если только тѣмъ можно было купить спокойствіе своей страны....“ („Herder“, Id. z. Phil. d. Gesch. IV, 37–42 = *Фамина*., I, 12).

Затѣмъ, если мы примемъ во вниманіе запорожцевъ, для которыхъ „брань“, казалось бы, могла быть идеаломъ, то они не могли создать такого колядочнаго мотива, въ которомъ платой за службу является „красна дивка“,— ни такого, въ которомъ покоренный городъ откупается выдачею „гречной панны“: таково содержаніе тѣхъ именно колядокъ, гдѣ А. Н. Веселовскій видитъ „идеалъ брани“. Для запорожца не существовали ни семья, ни „дивчыпонька“: ихъ замѣняли „гарный копика“ и „шапочка—шаблюка“ (*Чуб.* V, 939). Онъ, не задумываясь, мѣняетъ „жинку на тютюнъ та люльку“, потому что въ походѣ ему „зъ жинкою не возытыця“ (ib. 959).

Съ другой стороны, намъ хорошо извѣстно, что казака въ запорожскую Сѣчь не „идеалъ брани“ влекъ, а безвыходное экономическое положеніе и жестокій гнетъ польскаго панства (см.: *Кул.*, Ист. возсоедин. Рус., I, 97—9). И чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться въ глубь исторіи, куда слѣдуетъ отнести и происхожденіе колядочныхъ мотивовъ, тѣмъ болѣе будетъ очевиднымъ, что народными массами руководятъ *прежде всего* утилитарныя цѣли, вытекающія изъ борьбы за существованіе, а не отвлеченные идеалы. Сверхъ того, малороссу, по моему мнѣнію, наиболѣе милъ идеалъ не „брани“, а мирной жизни, изображенный въ колыбельной пѣснѣ слободы Шелякиной Бирюченскаго уѣзда такимъ образомъ:

Куплю тоби хатку,
И цыбули грядку,
И ставокъ, и млынокъ,
И вышневынькый садокъ.
(VII, 1892. Записано мною отъ родственницы).

Вмѣсто предлагаемаго А. Н. Веселовскимъ, по моему мнѣнію, правильнѣе будетъ слѣдующее объясненіе, прямо вытекающее изъ органической связи

правленіемъ колядки, какъ пѣсни величальной: конь выигрывается не при помощи ума, ловкости или храбрости, какъ слѣдовало бы ожидать, а по игрѣ случая, совсѣмъ недѣлающей чести выигравшему. Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ не о простомъ „цытаньни“. Доказательства этому у насъ на лицо. Жонглёрство у малорусскихъ дѣвочекъ существуетъ и въ настоящее время, и извѣстно, подъ названіемъ игры въ „креймахы“. Игра эта, какъ

малорусскихъ колядочныхъ мотивовъ. Отдѣльное лицо „славный панычъ Иванко“, или же цѣлая „громада муживъ“, движимые нуждою, отправляются на службу или къ „польскому королю“ или просто къ „пану Ивану“ (м. б. колонизатору Украины, принужденному обрабатывать землю съ оружіемъ въ рукахъ въ надеждѣ получить „по коню вороному и жупану голубому, по стрильци—бильци й по красній дивци“—цѣль чисто-практическая (*Крамаренко*, 11; *Чуб.* III, 297; *Гол.* II, 33, 53, 67; IV, 52, 534; ср. *Пот.* II 630—46, 660—1). Служба здѣсь заключается въ томъ, что „славный панычъ“, во-первыхъ, поступаетъ въ войско, „попередъ війська конемъ ыграйе, позаду війська мечемъ рубайе“ (*Пот.* II, 697—9), во-вторыхъ, поступаетъ на гражданскую службу, „*су*донькы *су*дыть, рады *ра*дыть“ (l. c. 710—1). Внѣ такого сложнаго государственнаго механизма, гдѣ требуется и „на войну ыты“ и „судонькы судыты, рады радыты“, эта служба опредѣлялась потребностями пастушескаго или сельско-хозяйственнаго быта. Такъ, библейскій Іаковъ пасетъ условный срокъ овецъ своего дяди Лавана, за что получаетъ даже двухъ „красныхъ дивокъ“ и часть скота. Этотъ библейскій мотивъ повторяется и въ малорусской колядкѣ. По окончаніи условнаго операціоннаго періода, „господарь“ (обыкновенно „дидько Хома“ или „панъ Хомуненько“) натурою чинитъ расплату съ поступившей къ нему на службу „громадою муживъ“:

Перебирайе межъ конькамы
(item: сиделкамы, вуздечкамы, суконкамы, чоботойкамы):
Котры липшыйи, то соби бере,
Котры гиршыйи, служейкамъ дайе.
Переберайе межъ дивойкамы:
Котры ладнійши, то соби бере,
А що паганы, служейкамъ дайе.
(*Гол.* II, 170; ср. *Пот.* II, 715—9).

Библейскій Лаванъ точно также въ первый разъ оставляетъ себѣ „ладнійшу“ дочь Рахиль, а Іакову отдаетъ „пагану“ глазами Лію.

Въ другой колядкѣ сами „служенькы“ требуютъ условной платы, очевидно, заключающейся въ извѣстной долѣ имущества, пріобрѣтеннаго ими въ данный операціонный періодъ:

Ой, нашъ паночку господарочку,
Ой, поплаты-жъ намъ за заслужечку:
Ой, дай-же ты намъ гроши неличены,
Гроши неличены, кони нейнжджены,

извѣстно, состоитъ въ подбрасываніи и схватываніи спеціально для этого обдѣланныхъ изъ битой глиняной посуды круглыхъ камешковъ. При этомъ схватываются, какъ подбрасываемые, такъ и лежащіе на кону камешки („креймашки“). Всѣхъ отдѣленій игры, по описанію П. В. Иванова, отъ пяти до десяти. Послѣ второго отдѣленія, удачно выполненнаго, происходитъ

Кони нейиждены, поля немирени!
Ой, мы-жъ бо гроши переличемо,
Вороны кони попройиздымо,
Шыроки поля перемирымо. (*Гол.* IV, 10).

Все это необходимо сдѣлать для того, чтобы опредѣлить качество коней и общую сумму имущества, подлежащаго раздѣлу между „господарочкомъ“ и „служеньками“. Изъ сопоставленія другихъ варіантовъ этой колядки видно, что „служеньки“ послѣ этого дѣйствительно „гонылы стадо на золотый мистъ“ (l. c. 35), и такъ какъ стадо было слишкомъ велико (въ чемъ также заключается величаніе), то „золоты мосты завалылыся“ *Гол.* II, 608). „воропейе стадо да и потонуло“ (*Чуб.* III, 295). Видя это, господарь „ходытъ, рученькы ломытъ“. (*Гол.* IV, 42).

А. Н. Веселовскій думаетъ, что колядки этого типа „сохранили память о какомъ-то бѣгѣ“, т.-е. состязаніи (Разыск. VII, 282), а А. А. Потебня видитъ здѣсь простой перегонъ стада черезъ мостъ пастухомъ или же уходящимъ отъ отца-матери далеко „за Дунай“ сыномъ, и наконецъ издатели „Истор. пѣс. мрус. народа“ усматриваютъ здѣсь „раздѣлъ добычи между вождемъ и дружиною“ (*Ант. и Драгом.* I, 13) Во всѣхъ этихъ случаяхъ объясненія не вытекаютъ изъ содержанія колядки. Прежде всего замѣчу, что слово „господарь“ означаетъ мирнаго домохозяина, а не вождя. Затѣмъ объясненіе А. Н. Веселовскаго могло бы быть понято не въ смыслѣ величанія, а въ смыслѣ глумленія надъ „господаремъ“ и его конемъ: въ другой серіи колядокъ конь, наоборотъ, хвалится:

Якъ насъ туркы за Дунай загналы,
Оа булы тыйи, що й потопалы,
Я тебе, молодого, по вершечку нюысъ,
Не вмочывъ же ты не сиделечка, не стременочка.
(*Чуб.* III, 303; ср. *Пот.* II, 679—82).

Полученіе платы натурою существуетъ и до настоящаго времени. Такъ, въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи „батраки получаютъ до сихъ поръ плату не только деньгами, но и натурою, въ видѣ скота, хлѣба, овчинъ, земли, ея распашки и проч. (*Щербина*, Крестьянск. хозяйство по Острогожск. у., 274).

Нерѣдко хозяинъ не имѣетъ въ наличности предметовъ, которые онъ по условію долженъ дать батраку „на одходи“ (по истеченіи срока службы): тогда онъ покупаетъ ихъ на ярмаркѣ, или же уплачиваетъ деньгами стоимость недостающаго (часто по опредѣленію суда). Эту именно покупку слѣдуетъ разумѣть въ колядкѣ (*Гол.* IV, 19—20):

„цытаньне". „.... Въ заключеніе этого отдѣленія подбрасываются сразу два кремешка и, подхвативъ ихъ, берутъ также и остальные три, тогда закладываются обѣ руки за спину. Взявъ затѣмъ въ одну руку два, а въ другую три кремешка, и сжавъ

Господаренько чомъ Иваноньке.... Ой, ходитъ соби по ярмарковы,
Ой ходитъ (bis), волыкы Которы лишни, все соби бере,
(или: коны, коровкы, овечкы) бракуйе: Которы плохши, служенькамъ дайе.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о „натуральной формѣ аренды земли", изъ части урожая, испольщинѣ, замѣняющейся въ послѣднее время арендой за отработки. (*Щербина* l. c. 229).

Въ христіанскихъ колядкахъ мотивъ потопленія коней на мосту и измѣренія земли слугами господаря измѣненъ до неузнаваемости. Вмѣсто потонувшихъ коней здѣсь, въ рѣкѣ, Господь и Св. Петръ „купалыся та й сперечалыся: Господь каже, що небо (!) бильше, Петро каже, що земля (!) бильше", а вмѣсто „служенькивъ" господаря землю измѣряетъ „слуга вирна—свята Мыкола", разрѣшая такимъ образомъ споръ Бога съ Петромъ" (*Чуб.* III, 344—6, 307). Словомъ, здѣсь происходитъ то, что А. Н. Веселовскій, по другому поводу, совсѣмъ неудачно называетъ „*самозарожденіемъ* христіанской миѳологіи", обусловленной участіемъ „особенной дѣятельности ума, психическое значеніе которой еще недостаточно изслѣдовано", и которую онъ называетъ „пластическою" (Ист. лег. l. c. 365). На самомъ же дѣлѣ мотивъ взаимнаго испытанія ума Богомъ и Св. Петромъ—языческаго происхожденія. Въ малорусской сказкѣ „про Кука" т.-е. кукушку самца, который прежде былъ царемъ птицъ, такое испытаніе происходитъ между „Кукомъ" и Ворономъ (крукомъ). Жена Кука велѣла своему мужу собрать все птичье царство и изъ птичьихъ костей сдѣлать гнѣздо. Кукъ согласился, и собралъ всѣхъ птицъ, не было только Ворона, который леталъ по свѣту и *разсматривалъ горы и долины*. Когда явился Воронъ, между нимъ и Кукомъ завязывается споръ: Кукъ говоритъ, что горъ и долинъ по ровну, а Воронъ отрицаетъ: „Полыпъ, каже, бильше, бо я тую гору за долыну рахую, де вода стойитъ". Затѣмъ черезъ каждые три дни слѣдуютъ новые вопросы: чего больше: сухого дерева или зеленаго,—мужчинъ или женщинъ. И въ этихъ случаяхъ правильное разрѣшеніе вопросовъ даетъ Воронъ: „Каже, сухого бильше, бо я йте дерево за сухе рахую, що хочъ одна голлячка суха... Жиновъ бильше, бо я того человика за жинку рахую, що жинку слуха.—Кукъ тоди соби по голови пустывъ: Се погано, це й я жинку хотивъ послухать". (*Чуб.* II, отд. I, № 34; ср. *И. Ѳ. Сумцовъ*, Воронъ въ нар. словес. Этн. Обозр. IV).

Состязаніе царя птицъ съ умнымъ Ворономъ возводитъ эту сказку къ такому-же состязанію индійскаго сказочнаго царя съ семилѣтнимъ мудрецомъ. Въ соотвѣтственныхъ же колядкахъ „слуга вирна Св. Мыкола", измѣривши небо и землю шелковыми шнурами, дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „Тымъ небо маленьке, бо скризь ривненьке; Тымъ земля бильше, бо горы, долыны". (*Чуб.* III, 345 = ср. Ром. 79 № 135).

руки въ кулакъ, предлагаетъ ближайшей подругѣ отгадать, гдѣ два и гдѣ три. Отгадаетъ, кремешки передаются, не отгадаетъ, кремешки остаются у прежней, и она переходитъ къ третьему отдѣленію игры". (*Ивановъ*, l. c., p. 39—40).

Появленіе въ колядкахъ орѣховъ объясняется тѣмъ, что „волоськи орихы" (Juglans regia L.) нерѣдко замѣняютъ собою искусственные „креймашки" (напр. въ Золотоношскомъ у. Полтавской губ., какъ мнѣ извѣстно), и колядочное жонглёрство съ яблоками, вѣроятно, заканчивалось, какъ и въ игрѣ въ „крéймахы" „цытаньньемъ", производившимся при помощи орѣховъ [1]). Въ такомъ случаѣ „цытаньнье" уже не будетъ нарушать обычнаго характера колядки—величанія.

Что въ колядкахъ главную роль играетъ жонглёрство, а не „цытаньнье",— подтверждаетъ и соотвѣтственная румынская колядка, насколько можно судить о ней по приведеннымъ у А. Н. Веселовскаго отрывкамъ: тамъ говорится только о жонглёрствѣ. Тамъ хозяинъ дома „вляшетъ, жезломъ вертитъ, вверхъ его швыряетъ, рукой подхватываетъ, похваляется", а хозяйка „срываетъ по яблоку, вверхъ его швыряетъ, рукой подхватываетъ, похваляется" (Разыск. VII, 258).

По всей вѣроятности жонглёрство, какъ выраженіе удальства, первоначально производилось на скачущей лошади. По крайней мѣрѣ, это можно наблюдать еще и теперь во время джигитовки въ казачьихъ войскахъ. Въ Chanson du Voyage de Charlemagne á Iérusalem Турпинъ также хвастается, „что на всемъ скаку будетъ играть четырьмя яблоками и ни одного не уронитъ". (Разыск. 269).

Если ловкость и удальство даетъ величаемому превосходство надъ королемъ, то, съ другой стороны, и выигрышъ дѣвицы дѣлаетъ ее равной королевѣ. Дѣвица, играющая съ фурманами и кучерами, въ первый разъ fórmana sebje zejgrala, во второй разъ—kutšaka и въ третій разъ—lubego sebie dobyla: и теперь (говоритъ она) не называйте меня *мужичкой*, а называйте *королевой*". (*Пот.* II, 665 = *Haupt a Smolerj* II, № 60).

---

[1]) У римскихъ дѣвушекъ орѣхи также употреблялись для цѣлей игры, о чемъ свидѣтельствуетъ свадебная пѣсня: Satis diu Lusisti nucibus, jubet jam servire Thalassio. (Catulus in Epithalamio Juliae 62, 132). Ср. послов.: Nuces relinquere).

Такимъ образомъ и здѣсь король и королева (какъ Царь и Царица народныхъ толковъ и сказокъ) остаются идеаломъ мудрости и ловкости.

По моему мнѣнію, игра въ „цытаньнье“ есть видоизмѣненіе первоначальнаго загадыванія загадокъ, которое, камъ мы видѣли въ индійскихъ сказкахъ и въ въ библейской исторіи Сампсона, сопровождалось пеней со стороны не отгадавшаго. Это загадываніе загадокъ, прошедши посредствующія ступени, спустилось до современнаго „цытаньня“, представляющаго низкую степень загадки, и держанія пари, въ которомъ по большей части выигрышъ зависитъ не отъ дѣятельности ума, а отъ „игры слѣпого случая“.

VII.

Свой разборъ мотива „молодецъ играетъ и поетъ“ А. А. Потебня начинаетъ съ указанія на то, что былина про Соловья Будимировича, за исключеніемъ немногихъ чертъ, заимствованныхъ изъ другихъ былинъ, состоитъ изъ образовъ сватовства. Къ числу такихъ образовъ причисляются сидѣніе Соловья „на тоемъ стулѣ золочоноемъ“ и игра на гусляхъ, которою привлекается Запава. „Гусли—дѣвица, играть—любить“.

„Въ малорусскихъ колядкахъ (продолжаетъ авторъ) молодецъ „N играетъ на гусляхъ“ (и привлекаетъ дѣвицъ) соединенъ съ величаніемъ матери молодца, которая, не щадя заботъ, умѣла его такъ воспитать. Вѣроятно, подобное сочетаніе (N играющій на гусляхъ и его мать) предполагается и былиною о Соловьѣ, всѣ варіанты которой говорятъ и о его матери. Заслуживаетъ также вниманія, что какъ великорусская былина ставитъ рядомъ, какъ символы, игру въ гусли и шахматы, такъ.... малорусскія колядки указываютъ на связь въ памяти пѣвцовъ разсматриваемаго мотива“ съ мотивомъ: *молодецъ выигрываетъ коня и дѣвицу*, „неорганически внося изъ послѣдняго карты и кости“ (l. c.).

При объясненіи мотива: „молодецъ выигрываетъ дѣвицу“ я уже указалъ, что выигрышъ здѣсь свидѣтельствуетъ объ умѣ величаемаго: постараюсь выяснить, что такой же смыслъ имѣетъ и мотивъ: „молодецъ играетъ и поетъ“.

По древнимъ скандинавскимъ понятіямъ, „богомъ пѣснопѣ-

нія, богомъ скальдовъ былъ Брагъ, мудрый и краснорѣчивый старецъ съ длинною бѣлоснѣжною бородой и златострунной арфой; языкъ его покрытъ таинственными рунами. Источникъ мудрости служитъ источникомъ поэзіи" (*Гротъ*, 222). Точно также у древнихъ грековъ и римлянъ богъ солнца Аполлонъ, игравшій на лирѣ, былъ самымъ мудрымъ между богами, а Орфей между героями [1]). И музы, главнымъ образомъ покровительствовавшія искусствамъ, въ томъ числѣ музыкѣ и пѣснопѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ понимались какъ покровительницы философіи и наукъ вообще [2]).

Въ малороссіи „дивчата" и „парубкы" на улицѣ и „досвиткахъ", а родня жениха и невѣсты на свадьбѣ стараются превзойти другъ друга въ остроуміи также при помощи создаванія поэтическихъ образовъ, заключающихся въ загадкахъ, пѣсняхъ и проч. *Чуб.* III, 114 № 5; 138 № 40; 163 № 83; 163 № 84; 182 №№ 130—4; IV, 380—2 et pas.).

Въ весьма многихъ пословицахъ и поговоркахъ *музыка* (resp. свистъ, мычаніе коровы, ржаніе коня, звонъ колокола) пѣсня и сказка имѣютъ значеніе слова и, какъ его источника, мысли вообще. Примѣры:

А). Коженъ дидько въ свою дудку грайе (=любитъ себя, исполняетъ свои желанія; *Ном.* № 9743). Чый хлибъ йисы, пидъ того й дудочку скачы (=того исполняй желаніе; *Ном.* № 10385). Не въ тую дудку грають (=не довподобы; *Ном.* 5092). Другимъ го́лосомъ запѣлъ (=измѣнилъ образъ мыслей, покорился; Ворон. этн. сборн. 1, № 1750). Запойошь ты у меня не ту пѣсню (=id.; l. c. № 2044).

Б). Басъ гуде, скрипка грайе, Иванъ мовчыть, та все знайе (=бытый жакъ; *Ном.* № 5730); Не хапайся письни спивать—повагомъ! бо не ты йійи выклавъ (не твойе дило; *Ном.* 9650). Я тоби кажу, а ты такы колядуйешъ колядку бисову (=бре-

---

[1]) Pro perito conjectore et viro perquam docto usurpat. Virg. ecl. 3, 104: «Eris mihi magnus Apollo» (sc. если отвѣтишь на мой вопросъ) (Thes. I, 179).

[2]) Cicero Musas humanitatem et litteras interpretatur. Tuscul. Qu. 5,23.. Quintil. 1, 10, p. 107: In proverbium usque Graecorum celebratum est, indoctos a Musis et Gratiis abesse... «Musam Platonis» pro Philosophia, Boetus dixit, lib. 3, metro 11. (Thesaur. I, p. 1686).

шышь; l. c. № 13819).—Гусли развóдить (чего нѣтъ, того не наведешь; Ворон. этногр. сборн. 1, № 1462). Пѣсня отъ Нижняго до Москвы(т. е. длинная)—говорятъ надоѣдливому (l. c. № 4683). Ты только чуть свисни, а я ужъ смыслю (dictum sapienti sat; l. c. № 6037). Цымбалы развóдить (=балагуръ; l. c. № 6545). Это старая пѣсня (=дѣло извѣстное, мы это слышали (l. c. № 6993).—Начинается отъ сивки, отъ бурки (говорятъ о всякомъ началѣ рѣчи, особенно объ извѣстномъ предметѣ, или о рѣчи балагура; l. c. № 7130). И вже у старойи кáзкы! бодай не казать (*Ном.* № 2047). Котора корова багато реве, то та молока мало дайе (l. c. № 12881). Не вилъ реве: твойе здоровъячко (=„твоя милость“) каже (кепкованьнье зъ того, хто спóрыть не до дила; l. c. № 12958). Колы звонютъ, то, выдно, празныкъ (=не думай, що брехня, щось йе й правды; l. c. № 13814). Нехай дзвонютъ, покы охоту згонютъ (l. c. № 7012).

Въ смыслѣ слова, рѣчи вообще или поэзіи понималась музыка и у древнихъ грековъ и римлянъ. Греческія пословицы: Ἀράβιος αὐλίτης (=Аравійскій флейтистъ) и Ἀράβιος αὐλός (=Аравійская флейта) имѣютъ тотъ-же смыслъ, что́ и воронежская пословица: „Пѣсня отъ Нижняго до Москвы“. Въ устахъ римлянина поговорка: Apertis tibiis означала: clariore voce (Chil. 117) a Tuba belli civilis, какъ метафора,—auctor et conciliator (Cic. fam. 6, 13). Словомъ *tuba* (труба) у римскихъ писателей нерѣдко обозначается поэзія, и преимущественно эпическая, равно какъ словомъ *lyra* замѣняется названіе лирической поэзіи [1]).

Наконецъ, словомъ tuba обозначался высокій стиль (grandiloquentia) въ рѣчахъ ораторовъ [2]). Въ искусствѣ труба берется какъ символъ славы, далеко распространяющейся путемъ слова.

---

[1]) Quae veterum „tuba“, quaeve „lyra“ (Prudent. Hymno 3, 81).—Angusta cantare licet videaris avena, Dum tua multorum vincat avena tubas Marcial. 8 epigram. 3).—Hactenus illa tuae vanos tuba vocis in usus Persona, divinus modo celsius intonet actus (Paulinus ad Jov. carm. 19, 33). (Thes. II, 1051).

[2]) Magnisque tubam concentibus inflat. (Prudentius de Symmacho 2, 68).—Tuam tubam totus, qua potest, orbis jure venerabitur. (Sidonius 4, epist. 3 sub. fin.) (Thesaur. l. c.).

Въ формулу А. А Потебни: «гусли—дѣвица, играть—любить» слѣдуетъ внести слѣдующія поправки. Уже изъ самаго сообщенія автора о томъ, что «Соловей.... играетъ на гусляхъ, и тѣмъ привлекаетъ къ себѣ Запаву», можно видѣть, что оно допускаетъ нѣсколько иное толкованіе: привлеченіе не тожественно съ любовью, понимаемой въ смыслѣ прочной сердечной привязанности. Я могу припомнить только одну малорусскую свадебную пѣсню, въ которой игра на гусляхъ означаетъ «пидмову» въ лучшемъ смыслѣ этого слова:

Молодый Иванко въ гусли гравъ,
И свою Марусю пидмовлявъ:
—Ходы, ходы, Марусю, за мною,
Будешъ моій матиици слугою,
А для мене вирною другою.

(*Чуб.* IV, 85).

Въ бо́льшей же части пѣсенъ за «пидмовою», какъ и за поеніемъ коня, слѣдуетъ «зрада». Такое значеніе музыки, какъ символа «пидмовы», выражается слѣдующими поговорками:

Слова твойи ласкавыйи, а чортова думка (*Чуб.* V, 403, гдѣ «козакъ дорогою на сопилку грайе»). На словахъ, якъ на цынбалахъ (v. якъ на вигранахъ), а на дили, якъ на балабойци.— На речахъ, наче на кобзи (*Ном.* № 2989; ср. Ворон. Этн. Сборн., 1 № 3566).—Голосъ, якъ сурмонька, тале-жъ чортова думонька (*Ном.* № 2984). Янгольськый голосокъ, а чортова думка (ib. № 2985).

Изъ цѣлой серіи относящихся сюда пѣсенъ приведу наиболѣе характерныя:

1. Ой за гайомъ, тамъ Дунай тыхенькый,
На Дунаю явиръ зеленеиькый,
Пидъ яворомъ козакъ молоденькый;
Пидъ козакомъ коныкъ вороненькый.
Сыдыть козакъ та й въ скрыпочку грайе,
Струна въ струну та й ся побываіе.
Котра струна кращый голосъ майе?
Йидна струна тонкый голосъ майе,
Друга струна тонкый голосъ майе,
Третя струна за всихъ голосъ майе,
—Будь здорова, моя чорноброва,
Я парубокъ, а ты бидна вдова.
А теперъ же ты ны жинка, ны дивка,
А теперъ же ты людська поговирка.

(*Чуб.* V, 337).

2. Въ темнимъ лузи явиръ зелененький,
По-пидъ яворомъ коныкъ вороненький,
На коныку козакъ молоденький.
Сыдыть собы на скрыпочку грайе;
Струна съ струною тыхо розмовляйе.
Нема краю тыхому Дунаю:
Нема спыну вдовыному сыну,
Що звивъ з ума чужую дытыну.
(*Чуб.* V, 275, 343, 411; *Гол.* III, 178).

Въ этихъ пѣсняхъ замѣчательно то, что онѣ представляютъ ту же самую обстановку, какая была указана выше въ мотивѣ поенія коня, какъ символа «пидмовы» и «зрады»: а именно: Дунай, яворъ, конь.

3. Ой журавель у гусли гра, журавочка дыбле:
Молодъ козакъ горилку пъйе, шынкарочка сыпле;
Стойить дивка край порога, слизонькамы хлыпле:
—Не плачъ, дивка, не плачъ, красна: така твоя *доленька без (ш) часна!*
Не плачъ, дивко чорноброва, така твоя доля:
Полюбыла козаченька, по мисяцю стоя.
(*Чуб.* V, 412—3; ср. *Гол.* II, 57,769—)[1].

Допустить объясненіе мотива «молодецъ играетъ и поетъ» при помощи послѣднихъ пѣсенъ значило бы противорѣчить общему тону колядки, величанію, потому что эти пѣсни свидѣтельствуютъ о горестномъ положеніи дѣвицы съ одной стороны и о нравственной распущенности «козака молоденького», съ другой [2]).

Точно также нельзя объяснить разсматриваемаго мотива при помощи формулы А. А. Потебни: «гусли—дѣвица, играть—любить». Во всѣхъ относящихся сюда колядкахъ «гордойе паня» (v. «царскойе дытя») находится *въ одиночествѣ*, въ «шовковимъ намети» или въ «колысочци», на соснѣ, и тамъ играетъ и поетъ. Къ нему приходятъ невѣдомыя ему до сихъ поръ «три панны зъ Видня» (*Гол.* II, 65) или «велыки паны» (*Гол.* IV, 118). Такъ какъ игра и пѣніе начаты еще до прихода «паннъ», то ни въ какомъ случаѣ нельзя предположить, чтобы рѣчь здѣсь могла итти о любви къ нимъ, а тѣмъ болѣе къ «панáмъ» (мущинамъ).

---

[1]) Полюбить, „по мисяцю стоя"—дурная примѣта.

[2]) Вѣроятно, этимъ именно (т. е. посягательствомъ на „зраду") объясняется то, что играющій на гусляхъ около „тернового огныка", „на *лукахъ*" „*княгня* Иванко", связанный, приводится къ пану и сажается „до темныченькы" *Гол.* II, 57).

То-же слѣдуетъ сказать объ игрѣ и пѣніи «гречнойи панны»: ее заслышалъ невѣдомый ей проѣзжій «кречный молодець» и «прывертайе итъ наметови» (*Гол.* IV, 73—4; «итъ» = идъ = до).

Привлеченіе матери къ разбираемому мотиву указываетъ, что рѣчь идетъ здѣсь о воспитаніи, которое, какъ извѣстно, направляется на умъ и на сердце человѣка. Пословица: «Ны въ дудочку, ны въ сопилочку», обыкновенно примѣняется къ человѣку тупому, ни къ чему неспособному или неученому. (Воронеж. Этногр. Сборн. 1 № 3791; 2 № 260). Къ результатамъ-же ученія относится и другая пословица: «якъ умійешъ, такъ и пійешъ».

В. И. Даль подъ рубрикой: «ученье, наука» приводитъ слѣдующія пословицы: Не дорога́ пляска, а дорога́ погудка. Игралъ бы игрокъ въ бараній рогъ. У него дѣло, какъ гусли, идетъ (v. гудетъ). Въ свирѣлку играетъ, а ладу (т.-е. такта, мѣры) не знаетъ. (Ср. также: ни поскакать, ни поплясать, ни въ дудочку поиграть; *Даль*, Толк. Слов.).

Въ греческомъ образованіи музыка, послѣ гимнастики, занимала первое мѣсто. Въ Аѳинахъ до Алкивіада неумѣвшій играть на флейтѣ считался невѣждой [1]).

Въ греческой пословицѣ: Κάκιον Βάβυς αὐλεῖ, игра Бабиса принималась за символъ невѣжества и тупости въ ученьѣ. (Chil. 371), Греческое слово μοῦσα, обозначавшее первоначально богиню пѣсни, впослѣдствіи употреблялось для обозначенія высшаго образованія, науки. Подъ музыкой древніе греки и римляне также понимали всѣ вообще свободныя знанія, служившія къ образованію духа, въ томъ числѣ и научныя [2]).

Всѣ эти данныя указываютъ на значеніе музыки, какъ науки, знанія вообще, которыми характеризуется умъ человѣка.

---

[1]) Ср. у Линде, 134: Nieuczonego, który bogaty iest, pochlebnicy i oratorem, i poetą, i malarzem, i piszczkiem czynią.

[2]) „Musicae nomine omnem doctrinam liberalem complexum fuisse“ Equit. v. 189 et 191 Muretus ad 1 Tuscul. p. 198 observat vid. Quintil. l. c. (= 10 Burm.) p. 106... „Occultae musicae nullum respectum esse“, Graecorum proverbium fuit, quod saepe jactavit Nero, vid. Suet. c. 20 et ibi Beroald. Sensus est: Egregias ingenii dotes, si non proferas, perinde esse quasi non habeas.

Характерная черта разсматриваемаго мотива та, что «гордый панъ» «въ вигра́ны (=вирга́ны) грайе» (*Гол.* II, 65), или «царськойе дытя... въ карты грайе» (ib. 610), «гордойе паня въ косты ыграйе» (*Гол.* IV, 118), или-же «кречная панна... въ кисточкы грайе» (l. c. 74), и во всѣхъ этихъ случаяхъ какъ онъ, такъ и она «красно спивайе». «Гордого пана» «чулы... велыки паны, прыходя' блызко, клонье'се нызко» (l. c. 118), или, какъ сказано, приходятъ «тры панны зъ Видня», а къ «кречній панни», въ свою очередь, «надъйихавъ... кречный молодець». Прибывшіе во всѣхъ случаяхъ спрашиваютъ: «Хто-жъ тебе навчывъ такъ красно граты, красно спиваты?» Отвѣтъ: «Навчыла мене моя ненька» (ll. cc.) и т. д.

Здѣсь А. А. Потебня дѣлаетъ замѣчаніе: «очевидное доказательство, что въ «кисточкы»—слѣдствіе безсознательной нехудожественной ассимиляціи» (II, 669). Такое толкованіе А. А. Потебни вытекаетъ изъ ошибочнаго пониманія словъ: «косты», «кисточкы» въ смыслѣ игральныхъ костей (κύβοι, ἀστράγαλοι, tali). Выше я указалъ, что въ мотивѣ малорусской колядки «молодецъ выигрываетъ коня и дѣвицу», игра въ кости, какъ противорѣчащая общему характеру колядки, именно величанію, ни разу не упоминается: нельзя принять кости за игральныя и въ данномъ случаѣ.

Для игры въ кости нуженъ партнёръ, въ колядкахъ же даннаго типа его не имѣется, потому что «гордый панъ» или «паня» сначала находятся въ одиночествѣ. Кромѣ того, игра въ кости не можетъ издавать такого сильнаго звука, который могъ бы привлечь прохожихъ или пріѣзжихъ. Наконецъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что мотивъ игры въ кости, понимаемой съ точки зрѣнія А. А. Потебни, какъ и другія подобныя игры (напр., въ карты, четъ и нечетъ и пр.), долженъ всегда заканчиваться выигрышемъ величаемаго, чего въ разбираемомъ мотивѣ нѣтъ.

Такимъ образомъ остается только предположить, что «косты», или «кисточкы»—не что́ иное, какъ музыкальные инструменты. Такое предположеніе вполнѣ подтверждается указаніемъ М. Крамаренка, что изъ круглыхъ трубчатыхъ гусиныхъ костей дѣлаются «пы́щыкы та гу́ркала» (*Крамар.*, 5). Въ началѣ семидесятыхъ годовъ мнѣ самому приходилось видѣть въ городѣ Воро-

нежѣ у заѣзжихъ каменщиковъ-великоросовъ жалейки, сдѣланныя изъ гусиныхъ косточекъ съ придѣланными къ нимъ рожками. Игроки играли одновременно на двухъ жалейкахъ, настроенныхъ такъ, что онѣ давали гармоническіе аккорды.

При такомъ объясненіи, игра въ „косты“ вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли колядки—прославить умъ величаемаго, и не заключаетъ въ себѣ „безсознательной, нехудожественной ассимиляціи“ или „неорганическаго внесенія“ элементовъ другого мотива.

По имѣющимся у меня даннымъ, даже самое приготовленіе „пы́щыка“ считается признакомъ ума: „Дырывъяни пыщыкы дитямъ *дѣлають батькы або змышьони браты*. А якъ годивъ около сымы́ або высмы́ хлопыць уже умійе и самъ дѣлать ко[й]якый, якъ хто самъ собою бойкенькый, а якъ ю́ловатый (ны поворотны́й, въ роди якъ прыдуркуватый), такъ и годивъ дысяты ны зможе ничього скре́мзать [1]) (1892, VIII. Сообщилъ П. К. Тарасевскій). Здѣсь очень кстати будетъ припомнить, что и латинское *tibia* въ собственномъ смыслѣ означаетъ берцовую кость, и только въ переносномъ—дудку, свирѣль, флейту.

Въ одномъ изъ варіантовъ разбираемаго типа колядки „въ карты грайе, красно спивайе“ „царськойе дытя“, и эпитетъ „царськый“ тамъ означаетъ: *разумный*. Слово *царь*, какъ символъ ума, повторяется и въ великорусскихъ пословицахъ: „Свой умъ—царь въ головѣ“. „У каждаго свой царь въ головѣ“. О человѣкѣ глупомъ или тупомъ говорятъ, что у него „царка́“ въ голови немайе“ (*Ном.* № 6252). Этотъ умъ въ данномъ случаѣ выражается въ томъ, что дитя „въ карты (v. въ косты, въ виграны) грайе“. Судя по рѣчи, обращенной къ дитяти, оно „красно (хорошо) грайе“, и въ этомъ заключается величаніе, потому что искуснѣйшій въ извѣстныхъ карточныхъ играхъ называется „королемъ“ или „умнымъ“, а слабый—„мужикомъ“ или „дурнемъ“.

Въ греческой игрѣ *οὐράνια* заключающейся въ схватываніи на лету мяча (pila), искуснѣйшій назывался *царемъ*, а наиме-

---

[1]) „Скремзать“=врус. Воронежск. у. „савастожить“.

нѣе опытный *осломъ*. (Odys. 8). У древнихъ римлянъ искуснѣйшій въ дѣтской игрѣ также назывался царемъ [1]).

И помимо дѣтскихъ игръ римляне слово *rex* (=царь) примѣняли къ человѣку разумному, способному выполнить трудное, замысловатое дѣло [2]). Латинская пословица: Aut regem aut fatuum nasci oportere—представляетъ царя, какъ крайнюю противоположность дураку. (Chil. 399) [3]).

Древніе римляне и галлы, желая побудить кого-либо къ выполненію желаемаго, говорили: „Ты будешь царемъ“ (разумѣется, если сдѣлаешь то́-то) [4]). Малороссы же въ подобныхъ случаяхъ говорятъ дѣтямъ: „Якъ послухаишъ мене, будешъ умнычокъ“. „Цыть, ны плачъ: ты у насъ умнычокъ, а ки́шка дура“. Когда ребенокъ, по приказанію, приноситъ какую-либо вещь, ее поднимаютъ надъ головой насколько возможно выше, приговаривая по адресу принесшаго: „Отъ умнычокъ! Росты отъ-такы-ы-ый вылыкый та гарный!“.

Приведенное выше изреченіе Виргилія: Eris magnus Apollo, являясь перефразировкой первоначальнаго: Rex eris (=будешь царемъ), имѣетъ почти такой же смыслъ, какъ и малорусское: „Будешъ умнычокъ“.

---

[1]) „Rexeris“. Ita loquebantur veteres et nos quoque hodie vulgo facimus.—Horatius (1 epist. 1, 59).

At pueri ludentes, Rexeris, aiunt,
Si recte facies....

Ausonius: Qui faciet recte, non qui dominatur, erit rex (Chiliad. 28).

[2]) M. Varro, De lingua latina: Qui ad quartum, inquit, gradum pervenerit, is rex fuerit et plane numeris (= modis) omnibus rem absolverit. Quartus aditus regis est: et magnum fecerit, qui ad eum accesserit. Tale est Plautinum Poenulo: Rex sum, si ego illum hodie hominem ad me allexero (Chil., 28).

[3]) Ср. въ Ворон. этногр. сборн. 1, № 1247: „Въ этотъ часъ родился добрый человѣкъ или воръ?“—Я смутно припоминаю, что однажды слышалъ въ г. Воронежѣ во время наступленія полной тишины въ компаніи такую поговорку: „Въ этотъ часъ родился или дуракъ, или умный человѣкъ“, но не внесъ ее въ свой сборникъ пословицъ и поговорокъ вслѣдствіе неувѣренности въ своей памяти. Вообще же обычны поговорки подобнаго рода безъ противоположенія, чаще съ упоминаніемъ вора („потому что онъ любитъ все дѣлать втихомолку“) или дурака, рѣже—тихаго (молчаливаго) человѣка, жида, мирового судьи (какъ приводящаго тяжущихся къ миру, тишинѣ) или квартальнаго надзирателя (какъ блюстителя общественной тишины).

[4]) „Rex eris“. Frequentissimum Latinis et Gallis est, ad excitandum aliquem hoc genus loquendi. (Chil. 28).

Въ загадкѣ полувѣрцевъ Псковско-Печерскаго края царь также является символомъ умнаго человѣка: „Что умнѣе царя? — Безмѣнъ.“ (Жив. Стар. 1890, I, 54). Такая загадка могла возникнуть, конечно, только вслѣдствіе отожествленія правильнаго счета, который здѣсь приписывается безмѣну, съ дѣятельностью ума вообще. Греческое καταλογίζομαι (= считаю) уже своимъ происхожденіемъ обнаруживаетъ въ счетѣ результатъ дѣятельности разума (Λόγος). Малорусское *рахоба* (v. рахуба) отъ гл. *рахувати*=rechnen, считать, въ Валуйскомъ уѣздѣ употребляется только въ переносномъ смыслѣ, и обозначаетъ вообще трудное, приносящее заботы дѣло, для разрѣшенія котораго требуется „раскинуть умомъ“, „крутыть головой“. Поговорка: „Отъ бисова рахуба!“ очень обычное выраженіе досады. Малорусская фраза: „Тутъ йому не дасы рахубы“ означаетъ „здѣсь не поймешь, не сообразишь“ [1]).

У различныхъ народовъ глупость отождествляется съ неумѣніемъ считать, откуда возникла въ различныхъ варіантахъ пословица. *Лат.* Non potest numerare supra quinque. *Нѣм.* Er sieht aus, als wenn er nicht bis drei zählen könnte. *Врус.* Онъ безъ спотычки пяти пальцевъ не сощитаетъ (v. Онъ и трьохъ-та ни сачтьóть). На трехъ свиней корму не раздѣлитъ. (*Масонъ.* Народн. мудр., 260; Воронеж. этногр. сборн. 1, № 4325).

Греческое μαθήματα = науки понималось преимущественно въ смыслѣ наукъ математическихъ, откуда и слово *математика* пріурочено у насъ исключительно къ наукѣ о величинахъ и количествахъ.

Совершенно отдѣльно отъ разбираемаго мотива стоитъ игра царя или „цисаря“ въ рекрутскихъ пѣсняхъ (*Чуб.* V, 969 [= *Гол.* III, 92], 1000; *Гол.* III, 111 [= *Чуб.* V, 970]), гдѣ игра на скрипкѣ входитъ въ слѣдующую цѣпь символовъ:

---

[1]) Мой корреспондентъ П. К. Тарасевскій, сообщая свѣдѣнія относительно народнаго акушерства, по программѣ В. Э. Крузенштерна, озаглавилъ ихъ: „Жиноча рахоба.“ Смыслъ послѣдняго слова устанавливается здѣсь уже самымъ началомъ статьи: „Мужыкъ изъ самого малычку и поки пиде у гробъ, то ни зъ чымъ винъ ны возыцьци, и нима въ його ничого такого, шобъ шо його *рахобыло* такъ, якъ бабъ“. (Валуйки, 1, VII. 95).

а) *громъ* (Воронежск. этн. сб. 1, № 1443; *Ном.* загадки № 49) [1]);=

б) *ржаніе коня* (*Чуб.* II, 224, *Метлин.* 55)=

в) *мычаніе* (v. рычаніе, ревъ) *вола* или *коровы* (*Ном.*, загад. №№ 9, 49; *Гол.* II, 359, 411; *Чуб.* V, 1044; *Wójc.* P. II, 226; *Гринч.* I, 248; ср. воловый смычокъ. Чуб. V, 1000)=

г) *звонъ колокола* (*Ном.* загад. № 8, послов. №№ 7807, 12444; *Гол.* II, 306; ср. у *Майк.* № 285 стр. 536 сопоставленіе звона съ заговоромъ)=

д) *труба* (*Чуб.* III, 405, 465; *Гол.* II, 59, 355, 610—1; IV, 52—3, 53, 61; *Нос.* 261—2)=

е) *рогъ* (*Чуб.* III, 293)=

ж) *дудка* (= свыстилка, сопилка, фуярка) (*Чуб.* III, 280, IV, 319; *Гол.* II, 331)=

з) *свистъ на губахъ*, а также *свистъ* или *игра на листкѣ* (*Чуб.* V, 5; *Гол.* II, 311, 749 [ошибочно: 745]; ср. *Чуб.* II, 252, 270, 283, 303, 317, 319)=

и) *бубны* (*Чуб.* IV, 321)=

і) *музыка вообще* (*Гол.* II, 306; *Довн.—Заполь.* I, 85)=

к) *слово*, которое „далеко чуты“(= сигналъ, призывъ, крикъ, шумъ, молва и проч.).

Въ этой цѣпи символовъ каждое звено можетъ имѣть связь не только съ послѣднимъ членомъ цѣпи, но и съ нѣсколькими другими.

Нѣсколько отличное мнѣніе по этому поводу высказываетъ А. А. Потебня, по своему обыкновенію пріурочивающій символику къ любви, вслѣдствіе чего ему постоянно приходится создавать особыя объясненія, не всегда удачныя, для случаевъ, не подходящихъ подъ эту символику (см. *Пот.* I, 12—3).

Однако-же нельзя не признать, что какъ „идеалъ брани“, такъ и пѣніе съ музыкой имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ соперничество мужчинъ при завладѣніи женщиной. „Звуки, издаваемые животными всѣхъ родовъ, служатъ, правда, различнымъ цѣлямъ, но (по мнѣнію Чарльза Дарвина) существуютъ сильные доводы

---

[1]) Cf. „Claudiana tonitrua“. Quadrabit adagium in homines immodice clamosos et odiose obstreperos (Chil. 117)= Миталъ громъ ы молвійи (Воронеж. этногр. сборн. 1, № 3308).

въ пользу того, что первоначальное употребленіе голосовыхъ органовъ и ихъ усовершенствованіе стояло въ связи съ размноженіемъ видовъ .. Въ классѣ млекопитающихъ самцы почти всѣхъ видовъ употребляютъ свои голоса въ періодъ размноженія болѣе, чѣмъ во всякое другое время, а нѣкоторые совершенно нѣмы внѣ этой поры. У другихъ видовъ оба пола или однѣ самки употребляютъ свои голоса, какъ любовный призывъ. (*Дарв.* II, 382).

Что же касается собственно человѣка, то и здѣсь существуетъ общеизвѣстное положеніе, что любовь учитъ музыкѣ и пѣнію [1]).

По сообщенію г. Ламонова, доставленному въ Кубанскій статистическій комитетъ, въ станицѣ Кавказской, въ прежнее время, въ теченіе рождественскихъ святокъ и въ другіе зимніе праздники, дѣвушки на уличномъ перекресткѣ устраивали общій хороводъ, а парни кулачный бой, для котораго станица дѣлилась на двѣ части: одну составляли старожилы съ новодонцами, а другую форштатскіе съ Хохловкой. „Бой идетъ во все время пѣнія хоровода (пишетъ г. Ламоновъ); какъ только прекращаются пѣсни въ немъ, парни одинъ по одному убываютъ съ той и другой стороны къ хороводу, и бой слабѣетъ". Въ настоящее время уже не существуетъ въ станицѣ Кавказской ни хоровода, ни кулачнаго боя, и дѣвицы собираются на перекресткѣ только затѣмъ, чтобы *„пропѣть одну—другую пѣсню,* и этимъ дать знать своимъ парнямъ, чтобы тѣ приходили къ нимъ".

Кромѣ указанныхъ случаевъ игры и пѣнія „козака", сидящаго на бѣломъ камнѣ или на конѣ, малорусская пѣсня даетъ массу другихъ указаній, что музыка и пѣніе употребляются какъ любовный призывъ или средство къ возбужденію любви, напр.:

Росты, хмелю, надъ водою
Рывно съ тычыною:
Чуты, чуты козака гарно,
Якъ иде съ кобзыною.

Гарно грайе, гарно грайе,
Ще краще спивайе.
Не йедна чорнявая
Зъ жалю умливайе.

(Чуб. V, 110=Гол. II, 769).

На коныку сыдыть, въ сопилочку грайе,
Въ сопилочку грайе, мене выклыкайе:

[1]) Эту пословицу повторялъ уже Плутархъ: Μουσικὴν ἔρως διδάσκει = Musicen docet amor, etsi fuerit indoctus prius. (Chil., 50).

— Катрусю-сердечко, выйды на крылечко. (Чуб. V, 135).
Ой выйду я на горбочокъ, свысну у лысточокъ:
Пизнай, пизнай, дивчыновько, чій то голосочокъ!
(Голов. II, 749, ошибочно 745).

— Цы трембиты трембитаютъ, цы голосъ овечый?
— Даютъ знаты (bis), (ой) шобъ выйты вечиръ. (Гол. II, 355). И т. д.

Тоже въ бѣлорусской пѣснѣ:

Ой козакъ грайе.
Щобъ дѣўчина вышла. (Довн.—Запол. I, 85).

VIII.

Къ мотиву: «молодецъ играетъ и поетъ» А. А. Потебня совершенно правильно привлекаетъ другой мотивъ: «N (*молодый Иванъ* или *пышная панна*) книгы чытайе, лыстонькы пыше» (*Чуб.* III, 305, № 38 А, 387-8). Однако-же съ точки зрѣнія А. А. Потебни такое привлеченіе будетъ чисто механическимъ: оно сдѣлано не потому, что чтеніе и письмо, какъ игра и пѣніе,— символы любви или сватовства, а потому, что здѣсь, какъ и въ разобранномъ мотивѣ, возникаетъ вопросъ:

Хто-жъ N навчывъ
Лысты писаты, книгы чытаты?

Отвѣтъ и здѣсь одинъ и тотъ-же: «Навчыла... *рыдная маты*». Но чтеніе и письмо съ игрой и пѣніемъ будетъ имѣть и органическую связь, если мы будемъ смотрѣть на нихъ не какъ на символы любви и сватовства, а какъ на результаты неусыпныхъ трудовъ матери, положенныхъ на воспитаніе ума и сердца дитяти. Въ такомъ случаѣ всѣ эти образы будутъ имѣть органическую связь и со всѣми прочими колядочными мотивами, при помощи которыхъ восхваляется умъ.

Народныя пословицы и поговорки даютъ массу указаній на то, что грамотность весьма часто понимается въ смыслѣ ума, знанія вообще или опытности, даже по примѣненію къ людямъ неграмотнымъ:

Пысьменному книжка въ рукы (*Ном.* № 6016, «Воронеж. Эти. Сборн». 1, № 2301: И книги вамъ въ руки» —говорятъ знающему или опытному, хотя бы онъ былъ и неграмотенъ). Не вченый, та товченый, та дрюкованый (*Ном.* № 6049). И я колысь пидъ школою ночувавъ (l. c. № 6051). Пысьменный, та не дрюкованый (l. c. № 6060). Не пры насъ писано (l. c. № 6085).

У В. И. Даля: Ни аза въ глаза не знаетъ. (= *Малорус.*: Ни *бе*, ни *ме*. *Нѣм.*: Er kann weder *Ba*, noch *Bu* sagen. *Франц.*: A le voir dirait qu'il ne sait ni *A* ni *B*. Il ne sait pas décliner son nom. *Масонъ*, Народн. мудр. 260). Никола святоша: все наизустъ. Великій богословъ: весь прологъ наизустъ. Эта грамота мнѣ не далась. Мы люди неграмотные, ѣдимъ пряники не писаные (= Ворон. Этногр. Сборн. 1, № 3363: Мы люди слѣпые и т. д.). Пророкъ Наумъ, наставь насъ на умъ [1]).

Одинъ воронежецъ говорилъ по поводу своей неграмотности: «Господь меня *не вразумилъ*» [2]).

У древнихъ грековъ и римлянъ наука вообще отожествлялась съ письмомъ, отъ котораго она и получила свое названіе: γράμματα, litterae.

Выше я указалъ, что загадываніе и отгадываніе загадокъ свидѣтельствуетъ объ умѣ человѣка, преимущественно царя: въ древнемъ мірѣ такимъ идеальнымъ представителемъ ума, искуснымъ въ загадываніи и отгадываніи загадокъ, былъ царь Эдипъ [3]). Такой же умъ приписывается и людямъ грамотнымъ, каковыми въ прежнее время были преимущественно лица духовнаго сословія. Поэтому именно въ числѣ предлагающихъ загадки оказывается «поповыченько» (*Гол.* IV, 71—2), — отгадывающихъ — «дячокъ вывченый» (*Гол.* II, 146), а въ числѣ могущихъ прочесть «Голубиную Книгу» — старецъ, священникъ Захарія, отецъ Іоанна Крестителя.

Въ одномъ изъ варіантовъ разбираемаго типа колядки указывается, что къ числу предметовъ обученія, которымъ научила сына «ненька старенька», относится и игра въ карты (*Гол.* II, 610 № 49). То, что такое обученіе упоминается только въ одномъ варіантѣ, совсѣмъ не даетъ права объяснять его „безсознательной, нехудожественной ассимиляціей": между грамотно-

---

[1]) Прор. Наумъ—покровитель ученія. (*Даль*, Посл. I, 547—8, 550, 555).

[2]) Соотвѣтственно этому и Пименъ у Пушкина говоритъ:

Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству *вразумилъ*. (Прим. *Ред.*).

[3]) Oedipi ingenium scite proponendis simul ac dissolvendis aenigmatum scytpis nobilitatum est, propter dissoluta sphyngis problemata, adeo ut in proverbium abierit ejus nominis apellatio (Chiliad. 542).

стью и карточной игрой существуетъ органическая связь, и въ произведеніяхъ народнаго творчества смѣшеніе карточной игры съ чтеніемъ—вещь обычная.

Въ семидесятыхъ годахъ и позднѣе мнѣ приходилось не разъ слышать въ городѣ Воронежѣ названіе игральныхъ картъ „святцами“ (церковной книгой); у поляковъ карты называются księga cztercch królów (*Linde*, II, 499), а у нѣмцевъ: das Buch der Könige = „книжка въ 52 листа“ (*Павловск.*, p. 783).

Выше я указалъ, что „москали“ изъ своей среды выбрали въ попы такого односельца, неграмотность котораго искупалась умѣніемъ играть въ карты. Въ той-же сказкѣ сообщается:... Тоди выно́се винъ (*попъ*) изъ вивтаря одну книгу и пытайе парахвіянъ: Чы можете вы чытаты сю книгу?—Ни (кажуть), не можемо!—А колы не можете, мы однесемо йійи назадъ.—Выно́се дру́гу.—А сю книгу можете вы чытаты?—Ни, батюшка, и сейи не можемо!—А не можете—мы и сю однесемо назадъ!—Выносе винъ тоди карты.—А сю книгу можете чытаты?—Та сю трохы можемо чытаты.—Ну, отъ-се й добре, що можете. Такъ давайте-жъ чытаты йійи. Отъ-се шоста́ка, а отъ-се сьомака. Шоста́ку бьйе сьомака, а сьомаку восьмака.“

Въ другомъ варіантѣ той-же сказки неграмотный попъ, вмѣсто чтенія въ церкви евангелія, произноситъ: „Шостака, ты, шостака! Тебе побыва сьомака, сьомаку—восьмака, восьмаку—дывъятка“ и т. д. Отожествленіе грамотности съ карточной игрою видно изъ другого импровизованнаго „москалемъ“ „евангелія“: „Во время оно, якъ ишовъ съ поля Пахомъ та й зострився винъ съ попомъ. Пипъ його на умъ наставывъ, и попомъ його поставывъ. Сказавъ йому Пахомъ, шо ны мо́жу буть попомъ, бо грамоты ны вмію. Винъ йому й каже: Пахомъ, Пахомъ, буть тыбй попомъ, бо се ны важный довгъ, абы на карты могъ ..“ (Г. Валуйки. 18. II. 95. Сообщилъ П. К. Тарасевскій).

Представленіе духовныхъ, какъ грамотныхъ, картежниками послужило къ возникновенію другой сказки. „Московка“, никогда не бывшая въ церкви, „пошелевкалась“ (поперлась) въ трактиръ, гдѣ рано утромъ на полу играла прислуга въ карты. По ея просьбѣ ей дали сальную свѣчку, которая была поставлена на стойкѣ. „А ти картьожныкы, одно роблять, крычать: то

хлюстъ, то *козырь*, а вона дума, шо чытають, та якъ мóлы(ць)ця! Ото вона тамъ стояла, покы й свичка згорила, а тоди й пишла до-дому. Прышла до-дому и хвáлыця: Охъ, тамъ, матиночко, якъ бызбожни *духовныкы*: якъ хватять Боженьку за ножыньку, та такъ и проволочýть. Охъ, теперъ-же изроду ны пиду до церквы.“ (1892. Сообщ. П. К. Тарасевскій).

Отожествленіе грамотности съ умомъ можно видѣть и въ духовномъ стихѣ о „Голубиной Книгѣ“, представляющей изъ себя народную космологію [1]). Прочесть эту книгу въ „*сорокъ локотъ довжиньою, пятьдесятъ локотъ шириньою, шесьдзесятъ вяршковъ глубиньою*“, изъ двѣнадцати царей-князей „обобрався *прямудрый царь*... Давыдъ Явсеевичъ“. (*Ром.* 296). По другому варіанту, между „сорока царями со царевичамъ, сорока королями со королевичамъ,... князьями, .. попами,... дзяками...“ прочитать эту книгу „выискався... *хитрэй-мудрэй царь*—Володзимеръ-царь..., хорошъ... на басенки ўсьо на добрыйи, на *отгадычки* ўсьо на мудрыйи“ (l. c. 287).

И авторомъ книги (очевидно, апокрифическаго „завѣщанія Соломона“ Testamenti Salomonis) является также „премудрый царь“, насколько можно судить по слѣдующему заговору: „на семи горахъ на Сіонскихъ, на столбъ тотъ каменный, положилъ книгу запечатану, желѣзнымъ замкомъ заперту, золотымъ ключомъ замкнуту, самъ *премудрый царь* Соломонъ. Я премудрому царю поклоняюся, божіимъ словомъ вооружаюся, въ книгѣ той о поклажахъ земныхъ справляюся, съ благословеніемъ на рытву отправляюся“ (*Майк.* № 265).

Упоминаніе въ нѣкоторыхъ варіантахъ „Голубиной Книги“ о Соломонѣ, какъ наиболѣе извѣстномъ представителѣ всякой мудрости, роднитъ эту книгу съ Сіонской книгой заговора.

Малорусскій народъ не знаетъ стиха о „Голубиной Книгѣ“, но, взамѣнъ того, здѣсь разсказы о библіи напоминаютъ собой черты „Голубиной Книги“: „Люды стари кажуть, шо библійи, усыйи нильзя чытать. Быблія—це така *велыка* кныга. У йійи напысано усе те, шó дѣлайиця на неби, на земли и пидъ землею,

---

[1]) Обыкновенно „Голубиную Книгу“ называютъ (Напр., Кирпичниковъ, Порфирьевъ) „народной космогоніей“, хотя, по своему содержанію, эта книга выходитъ за предѣлы космогоніи.

и кромѣ того опысуйиця, шó було и буде. Библія гныга (!). *здоровэюча*, такъ шо у йійи пудовъ пивтора затóго: вона така якъ пивмúрошна коробка убúльшкы. Йійи якъ хто прочыта усю зо вниманіемъ и пойме, такъ той чоловикъ зъ ума сходе. Ну, тилько, бачъ, кажуть такъ: хоть прочытá усю и пойме, та никóму ны скаже про те, шó робыця на неби, и шó упыридъ буде, такъ це ничóго, ны сходятъ изъ ума; а якъ хто стане расхвалюваця, шо винъ таке чыта, той зойде зъ ума". (VIII. 1892. Сообщ. П. К. Тарасевскій).

Лично мнѣ приходилось неоднократно слышать, что читатели сходятъ съ ума, прежде чѣмъ успѣютъ дочитать библію до конца.

Съ другой стороны, малорусскому народу извѣстна „Чорна Книга", или „Чорна Маглія (!)", при помощи которой, по желанію, можно творить всякія чудеса. „Одынъ волшебныкъ бувъ уже такый прыдатный до волшебства, шо дальшы уже й казать ничого... У його була така *здорова книга*, шо тамъ булы усяки молытвы [1]) шо винъ тико бъ захотивъ, те у його и пырыдъ очыма буде. Пырыдилувавъ винъ старыхъ на молодыхъ, и дилавъ изъ цвитивъ рослынныхъ дивку... и пиднимавъ будто и мертвыхъ". (1893. Сообщ. П. К. Тарасевскій).

Въ малорусской сказкѣ „царевна", жена царя-змѣя, говоритъ молодцу: „У мене йесть така книга, що якъ прочытайишъ йейи, то зáразъ зробысься, чымъ захочышъ: чы звиромъ, той звиромъ, чы птыцею, той птыцею". (Чуб. II, 135). Принадлежность волшебной книги женѣ змѣя, по моему мнѣнію, можетъ служить ключомъ къ объясненію названія миѳической книги *голубиною*.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что слово *голубиный*, какъ эпитетъ миѳической книги, есть великорусское осмысленіе латинскаго *colubrinus*=змѣиный. Змѣй всегда считался символомъ мудрости, Книга бытія (II, 1) называетъ змѣя хитрѣйшимъ изъ всѣхъ звѣрей полевыхъ. Іисусъ совѣтуетъ своимъ ученикамъ быть „мудрыми, какъ змѣя" (Матв. X, 16).—Въ бѣлорусскомъ заговорѣ „царь Йосипъ" (=измѣненное метатезисомъ греч. Ὄφις, змѣй) „по ўсяму свѣту бываець, усякія трóвы и цваты и зелля-коренія знайець" (*Ром.* 116), т.-е. обладаетъ космологическими знаніями. Въ указанной выше малорусской сказкѣ (*Чуб.* II, 135)

[1]) Молытвы=заговоры

царь-змѣй разрѣшаетъ космологическія загадки точно такъ же, какъ въ другихъ сказкахъ олицетворенное солнце.

По малорусской же сказкѣ (*Гринч.* I, 2), отвѣдавшій змѣинаго мяса можетъ обладать всевѣдѣніемъ.

Съ словомъ *вѣщица* (=вѣдунья, вѣдьма) въ рус. заговорахъ чередуются: *змиа, голоубница, голубица* (*Ляцк.* 130) (=Colubra), конечно, потому, что всѣ эти слова, со стороны своего значенія, тожественны. Бѣлорусскій заговоръ (*Ром.* 107 № 277), въ числѣ другихъ, также называетъ змѣю Голубею.

Названіе *colubrinus* могло быть пріурочено „Сивиллинымъ книгамъ“, которыя, подобно Библіи, имѣли пророческій характеръ и, подобно „Голубиной Книгѣ“, могли быть читаемы только особо избранными лицами. Сорокъ поповъ и „дзяковъ“ „Голубиной Книги“, повидимому, являются замѣстителями жреческой коммиссіи, на которую возлагалась обязанность толкованія смысла „Сивиллиныхъ книгъ“. Поводомъ къ пріуроченію книгамъ эпитета *colubrinus* могло служить самое названіе книгъ *Сивиллиными* (libri Sibyllini) Каково бы ни было происхожденіе слова *Sibylla*, оно могло быть осмыслено понятіемъ *змѣинаго шипѣнія* = sibilatus, по крайней мѣрѣ, въ бѣлорусскихъ заговорахъ встрѣчаются названія: „гадины сипучія—хрипучія“ (Ром. 107, 113), Сипаха - Рыпаха“ (l. c. 109), „Сипуха“ (l. c 120), „Зипа“ (ib) „Рыпуха“ (ib.) и проч. Выраженіе малорусскаго заговора: гадюка Шевелюха, царыця (Гринч. II, 38), есть, безъ сомнѣнія, искаженіе первоначальнаго: „гадюка Сивилюха (=Sibilatrix=Sibylla), царыця“. Подтвержденіемъ этого можетъ служить польская сказка о Сивиллѣ швеѣ (=свѣтлой), которая находится на башнѣ вышиною въ семь миль и *окружена гадами, ужами* и *мѣдяницами*, охраняющими входъ въ эту башню. Достигнувшій до Сивиллы долженъ играть съ ней въ карты [1])

Для разрѣшенія вопроса о тожествѣ змѣи съ Сивиллой могутъ служить еще слѣдующія данныя. По словамъ древнихъ поэтовъ, замѣчаемыя на лунѣ пятна изображаютъ собой любимаго богиней луной мальчика, котораго она носитъ съ собой [2]). По

[1]) Игра Сивиллы въ карты является здѣсь признакомъ ея мудрости.

[2]) Lactantius 3, 22. Poëtae maculas in Luna puerum esse fingunt, quem delectum secum Luna ferat, prae pudore faciem celantem. (Thes. I, 1469).

польскимъ же и моравскимъ повѣрьямъ, на лунѣ сидитъ Сивилла, шьющая рубашку (Machal, 50), т. е. Сивилла отожествляется съ луной, которая въ греческихъ миѳахъ иногда представлялась подъ видомъ змѣя (δράκων), какъ звѣзды подъ видомъ змѣй (δράκαιναι) (Воевод. I, 16),—и съ змѣеногой Луной-Гекатой, повелительницей „адскихъ змѣй“ (δράκαιναι ἅδου, Эриній), богиней всего таинственнаго, богиней волшебства, производимаго, между прочимъ, и по „чернымъ книгамъ“.

По польскимъ и малорусскимъ повѣрьямъ, царь и царица змѣй имѣютъ на головѣ по *два золотыхъ рожка*, или, что тоже, брилліантъ, корону изъ дорогихъ камней, брилліантовую, золотую или вообще блестящую, которая можетъ замѣнить лампу и другое освѣщеніе. (Wisla VI, 319 sq.; *Гринч.* I, 5, 6).

Не трудно догадаться, что указанныя здѣсь повѣрья о царѣ и царицѣ змѣй восходятъ къ языческимъ представленіямъ древняго міра о богинѣ луны, Селенѣ, которую гомерическій гимнъ изображаетъ съ длинными крыльями и *золотой діадемой*. „Ея колесница запряжена бѣлыми конями или мулами, или коровами, *рога* которыхъ — эмблема полумѣсяца. Она имѣла въ Элидѣ *статую съ рогами*“. (Любк 907).

Великорусскія и малорусскія загадки представляютъ луну также въ видѣ рогатыхъ животныхъ: „цапа“ (козла), барана, коровы (*Ном.* стр. 291 № 30; *Даль*, Посл. II, 598).

У древнихъ орфиковъ луна называлась „однорогимъ бычкомъ“ (μονόκερως μόσχος), а у Гезіода „рогомъ Океана“ [1]).

На тожество богини Луны-Сивиллы съ царицей змѣй, имѣющей золотую корону, указываетъ и греческій эпитетъ Луны: στεφάνη = увѣнчанная. (Ср. Воевод. I, 21).

Наконецъ, тожество Вѣщицы-Голубицы (Columbae) съ Сивиллой-Гекатой, убивающей стрѣлами людей, и въ особенности дѣтей, устанавливается и сербскимъ повѣрьемъ: „Вјештица се зове жена, која... лети по кучама и једе људе, а особито малу дјецу“. (Ляцк. 131).

По ученію гностической секты офитовъ, божественное слово, корень идей и пр. также представлялись подъ видомъ змѣя.

---

[1]) Πολλὸν δε Θ' ὑπὸ χθονὸς ευρυοδείης ἐξ ἱεροῦ ποταμοῖο ῥέει διὰ νύκτα μελαίναν Ωκεανοῖο κέρας. (Hes. Theol. 788).

Сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ даетъ право заключить, что повѣрья о книгахъ Сивиллиныхъ и Голубиной исходятъ изъ одного и того же источника.

Изъ всего сказаннаго по поводу мотивовъ: „молодецъ играетъ и поетъ“ и „N книгы чытайе лыстонькы пыше“ должно быть слѣдующее заключеніе. Игра „на вигравы“, въ „кисточкы“, въ карты, пѣніе, чтеніе и письмо свидѣтельствуютъ объ умѣ человѣка; умъ составляетъ неотъемлемое свойство царя и развивается при помощи неусыпнаго воспитанія матери. Въ колядкахъ такое воспитаніе выражается при помощи слѣдующихъ символическихъ образовъ:

Навчыла мене ненька рыдненька...
По-трычи въ-ночи та й устаючы,
Выннымъ йеблучкомъ та й хытаючы;
v. А въ выни, въ меду все купаючы;
v. Солодкымъ медкомъ наповаючы;
v. Въ кудрявимъ пыви выкупуючы,
Въ билыхъ рукахъ выхытуючы.
(*Гол.* II, 65, 610; IV, 18; *Чуб.* III, 338).

По отношенію къ паннѣ результаты такого воспитанія выражаются въ слѣдующей картинѣ: „сосна... въ-верхъ кудрява... колысочка... дытыночка... маты дытя та й колысайе...“

Ой, на тимъ кудри та соколъ сыдыть
.....далеко выдыть... чыстый Дунай... коробель...
Въ тимъ коробію гречная панна...
...шырынку... шыла, позолотыла,
А другу шыла те ыльчастую,
А третю шыла вселякымъ шовкомъ. (*Гол.* IV, 120).

А. А. Потебня полагаетъ, что „это, вѣроятно, тоже величаніе ребенку, а не дѣвицѣ, какъ сказано у Головацкаго (*Пот.* II, 668); по моему же мнѣнію, напротивъ, здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ результатахъ, какихъ достигла мать воспитаніемъ дочери: изъ нея вышла хорошая хозяйка. Тѣ-же черты повторяются и въ другой пѣснѣ балладнаго характера, гдѣ образцовое веденіе хозяйства и образцовое воспитаніе дѣтей женою въ долгое отсутствіе мужа описывается такъ:

Прыйизжайе козакъ та у свій у двиръ—
Його дворочокъ та якъ виночокъ,
Диточкы його за столомъ сыдять,
За столомъ сыдять, все перомъ пышуть,
А слугы його золотомъ шыють. (*Чуб.* V, 735).

Такъ же ведетъ свое хозяйство и величаемая въ колядкахъ вдова или вообще хозяйка дома („умная жена“).

У нея

По-за столове сыдятъ особы...
Все ремеснычкы, сами шевцевс,
Ой ладятъ-ладятъ та червинъ-сафьянъ,
Гей, газдыноньци чомъ удивоньци,
....кравцеве... дор гу шубу,... ткачеве... дорогый завій
(*Гол.* II, 47 = IV, 33–4; ср. *Чуб.* III, 386—7).

У нея

Сыночкы зрослы—у школу пишлы,
А дочкы зрослы—у швачкы пишлы;
Сыночкы ыдуть—книжечкы несуть,
А донечкы ыдуть—хусточкы несуть... (*Чуб.* III, 404).

При сопоставленіи всѣхъ разсмотрѣнныхъ колядочныхъ мотивовъ, легко замѣтить, что всѣ они имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ половой подборъ. Первичными факторами этого подбора въ человѣческихъ обществахъ, какъ и въ мірѣ животныхъ, были физическая сила и голосъ; при помощи непосредственнаго примѣненія ихъ достигалось непосредственное же реальное завладѣніе женщиной. При одинаковомъ развитіи этихъ факторовъ у двухъ и болѣе конкурентовъ, для достиженія цѣли требовалось благопріятное сочетаніе другихъ факторовъ, напр.: силы съ хитростью, или силы съ ловкостью, или же всѣхъ ихъ вмѣстѣ, и т. д. При постепенномъ развитіи человѣческой культуры, когда заботы человѣка стали выходить за предѣлы непосредственнаго удовлетворенія насущныхъ потребностей данной минуты, факторы борьбы: сила, хитрость, ловкость и пр. должны были развиваться независимо отъ преслѣдованія какой бы то ни было полезной цѣли, и половой подборъ долженъ былъ потерять прежній исключительный характеръ непосредственности. Съ другой стороны, факторы борьбы, бывшіе прежде только средствомъ для полученія наслажденія, съ этого времени сами становятся свободно избранной цѣлью, идеаломъ, который достигается путемъ спеціальнаго развитія, и самъ по себѣ служитъ предметомъ конкурса и источникомъ наслажденія. Въ древней Греціи такимъ образомъ направленное развитіе привело къ Олимпійскимъ играмъ, въ Испаніи—къ бою быковъ, въ другихъ странахъ къ жонглерству и шпильманству и т. д.

Въ малорусской колядкѣ такими же идеалами являются храбрость, ловкость, но главнымъ образомъ составляющее главную заботу „умнойи жоны“, матери, развитіе ума, выражающееся въ загадываніи и отгадываніи загадокъ, въ карточной игрѣ, пѣніи, чтеніи, письмѣ [1]). Это конечный результатъ культурнаго развитія, имѣющаго своимъ исходнымъ пунктомъ хитрость первобытнаго человѣка [2]). Высокія качества малорусской пѣсни и вообще поэзіи, не разъ служившія предметомъ восхищенія изслѣдователей славянской поэзіи, и между ними извѣстнаго слависта Ягича, а также общеизвѣстныя черты въ характерѣ малороса: хитрость и юморъ, по моему мнѣнію, въ значительной степени обязаны именно идеализаціи ума у малорусскаго народа.

Екатеринодаръ.
1 октября 1896 г. **Митроф. Дикаревъ.**

Дополненія. *Къ гл. III, стр. 14, строка 14 сверху*, слѣдуетъ сдѣлать выноску:

О сказкѣ, подобной мазурской, упоминаетъ А. А. Потебня въ своей статьѣ: «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій» (III 266).

Къ гл. V, стр. 22, послѣ строки 12 слѣдуетъ вставить:

Вмѣсто выраженія ἠλέκτωρ πέτρος (=блестящій камень) въ греческой поэзіи, внѣ всякаго сомнѣнія, употреблялось тожественное ему: ἠλέκτωρ βάσις (=блестящее подножіе) [3]), вслѣдствіе ошибочнаго перевода, въ русскихъ сказкахъ превратившееся въ «золотую» или «желѣзную ступу» бабы Яги, а съ измѣненіемъ, еще на греческой почвѣ, слова ἠλέκτωρ въ ἀλέκτωρ [4]), въ «куриную лапку», на которой стоитъ избушка той-же Яги, т.-е. Гекаты—Артемиды, богини луны, и «въ курячу нижку» (*въ единственномъ*

---

[1]) Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что современные клоуны-жонглёры также состязаются въ остроуміи при помощи загадыванія другъ другу и отгадыванія загадокъ.

[2]) Первоначальный идеалъ мудрости еще и теперь виденъ въ выраженіяхъ: бѣлорус. „хитрэй-мудрэй“ и малорус. „хытрощи-мудрощи“.

[3]) Βάσις (отъ βαίνω, ступать, стоять)=1) ходъ, шагъ; въ переносн. см.—нога; 2) тактъ, ритмъ; 3) фундаментъ, основаніе, пьедесталъ.

[4]) У позднѣйшихъ греч. поэтовъ ἀλέκτωρ=пѣтухъ.

числъ!), на которой стоитъ замѣнитель этой богини «шалапуцькый богъ» (см. мои «Чорноморськи казкы й анекдоты», стр. 31, въ «Этнографичн. збирн» т. II [1]).

Всѣми приведенными данными, беру смѣлость сказать, окончательно разрѣшается спорный вопросъ объ этимологіи слова *алáтарь* [2]).

Сокращенія, употребленныя мною въ статьѣ, имѣютъ слѣдующее значеніе:

Сокращенія, употребленныя мною въ статьѣ, имѣютъ слѣдующее значеніе:

Богород.=Богородицкій, В. А. Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. I. Фонетика. Варшава, 1887.

Baudouin. Teor. altern =Baudouin de Courtenay. Próba teorji alternacyi fonetycznych. Cz^sć. Ogólna. W Krakowie. Nakladem Akademii umiejętnosci. 1894.

Wisla=Wisla, miesięcznik gieograficzno etnograf.czny.

Варенцовъ=Варенцовъ, В. Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края.

Весел., Разыск =Веселовскій, А. Н. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха.

Весел., Ист. лег.=Веселовскій, А. Н. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды (Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, II—IV, VI).

Воевод.=Воеводскій, Л. Ф. Введеніе въ миѳологію Одиссеи. Одесса, 1881.

Вор. Этн. Сборн.=М. А. Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ. (Отд. оттискъ изъ Памятн. книжки Ворон. губ. на 1892 г.).

Гол.=Головацкій, Я. Ѳ. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. I—IV.

Гринч.=Гринченко, Б. Д. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ Черниговской и сосѣдн. губ.

Гротъ=Гротъ, Я. К. Очеркъ быта, религіи и поэзіи древнихъ скандинавовъ. (Сборникъ классическихъ иностран. произвед. А. Н. Чудинова. Воронежъ 1875).

Даль, Толк. Слов.=Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусскаго языка.

---

[1]) Точно также неправильнымъ переводомъ греч. выраженія ἀλέκτωρ (v. ἀλέκτων *δράκων* (=блестящій змѣй) слѣдуетъ объяснить чешско-славянское zmoklé kur^e (Machal, 153. sq.)=„мокрая курица“, первоначально „змокъ-курица“ (отъ литов. smãkas=драконъ).

[2]) О тожествѣ Гекаты съ бабой Ягой въ этимологическомъ (Геката=Яката=Ягата=Яга) и другихъ отношеніяхъ я имѣю въ виду сказать болѣе подробно въ особомъ очеркѣ.

Даль, Посл.=Даль, В. И. Пословицы русскаго народа. 1879. I—II.

Дарвинъ=Сочиненія Чарльза Дарвина. Перев. подъ редакц. акад. А. О. Ковалевскаго. Спб., 1896.

Довн.-Запол.=Довнаръ-Запольскій, М. В. Бѣлорусское Полѣсье. I. Пѣсни Пинчуковъ. Кіевъ, 1895.

Ефименко, Ярил.=Ефименко, П. С. О Ярилѣ, языческомъ божествѣ русск. славянъ. (Записки Имп. Русск Геогр. Общ. по отд. этн., т. II).

Жив. Стар.=Живая Старина. Періодич. изд. по отд. этн. И. Р. Г. О.

Иван., Игры=Ивановъ, П. Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ. (Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова). Харьковъ, 1890.

Кирил.=Кирилловъ, П. О. Черноморская свадьба. (Кубанск. Сборн., т. II).

Крамаренко=Крамаренко, М. Риздвяни святкы въ станыци Павливській, Ейського одиллу на Чорноморійи.

Куб. Обл. Вѣд.=«Кубанскія Областныя Вѣдомости».

Кул., Ист. возсоед. Рус.=Кулишъ, П. Исторія возсоединенія Руси.

Купчанко=Купчанко, Гр. Пѣсни буковинскаго народа. (Записки Юго-Зап. отд. И. Р. Г. Общ., т. II).

Linde=Linde, M. S. B. Słownik języka Polskiego. Lwów, 1854–60, Mm. I–IV.

Любк.=Любкеръ, Фр. Реальный словарь классической древности. Переводъ подъ ред. проф. В. И. Модестова, 1888.

Лящк.=Ляцкій, Евг. Къ вопросу о заговорахъ отъ трясавицъ. (Этн. Обозр., 1894, № 4).

Майк.=Майковъ, Л. Н. Великорусскія заклинанія. (Записки И. Р. Г. О. по отд. этн., т. II)

Массонъ=Массонъ, Морицъ. Народная мудрость въ пословицахъ у нѣмцевъ, русскихъ, французовъ и др. одноплеменныхъ народовъ. Спб., 1868.

Machal=Machal, Hanuš Dr. Nákres slovanského bájesloví. Praha, 1891.

Минаевъ=Минаевъ, И. Индѣйскія сказки. (Журн. Мин. Нар. Пр., 1876, май).

Ном.=Номысъ, М. Украинськи прыказкы, прысливъя и таке ынше. Спб., 1864.

Нос.=Носовичъ, И. И. Бѣлорусскія пѣсни. (Записки И. Р. Г. О. по отд. этн., т. V).

Ogonovski, Studien.=Ogonovski, Em. Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache. Lemberg, 1880.

Павловскій =Павловскій, И. Я. Нѣмецко-русскій словарь. Рига, 1888.

Поповъ=Поповъ, В. Народныя пѣсни, собранныя въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ. Москва. 1880.

Пот.=Потебня, А. А Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. I—II.

Пот., Мрус. п. XIV в.=Потебня, А. А. Малорус. народн. пѣсня по списку XVI вѣка. Текстъ и примѣчанія. Воронежъ, 1877.

Ром.=Романовъ, Е. Р. Бѣлорусскій Сборникъ. Вып. V. Заговоры, апокрифы и духовные стихи.

Рудч.=Рудченко. Чумацкія пѣсни.

Сумцовъ, Воронъ=Сумцовъ, Н. Ѳ. Воронъ въ народной словесности. (Этн. Обозр., 1890, кн. 1).

Thes.=Fabri, Basilii, Thesaurus erudicionis scholasticae. Lipsiae, 1735, I—II.

Фаминц.=Фаминцынъ, Ал. С. Божества древнихъ славянъ. Вып. I. Спб, 1884.

Chil.=Erasmi, Desid. Roterodami Adagiorum chiliades. Hanoviae, 1617.

Černy, Baudouin=Černý, Adolf. Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego gub. Wileńskiej.+Baudouin de Courtenay I. Dr. Dodatek do pieśni białorusko-polskich z pow. Sokolskiego, gub. Grodzieńskiej. W Krakowie. Nakładem Akademii Umiejętnosci, 1894.

Чуб.=Чубинскій, П. П. Труды этногр.-статист. экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной И. Р. Г. О.

Шейнъ=Шейнъ, П. В. Бѣлорусскія пѣсни. (Зап. И. Р. Г. О. по отд. этн., т. V).

Щербина, Крест. хоз. по Остр. у.=Щербина, Ф. А. Крестьянское хозяйство по Острогожскому у.

Этн. Обозр.=Этнографическое Обозрѣніе.

NB. Акцентированныя гласныя, за недостаткомъ шрифта, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнены курсивными.

М. Д.

Очерки Витебской Бѣлоруссіи.

V*). Питущіи и пропойцы.

Много-ли, мало-ли пьетъ водки бѣлорусскій простолюдинъ — на этотъ вопросъ трудно отдѣлаться однословнымъ отвѣтомъ. Изъ практическаго положенія, однако, видно, что мужикъ не только пьетъ, но и бываетъ пьянъ, т. е. не держится на ногахъ, или творитъ безобразія — бранится, буянитъ, дерется и проч. Этихъ скорбныхъ проявленій такъ называемаго „пьянственнаго дѣла“ не могутъ отрицать наблюдатели простонародной жизни, какъ и повинные въ семъ дѣлѣ—подлежащіе наблюденію. „Пьетъ мужикъ“—пьетъ и старъ и малъ, безъ различія пола, — какъ это рѣзко, преступно!.. „Чинитъ безобразія“ — этому принадлежатъ послѣднія, отталкивающія имена!.. Съ присущимъ въ семъ дѣлѣ безпристрастіемъ полезно изложить истинную повѣсть о „питу́щихъ и пропо́йцахъ“, — повѣсть прямо изъ жизни.

Подобно давнему и современный простолюдинъ не имѣетъ понятія объ „адмиральскомъ часѣ“; еще меньше знаетъ онъ о предъобѣденныхъ „подходцахъ къ шкапчику“, котораго, пожалуй, въ его обиходѣ совершенно нѣтъ; въ свою очередь незнакомы ему ни „промо́чки“, ни „по единой“, ни „сливки отъ бѣшеной коровы [1])“, такъ румянящія чай и потребителя его. Ничего этого нѣтъ и не можетъ быть у простонародья при его простой жизни; мужикъ пьетъ наскоками, при подходящей оказіи, которыми бываютъ: общія празднества, семейныя торжества, житейскія положенія—купля, продажа, мѣна, недомоганіе, переутомленіе. Во всѣхъ такихъ случаяхъ водка появляется въ домѣ, какъ необычный предметъ — и нѣтъ ничего удивительнаго, что она, оплаченная слишкомъ трудовою копѣйкою, доставленная съ видимыми для всѣхъ усиліями, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ

*) См. „Этн. Обозр.,“ кн XXIII.

обсужденій, является тѣмъ „ла́сымъ“ предметомъ, который пропорціонально дѣлится между всѣми семьянами, если только здѣсь не потерялась родительская любовь къ „малымъ симъ“, или не изсякла та же любовь „до бацёкъ [2])“. Вотъ первая причина, почему пьетъ водку и старъ и малъ, безъ различія пола! При чемъ, памятуя шуточное присловье, что „пьяницу и капелька дорога“, остается примолвить: потребляемая водка уничтожается именно до послѣдней капельки изъ той мѣрной единицы, въ которой она подана потребителю. Какъ это достигается возрастными—сказано будетъ ниже; что-же касается дѣтей, едва управляющихся съ ложками, то они не пьютъ своей порціи, а вымакиваютъ водку хлѣбомъ, тщательно вытирая имъ дно и стѣнки поданной рюмки [3]).

Состоя на положеніи рѣдкостнаго, случайнаго и въ то же время дорогого предмета потребленія, водка главенствуетъ въ домѣ и за столомъ деревлянина, и чтобы тѣмъ осязательнѣе было воздѣйствіе ея на потребителя, пріемъ таковой пріурочивается „на ще сэрца“, когда относительно небольшая доза выпитаго въ состояніи дать бо́льшее ощущеніе выпивки. Два существенныя условія — неурегулированное питье и „ще сэрца“ при этомъ—дѣлаютъ то, что потребитель хмелѣетъ больше, чѣмъ можно ожидать. Но тутъ въ неразрывной связи стоитъ и свойство водки, по большей части, идущей изъ корчемныхъ застѣнковъ, еще болѣе мутныхъ и мрачныхъ, чѣмъ корчма, или подворье при ней...

Давніе „питу́щіи люди“ не могутъ забыть, что памятная имъ чисто хлѣбная водка, получавшаяся изъ помѣщичьихъ корчемъ и поставлявшаяся сюда непосредственно изъ ихъ-же винокуренъ, далеко не походила на современную: ни одури, ни послѣдствующаго органическаго разслабленія отъ нея не испытывалось. Кромѣ того, корчемные сидѣльцы-крѣпостные люди испытанной честности, подлежавшіе частому контролю владѣльцевъ и акциза, лично не заинтересованные въ питейной продажѣ, не знали и по чести не вѣдались съ водочными спеціями, а отпускали потребный товаръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ получался по проходѣ „чрезъ огонь, воду и мѣдныя трубы“. Немногимъ хуже бывала водка и тогда, когда корчемными сидѣльцами, то собственниками, то наемниками сдѣлались-было шляхтичи: контроль и

личная честь ставили ихъ внѣ винной фальши и выше алчной наживы на счетъ кармана и здоровья потребителей. Когда же, по народной молвѣ, „шляхцицъ пропивъ корчму жиду“, когда сей послѣдній всецѣло зацарилъ въ ней, давняя водка отошла въ область преданій, и современный потребитель можетъ получить изъ корчмы или какую-то бурду съ едва уловляемымъ запахомъ водки, или „надто забористый спіритусъ“: отъ той и другого мутитъ внутри, сразу оживаетъ невѣдомая задорность, а „оголтѣлую“ голову клонитъ внизъ, къ землѣ. Невозможно указать, какими средствами владѣютъ корчемные властелины для приданія водкѣ такой дикой мощи, и только остается свидѣтельствовать, что эти средства есть, что они приводятъ къ цѣли. Пришедшій за водкою потребитель опрашивается: „ци пыляго́сій, ци пымоцнѣй даць?“ [4]) и, не желая первою „поганить души“, мужикъ охотнѣе тянется къ той, что „пымоцнѣй“, тѣмъ болѣе, что пробный „ке́лишекъ“ [5]), обыкновенно поднесенный продавцомъ, дѣйствительно „забралъ“ моментально, забралъ до жженія въ горлѣ и животѣ, за который невольно приходится ухватиться и надсаживающимся голосомъ выразить похвалу забористой водкѣ. „Я узу́ до́бри вѣдыю, кому сто треба пыдаць“,— торжествующе отвѣтитъ корчемный властелинъ...

Поступивъ на домашнюю и семейную потребу, принятая „на ще сэрца“, водка даетъ всѣ злокачественныя послѣдствія, моральныя и физическія вкупѣ, отъ которыхъ потребитель отрезвляется лишь чрезъ нѣсколько дней, да и то благодаря обильному потѣнью за работою, или въ банѣ, недоумѣнно относя свой дикій хмель къ добротности водки, къ лишней рюмкѣ. Слава „моцной“ водки, какъ и слава корчемнаго властелина расходятся въ окружищѣ — и искатели желанныхъ ощущеній требуютъ такой водки, и ради нея обходятъ попутныя корчмы съ одною бурдой, къ которой пригонитъ развѣ исключительность положенія да скромныя деньженки, отдѣленныя на водку.

Всѣ невзгоды помянутой водки были, однако, сознаны давно весьма скоро, и догадливые потребители не замедлили выйти навстрѣчу дѣлу: еще въ половинѣ 70-хъ годовъ можно было наблюдать, что ярмарочные посѣтители и окрестные богомольцы прибывали къ мѣсту съ собственною, изъ дома взятою водкою, а не брали таковой изъ мѣстной корчмы. Значительно мутная,

чаще всего прикрашенная настоемъ, эта водка воскресила память о настоящей водкѣ... И дивились, опускали руки корчемные властелины, что мужикъ не беретъ у нихъ водки, но пьетъ таковую, не валится съ ногъ, не дуритъ, — пока полицейскіе и акцизные розыски не разгадали загадки, накрывъ фабрикацію водки въ какомъ нибудь пустопорожнемъ зданіи, или въ глубинѣ лѣса. Но тутъ этнографическое сказаніе на предвзятую тему граничитъ съ доносомъ, и я считаю умѣстнымъ обратиться непосредственно къ сказу о „питу́щихъ и пропойцахъ“ въ Витебской Бѣлоруссіи.

Какъ видно изъ сдѣланнаго помина, „питу́щими“ оказываются всѣ, кто не чуждъ „пола́сыць“, и незначительныя единичныя исключенія составляютъ развѣ тѣ, кому водка претитъ по натурѣ, какъ иному, напр., претитъ медъ, отдѣльный съѣдобный предметъ, кто въ концѣ „сбры́дився“ [6]) ею отъ пріема домашнихъ противо-пропойственныхъ средствъ, или кто состоитъ на обѣтѣ. Но и эти единицы иногда подневольно переступаютъ органическое отвращеніе и обѣтъ, когда вынуждены бываютъ исполнить чью-нибудь твердую волю, традиціонную обрядность, раздѣлить спѣшную радость, горе, или же принять водку, просто какъ лѣкарственное вспоможеніе. Согласившись на повальной принадлежности каждаго къ „питущимъ“, остается разсмотрѣть оказіи, когда простолюдину приходится быть таковымъ, т. е. пить водку.

Извѣстно, что если кто имѣетъ притяженіе къ рюмочкѣ, тотъ изыщетъ много путей и поводовъ для оправданія своего подхода къ ней въ любой день или время дня. Смотря на дѣло такъ, пришлось бы говорить, что у простолюдина слишкомъ много оказій и что посему „питу́щіи“ удовлетворяютъ свою слабость весьма часто. Но тутъ стоитъ вспомнить житье-бытье дома съ среднимъ достаткомъ, гдѣ не обходятся изстари заведенныя оказіи, какъ таковыя же случайныя. Прежде всего приходится видѣть, что, примѣнительно къ деньгамъ на сей предметъ, какъ и наличности семьи, пріобрѣтается то „кварта“ водки, то „пу(о)вквартыы“ [7]), и только на дни праздниковъ Р. Хр. и Пасхи нѣсколько больше, каковой запасъ доходитъ даже до „га́рца“. Ординарными традиціонными оказіями приходится считать: пять „за́постовъ“ [8]), четверо „ро̀зговинъ“, столько же „дядовъ“ и

наиболѣе мѣстные праздники, коихъ наберется въ году до пяти—шести. Въ предвидѣніи такихъ отличительныхъ дней водка покупается заблаговременно, наравнѣ съ праздничными закусками, и наравнѣ съ ними сберегается на урочные дни, при чемъ терпѣливо обходится всяческій позывъ къ водкѣ: самый праздникъ будетъ полнымъ тогда лишь, когда на столѣ или въ рукахъ хозяина покоится нестронутая посудина. Да будь иначе, куда бы виновнику дѣвать безстыжіе глаза при вопросительномъ взглядѣ семьянъ на опороченную посудину?

Случайныя оказіи — крестины, свадьбы, похороны, навозная и жнивная толока и „вѣдомныя госцины“ [9])—вызываютъ пріобрѣтеніе большого количества водки, именно такого, котораго стало-бы и для семьянъ и для гостей, чтобы, по крайней мѣрѣ, послѣдніе могли потомъ вспоминать теплымъ словомъ „госцѝны“. Но тутъ все зависитъ отъ достатка хозяевъ, ихъ хлѣбосольства и численности гостей: „наварилъ ты каши масла не жалѣй“,— вправѣ сказать приглашенные. При такихъ случайныхъ оказіяхъ водка пріобрѣтается чуть-ли не наканунѣ, по достаточномъ оформленіи предстоящаго гостинаго состава и аппетитовъ „питу́щихъ“. Винную покупку справляетъ или самъ хозяинъ, или его довѣренный уже при нарочитой поѣздкѣ въ городъ, мѣстечко, подвалъ и, въ крайнемъ случаѣ, въ корчму. Такая водка не удерживаетъ за собою неприкосновенности праздничной; напротивъ, „питу́щіи“ обязательно пробуютъ покупку, пробуютъ безъ торжественности, не за ѣдою, а когда и какъ придется, при чемъ малозначительныя семейныя единицы нерѣдко обходятся при такой пробѣ.

Среди житейскихъ вызововъ и бытовыхъ пріемовъ пріобрѣтенія водки стоитъ интереснымъ особнякомъ сыскъ водки ради «нисподѣваныхъ, но лю́бенькихъ госцько́въ», если только они «на́щеницы» [10]), близкія дому лица,—что имѣетъ мѣсто въ гостинную пору года—отъ Покрова до заговѣнья 14 ноября и отъ Рождественскихъ святокъ до масляницы. Лишь только прибудутъ такіе гости и, по просьбѣ хозяевъ, «полегча́тца» [11]), послѣдніе немедленно же, не въ очередь дневной ѣды, предложатъ хлѣбъ-соль. Само собою разумѣется, что наблюдающіе за снаряженіемъ стола гости не могутъ не замѣтить отсутствія водки, которой на самомъ дѣлѣ и нѣтъ дома, а посему и станутъ отказываться

отъ ѣды, ссылаясь на недавнюю ѣду дома, или у попутнаго знакомца. Если питейная продажа близко, или въ домѣ есть легкій на ногу подручникъ, то онъ тутъ же снаряжается «сбѣгать на однэй ножцы»: первый привѣтъ гостей состоится, какъ слѣдуетъ, съ незначительнымъ промедленіемъ; въ противномъ случаѣ бѣгъ «на однэй но́жцы», достается самому хозяину, а если питейная продажа поодаль, версты за три и болѣе, то онъ принужденъ сдѣлать это на лошади. Но тутъ, несмотря на дорожную усталость, быть можетъ, и потребность въ ѣдѣ, учтивый гость не отстанетъ отъ хозяина: близокъ-ли, далекъ-ли сыскной путь, они сдѣлаютъ его вмѣстѣ и вмѣстѣ же прослѣдятъ винный отмѣръ, да кстати сдѣлаютъ и посильную пробу водки. Количество сей послѣдней зависитъ отъ угостительности хозяевъ и отъ предполагаемой продолжительности «госци́нъ».

Этотъ сыскъ водки «по однэй но́жцы, за-'днымъ духомъ» можетъ затянуться, особенно, когда хозяинъ и учтивый гость «рады, что до водки добрались». Но онъ въ то же время тягостенъ для хозяйки, когда на ея попеченіе остается прибывшая гостья, которую приходится занимать, «кабъ ни морко́цилась» [13]), занимать тогда, когда подступы аппетита начнутъ вызывать сплевыванья, безотчетную зѣвоту, нетерпѣливое посматриванье въ окно и наводить почти гнѣвное расположеніе... Съ прибытіемъ своеобразныхъ посланцовъ измученныя «жда́нками» нѣсколько оживаютъ, какъ оживаетъ и все въ домѣ, начиная съ бульканья водки, переливаемой изъ «бочу́шки или гляка» въ бутылку и кончая бѣготней хозяйки отъ печи къ столу, и среди этого пропадаетъ тотъ напоръ гнѣва, который, при другихъ обстоятельствахъ, готовъ былъ-бы разрѣшиться домашнею ссорою. Въ свою очередь «нисподѣваныи любенькіи госцьки» забываютъ скудость ѣды, которая на сей первый разъ не выше будничной, или точнѣе—гости пользуются очередными дневными кушаньями—тѣмъ, съ чѣмъ они застали домъ; сюда прибавится развѣ то́, что́ можно «спря́жиць на тре́сочкахъ, на загне́тцы» [14]), потому что печь вторично не топится и, слѣдовательно, не можетъ быть вторичной стряпни. Кстати дополнить, что при очередной стряпнѣ на другой день хозяйка восполнитъ вчерашніе недочеты обильными праздничными кушаньями, а остальное закраситъ водочное угощеніе и любезность хозяевъ. Тутъ, среди шутокъ приба-

утокъ, хозяинъ не разъ воскликнетъ: «носи, Богъ, госцей почасцѣй—дыкъ и хозяину будиць поляпшѣй!»...

Къ слову о помянутыхъ «госцѝнахъ» не лишне присоединить поминъ о поведеніи гостей. Въ то время, когда мужчины вылеживаются на мѣстахъ пробужденія, или осматриваютъ хозяйство, хозяйка-стряпуха, перекидываясь съ гостьей короткими словами, торопливо варитъ, печетъ, жаритъ. Но какъ ни многосложна была-бы эта работа, какъ ни надрывалась бы за нею хозяйка, присутствующая гостья не поступится ни малѣйшею помощью: скрестивъ руки, сидя на лавкѣ, или стоя у печки да поводя глазами за движеніями стряпухи, она какъ-будто измѣряетъ степень трудовъ и хлопотъ послѣдней и, повидимому, много сдѣлаетъ, когда укажетъ на подгорающій блинъ, на «плывущій горщокъ» [15]). Впрочемъ, до самомалѣйшей помощи не допуститъ и хозяйка, чтобы гостья хотя у нея отдохнула отъ будничныхъ работъ, и въ семъ послѣднемъ случаѣ одинаково чествуются, какъ родственныя, такъ и неродственныя гостьи.

Пока длится стряпня, очень возможно и нѣсколько затянувшаяся, угостительный хозяинъ не преминетъ предложить „пополоскать зубы“. Отъ участія въ этомъ дѣлѣ не откажется какъ гостья, такъ и хозяйка-стряпуха, обыкновенно на ходу выпивающая рюмочку-другую, и всѣ полоскатели зубовъ закусываютъ наскоро хлѣбомъ съ солью да подвернувшеюся луковицей, рѣдькою. Такимъ образомъ, ко времени настоящей „ѣжи“, хозяева и гости значительно повысятъ свои аппетиты, развяжутъ языки, а къ выпитому доселѣ имъ останется прибавлять немного...

Общепринятая тактичность позволяетъ гостю пребывать на „госцѝнахъ“ до тѣхъ поръ, пока не опорожнится водка, за исключеніемъ двухъ-трехъ рюмокъ, приберегаемыхъ на „отчепное [16])“. Тутъ гости рѣшительно готовятся къ отъѣзду, и если то̀ сообразуется съ планами и съ домашнимъ положеніемъ хозяевъ, послѣдніе не станутъ дольше и задерживать. Въ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ особенно дорогими гостями, когда послѣдніе сдались на волю хозяевъ—погостить еще, тогда наступаютъ вторыя „госцѝны“, и съ момента соглашенія предпринимается новая „бѣгня̀ на однэй нòжцы“, новая „топотня“ хозяйки...

Кромѣ перечисленныхъ оказій „питу́щіи“ вѣдаются съ водкою при путевомъ положеніи и компанейскомъ сборѣ, какъ это послѣднее бываетъ во время волостныхъ сходовъ, ярмарокъ, или при встрѣчѣ съ пріятелями, нужными людьми. Въ первомъ случаѣ, обогрѣвшись, отдохнувъ, „питу́щій“ потребитъ при ѣдѣ извѣстную „сотку“ или „повсотки“, потребитъ особнякомъ; во второмъ случаѣ питье водки нѣсколько шире и зависитъ оно отъ состава и задора компанейцевъ, которые покупаютъ ее то „у складку“, то по очереди, въ равной пропорціи, при чемъ рѣдкія лица и въ рѣдкихъ случаяхъ угощаются на счетъ компаніи, да и то съ матеріальнымъ и нравственнымъ обязательствомъ рано или поздно „отудѣнчиць [17])“. Располагаясь примѣнительно ко времени то въ корчмѣ, то на открытомъ мѣстѣ, эти рюмочные товарищи среди нескончаемыхъ разговоровъ выпиваютъ по „повквàрци“ на брата, а при компанейскомъ задорѣ да при запасливыхъ деньгахъ — и по „квàрци“, прикрывая попойку „пивнымъ лакомъ“, какъ это стало практиковаться со времени введенія „баварòвыхъ пивъ“ [18]). Благодаря свойству водки, перемѣшанной съ пивомъ, благодаря скудной закускѣ или даже отсутствію ея, когда пьющіе принуждены „закусывать язы́комъ“, благодаря, наконецъ, налетному потребленію водки, отъ далеко нешироко выпивки компанейцы доходятъ до желаннаго или подневольнаго опьяненія, послѣ котораго одни оставляютъ мѣсто, пишучи мыслѣте, другихъ отводятъ подъ руки добрые знакомцы или отвозятъ домой, третьи мертвецки засыпаютъ на мѣстѣ то до отрезвленія, то до сторонней помощи пріютиться какъ-нибудь человѣчно. Здѣсь, какъ и во многихъ житейскихъ положеніяхъ, не кривится одна черта; равный ищетъ равнаго, т. е. „питу́щими“ компанейцами становятся лица одинаковаго достатка, и встрѣтить захудальца въ компаніи зажиточниковъ, и наоборотъ, также странно, какъ странно бываетъ сочетаніе лапотника съ шелковымъ халатомъ, несмотря на то, что завтра и послѣзавтра тотъ и другой одинаково будутъ орудовать на нивѣ, на лугу, въ току, на дровосѣкѣ... Если къ компанейцамъ пристаетъ женщина,— а это возможно съ женами участниковъ, или съ пожилыми ихъ родственницами, замужними и вдовами, безразлично,—онѣ несутъ всѣ компанейскія обязательства: вступаютъ въ складчину, или покупаютъ очередную „повкварту“, и, по мѣрѣ

возможности, выпиваютъ очередную рюмку. Хотя при семъ случаѣ мужчины бываютъ и значительно сдержанные, однако, при назрѣвшей веселости да при достаточномъ охмелѣніи дѣло не обходится безъ плоскихъ росказней и шутокъ, коимъ участницы не придаютъ значенія, не обижаются за плоскость, какъ не обижаются за пересыпку рѣчи „сорóмными“ словами и прикрасу ея двусмысленными, непристойными движеніями. Нѣтъ нужды упоминать, что молодежь не только не принимаетъ участія въ попоечномъ компанействѣ, но и сторонится отъ мѣста компаніи, находя для себя достаточно забавы въ танцахъ да играхъ, и къ „питущимъ“ компанейцамъ пристаетъ развѣ послѣ 30 — 35 лѣтъ. Въ свою очередь, почтенные старики, готовые выпить при всякомъ подходящемъ случаѣ, не выдерживаютъ помянутой попойки, то оставляя таковую раньше срока, то вовсе не примыкая къ ней: ихъ благоразумное питье отчасти напоминаетъ питье путевого человѣка; только въ своемъ домѣ, или въ надежной близкой семьѣ они доходятъ до послѣдствій компанейскаго бражничанья.

На семъ послѣднемъ ярче всего обрисовывается выпивная обрядность, которая на „банькѣту“ малымъ чѣмъ отличается отъ попойки въ „компаньству“, т. е. внѣ дома, за глазами семьи. Прежде всего „компаньство“ составляется какъ-то безмолвно, по крайней мѣрѣ, компанейцы сходятся, повидимому, вовсе не для попойки, и только среди разговоровъ изрѣдка можно уловить одинъ или нѣсколько выразительныхъ взглядовъ въ сторону продажи питей да проглатыванье слюны или сплевыванье ея. Та же сдержанность въ прямомъ поминѣ о выпивкѣ, названіи водки, замѣчается и тогда, когда потребность въ послѣдней совершенно назрѣла, когда разговоры не вяжутся. Тогда-то кто-нибудь изъ болѣе рѣшительныхъ дѣлаетъ безотносительный вопросъ: „ци-то ужý сходиць“? на что одинъ или нѣсколько опять же рѣшительныхъ голосовъ отвѣтятъ точно нехотя: „чаму ни сходúць! али тольки троху [19]) бяри!“ На понятномъ всѣмъ языкѣ это означаетъ, что очередной долженъ взять сразу только „кварту или повкварты“.

Хотя такимъ образомъ компанейцы дошли до настоящаго дѣла и хотя при этомъ нѣсколько оживился ихъ замиравшій-было разговоръ, въ послѣднемъ опять же не будетъ помина ни

о водкѣ, которая вотъ-вотъ явится, ни о предстоящей попойкѣ, которая вотъ вотъ начнется. Въ свою очередь, не будетъ помина и о прежнемъ „компаньству“, какъ-бы шумно ни было оно въ общемъ и какъ-бы неблагопріятно ни закончилось оно для отдѣльнаго компанейца. Къ такой сдержанности о прямомъ названіи предмета и производимаго имъ дѣйствія относятся всѣ иносказанія „питу́щихъ и пропойцевъ“, когда рѣчь идетъ о водкѣ и попойкѣ, какъ то́ можно видѣть изъ слѣдующихъ наиболѣе популярныхъ именъ напитка: „водица оржана́я (въ игривыхъ случаяхъ — водица святая), оржану́шка, свѣтлушка, веселушка, горку́шка, забарушка, посница, окаянница, горѣлица и др Разнообразію именъ соотвѣтствуетъ еще бо̀льшее разнообразіе положеній, въ которомъ вольно, или подневольно очутился „питу́щій“ и которыми онъ прикрываетъ попоечное поведеніе лично передъ собою и передъ другими. Чаще всего говорятъ: а) „забиць, зарѣзаць, задусиць, загрызь, заѣсь, перекусиць, шлепнуць, хопи́ць, заколупи́ць му́ху, му́шину“—выпить водки больше, чѣмъ переноситъ натура; б) „заломиць мидвѣдя, мидвѣдьку“ — выпить водки еще больше, хотя и не до потери самообладанія; в) „сизо̀ (въ головѣ) [20]) — слишкомъ пьяно“; г) „якъ зю́зя, якъ зю́зька назю́зився“ — напился до потери слова, до неподвижности; д) „съ копы́лля доловъ“ — свалиться съ ногъ, не держаться и въ сидячемъ положеніи; е) такъ же понимается и другое выраженіе — „хопиць празъ (чрезъ) край“; ж) „залиць, запусциць у шулумейку“ [21])—при случаѣ выпить до потери сознанія; з) то же значеніе, хотя и въ укоризненномъ смыслѣ имѣетъ фраза—„зали́ць воки“; и) „звониць ке́лишками“—пьянствовать весьма часто; і) „кла́ницца шкляно̀му богу“—непрестанно пить; к) „горло промочиць, сполоснуць“—выпить рюмку—двѣ водки; л) „на отчепно́я, отчапицца“, или „на бло́хи“—выпить послѣднюю на прощанье рюмку, а во второмъ случаѣ—выпить послѣднюю передъ сномъ рюмку, какъ у нѣкоторыхъ „запойцъ“; м) „зубы сполоснуць“—опохмелиться; н) „ши́ло куць“—сдѣлать то же въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста, который посему и называется „шильнымъ, шиловатымъ понедѣлкомъ“. Соотвѣтственныя иносказанія о попойкѣ проглядываютъ и въ словахъ: „дернуть, дербалызнуть, свиснуть, хопить, лизнуть“ и проч. Что все это значитъ? Къ чему прикрывать подлинное имя напитка, или то

состояніе, въ которомъ очутился „питущій“? Отвѣтомъ на это можетъ служить повсюдное повѣрье о сатанинскомъ происхожденіи водки, съ одной стороны, а съ другой—особенная совѣстливость передъ собой и сторонними за пользованіе сатанинскимъ напиткомъ. Изъ практики видно, что на многочисленныя укоризны и передразниванья хмельной отвѣтитъ снисходительною улыбкою, согласіемъ, шуткою; но онъ тотчасъ же озлится за укоризну въ пьянствѣ, за передразниванье хмельныхъ его движеній, порицаніе его дѣйствій. Въ то-же время трудно не нажить врага въ завѣдомомъ „пропойцѣ“, когда его назвали въ лицо или заочно подлиннымъ именемъ: онъ и трезвый не забываетъ обидчика, какъ не забываетъ оправдательныхъ мотивовъ „пропойства“ и связаннаго съ этимъ личнаго поведенія. Къ похвальной чертѣ этого дѣла слѣдуетъ отнести, что такой обиженный никогда не укоритъ въ пьянствѣ подобнаго себѣ, а скорѣе готовъ защитить его, оправдать, какъ онъ оправдываетъ себя передъ собственною совѣстью.

Наиболѣе жадные потребители водки, не смотря даже на спѣшность дѣла, не пьютъ ея непосредственно изъ бутылки, или другой посудины (гляка, боченка, кувшина), въ коей она доставлена, а обязательно пользуются такою или иною дробною питейною мѣрою. Послѣдняя опять же извѣстна подъ иносказательными именами „аршина, аршинка, кійка, попирашки, попихашки [22]), кручка“ и проч., и, какъ упомянуто раньше, въ среднемъ равняется половинѣ „сотки“. Нѣкоторое изъятіе представляетъ гостиная и толочная въ домѣ попойка: для удобства и ускоренія, здѣсь водка наливается въ миску, откуда вычерпывается нѣсколько большею мѣркою.

Тогда же, т. е. при домашней попойкѣ, практикуется „узáпорное“ питье водки—выпиваются двѣ или три рюмки ея сряду; при остальныхъ попойкахъ компанейцы, довольствуются одною рюмкою поочереди. Въ томъ и другомъ случаѣ на наливъ водки и питейную мѣрку зорко смотритъ лишь завѣдующій разливомъ, тогда-какъ взоры компанейцевъ бродятъ вокругъ и около, но не останавливаются надолго на предметѣ питья. То-же замѣчается и тогда, когда рюмка поступила въ руки очередного компанейца, и, если при осѣненіи крестомъ первой рюмки (это осѣненіе дѣлается иногда мизинцемъ правой руки непосредствен-

но по поверхности водки) готовящійся выпить взглянетъ на рюмку и водку, такъ это будетъ спѣшный, торопливый взглядъ, немедленно отходящій прочь.

Изъ многообразныхъ пріемовъ питья водки повсюднымъ приходится считать питье ея со „смакóвкой“, при которой пьющій потребляетъ водку по-голубиному (непрерывная тонкою струей тяга), при чемъ голова пьющаго методично, но медленно закидывается назадъ, до тѣхъ поръ, пока питейная мѣрка не очутится въ перевернутомъ положеніи. Тутъ, конечно, изъ послѣдней вытекаетъ и остальная капелька, погоню за которою пьющій шутливо объясняетъ тѣмъ, что „пьяницу и капелька дорога“... Вторымъ дополнительнымъ пріемомъ питья водки служитъ морщенье лица, не смотря на „пріобыклость“ и слабость напитка, а финальнымъ дополненіемъ — повыпивочный крякъ... Ко всему этому остается прибавить, что компанейцы не тяготятся медлительностью товарища, не понукаютъ къ скорѣйшему питью и слабо слѣдятъ за его движеніями.

По традиціонному обычаю, питейная мѣра принимается тою именно рукою, какою она предложена распорядителемъ, чтобы разрушить худые замыслы и пожеланія компанейца, и тою же рукою отдается обратно, или ставится на столъ, при чемъ она относится какъ-то дальше предѣльнаго разстоянія, при поворотѣ головы въ сторону.

„Питýщіи“ компанейцы внѣ дома и семьи пьютъ всѣ и равномѣрно, такъ-что отстатки водки, недостаточные для полной мѣрки на каждаго участника, дѣлятся по половинѣ, трети, даже четверти этой мѣрки, — зачѣмъ строго наблюдаетъ распорядитель. При гостиной и вообще домашней попойкѣ это нѣсколько обособляется: такъ, если между собравшимися есть „непитýщій“, онъ все-таки обязанъ принять „честь“, т. е. очередную рюмку, и хотя „пригýбитъ“ ее; никто не осудитъ такого компанейца, когда свою порцію онъ передаетъ любимому лицу, какъ это дѣлаютъ жены по отношенію къ мужьямъ, дѣти—къ родителямъ. Эти послѣдніе потребляютъ „подарунковую“ порцію не въ счетъ очередной собственной. Тутъ имѣютъ мѣсто хозяйскія упрашиванья и „примýсы“, и чѣмъ чаще и настойчивѣе они, тѣмъ удачнѣе можно считать гостиное времяпрепровожденіе, тѣмъ бóльшимъ сердечнымъ поминомъ отзовутся о немъ гости. При

упоминаемой компанейской попойкѣ подобнаго упрашиванья и „примуса“ нѣтъ: всѣ пьютъ свободно и равномѣрно.

Тамъ и здѣсь первая рюмка выпивается по предварительномъ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ; при послѣдующихъ же начинаются причеты, прибаутки, припѣванья, или шуточныя движенія съ опорожненною мѣркою, въ родѣ—поцѣлуя въ дно, въ стѣнку ея, или опрокидыванья на темя, всплеска ничтожныхъ капель вверхъ [23]) и проч. Шутки-прибаутки слѣдуютъ, однако, въ тотъ моментъ, когда полная мѣрка покоится въ рукѣ очередного; закончивъ ихъ, компанеецъ обращается въ сторону очередного и произноситъ: „будь здоровинникъ, братокъ, сватокъ, дядька![24] (смотря по родственному, или житейскому соотношенію)—„будьтя здоровиньки уси!“ или—„зы здоровійка вашія!..“ На что привѣтствуемый, да и всѣ компанейцы отвѣчаютъ: „пи ны здоровійка! споживай ны живóцційка!“ [24]) а при игривомъ расположеніи кто-нибудь скажетъ: „сахырцымъ у душу, мылоточкомъ — у голову“! или: „дай жа, Божа, и на лѣто самоя ето!..“—Покуль лѣта поджидаць, лѣпи циперь спыживаць! тоды тоя й будиць,—промолвитъ иной. Съ этого и подобнаго „привитання“ и развивается послѣдующая игривая бесѣда бражниковъ. Не смотря на много разъ прослышанный причетъ, онъ непремѣнно будетъ кѣмъ-нибудь повторенъ и вызоветъ дружный взрывъ хохота особенно, когда произносящій обладаетъ кое-какой игривой жестикуляціей:

Горѣлычка, откуля ты?
Изъ жита!
А явъ цибе зовуць?
Микита!

А дѣ пачпортъ, покажи!
Нима!
„Нима?! Вотъ табѣ пурьма!...“

Причетчикъ опоражниваетъ налитую мѣрку, а пока улегается хохотъ, у новаго очередного балагура назрѣла новая на сей разъ, но многократно прослушанная прежде шутка – прибаутка.

Такъ, чередуя «погонялку за погонялкой», [25]) подслащая компанейскую попойку причетами да прибаутками, бражники-компанейцы доходятъ до хоровыхъ припѣвовъ и часто нестройными, зато сердечными голосами поютъ:

„Чáрычка моя, сарéбриныя,
Ны зылотэй блюди пыставлиныя!..
Кому чару пиць, тому здраву быць!..
Пиць чару (такому-то: имя и отчество чередного)
На многія – многія лѣты“!..

Этотъ пѣсенный привѣтъ будетъ повторенъ надъ налитою рюмкою [26]) каждаго компанейца, который обыкновенно съ умиленіемъ, но сосредоточенно выслушиваетъ привѣтъ и съ умиленіемъ-же произноситъ потомъ привѣтное — „за здоровійка вашія!“

По мѣрѣ того, какъ попойка приводитъ компанейцевъ все къ большему оживленію, начинаютъ разнообразиться и припѣвы, то одиночные, то хоровые; послѣдніе, однако, какъ-то нестройны и рѣдко доходятъ до конца, иные же обрываются при самомъ началѣ, благодаря быстрой смѣнѣ впечатлѣній, неожиданному спросу сосѣда, а нерѣдко—измѣнѣ памяти и непослушливости языка. Какъ и во всѣхъ положеніяхъ, припѣвы спеціализируются, и бражники поютъ только то, что́ имѣетъ отношеніе къ водкѣ и попойкѣ, или гдѣ упоминается о той и другой. Среди множества такихъ припѣвовъ обязательно пропоются кѣмъ-нибудь:

„По́йдимъ, бра́дцы, ў кабачокъ—
Вы́пимъ водочки кручокъ...
Пили бацьки, пили ді́ды—
И мы ўступимъ ўтыи сляды...
Ми́нка за ўгломъ козлы дрець, [27])
А Восёпка посымъ зямлю (о)рець...
Якъ усха́питца-жъ Прокопъ—
По морда́сымъ усихъ хропъ!...“

Послѣднее напоминаніе припѣва обыкновенно нѣсколько отрезвляетъ компанейцевъ, которые не только сердцемъ, но и устами готовы сказать: „да за якую-жъ прови́нку, братокъ? Нихай, Богъ, крыиць-ратўиць [28]) одъ етыго!..“ И какъ бы въ опроверженіе пѣсенныхъ словъ компанейцы начинаютъ то парное, то коллективное цѣлованіе, забывая или лучше—не замѣчая часто слюнявыхъ, а иногда—замаранныхъ рвотою устъ товарища... Здѣсь сбывается народное убѣжденіе. «игроки (всѣхъ видовъ, картежные—преимущественно) непремѣнно перессорятся, передерутся, тогда какъ питущіи компанейцы перецѣлуются»...

Если въ средѣ компанейцевъ нашлись бывальцы, грамотники, они не замедлятъ щегольнуть нѣсколькими печатными стихами бражной пѣсни, въ родѣ — «Быстры, какъ волны... Налей же, товарищъ, заздравную чару!..» Въ особенности часто приплетается здѣсь подхваченная на задворкахъ полу-панская, по-

лу-шляхетская пѣсня, переложенная ради удобства «на свой копылъ»:

„Ны ка́мишку сида́въ—сида́въ,
Горѣлычку лыка́въ—лыка́въ...
Горѣлычка подсмолёна,
Ляци́ ў горло, якъ шалёна!..
Разбилыся бутэличка—
Разлилыся горѣлычка...
Ни жаль-жа тэй бутэлички,
А жаль-жа тэй горѣлычки"...

(Послѣ каждаго двустишія слѣдуетъ припѣвъ: „трамъ-рамъ-рамъ-рамъ", обыкновенно повторяющійся два раза).

Такъ, перемѣшивая то дѣльные, то пустячные разговоры съ причетами, шутками, припѣвами, поцѣлуями и горячими объятіями, компанейцы длятъ свое времяпрепровожденіе, бражничаютъ на собственное удовольствіе, на зависть своимъ ненавистникамъ, пока, наконецъ, не дойдетъ до предѣльнаго наслажденія, пока ноги не станутъ измѣнять тѣлу, а языкъ—головѣ и сердцу. Въ этой послѣдней зрѣлости идетъ уже не разговоръ, не пѣнье, а «буру́здъ» [29]) съ вялыми тѣлодвиженіями и мутными взглядами. Благодаря косности языка, препятствующей выговаривать длинное привѣтствіе—«будь здоровинникъ, братокъ, сватокъ!»—созрѣвшіе компанейцы отдѣлываются болѣе доступнымъ привѣтомъ и отвѣтомъ—«дай же, Божа!»—и въ семъ сердечномъ пожеланьи содержится все, чего хотятъ другъ другу стороны, но чего онѣ не въ состояніи вымолвить... Послѣ сего уже остается одно—разыскивать свои дома и семьи. Болѣе крѣпкіе помогаютъ слабымъ дойти до дому, или пріютиться въ надежномъ мѣстѣ; но сихъ послѣднихъ подстерегаютъ и семьяне: если бражника нельзя увести, такъ его увозятъ на подосланной лошади—и на мѣстѣ попойки останется до просыпленія развѣ тотъ, о которомъ некому позаботиться.

Съ чѣмъ бы ни застало вчерашняго бражника-компанейца утреннее просыпленіе, онъ не опоздаетъ къ очередному рабочему дѣлу, и, чѣмъ грузнѣе былъ онъ вчера, чѣмъ менѣе помнитъ обстановку бражничанья, тѣмъ усерднѣе будетъ его работа, тѣмъ молчаливѣе и уступчивѣе будетъ онъ при домашнемъ (родительскомъ и женіномъ) попрекѣ. Усиленнымъ трудомъ, молчаливымъ спускомъ вчерашній бражникъ, очевидно, подавляетъ упреки собственной совѣсти и заглушаетъ опасенія за возможное, но не удержанное памятью «пьянственное безобразіе».

«Пропо́йцы» суть тѣ немногочисленные деревенскіе алкоголики, у которыхъ одна торная дорога—къ корчмѣ, одна неустанная забота—выпивка. Эти несчастные не имѣтъ компанейцевъ: помянутые выше «питущіи» чуждаются ихъ такъ же, какъ сами они чуждаются подобныхъ себѣ, и не только на почвѣ бражничанья, но и во всѣхъ родахъ дѣятельности. Точно роковая печать наложена на такихъ отбросках среды: въ церкви, общественномъ сборищѣ, въ толпѣ они узнаются и по внѣшнему виду и по той приниженности, которая заставляетъ ихъ держаться особнякомъ. Въ своихъ обращеніяхъ они всегда заискиваютъ; въ то же время и крѣпко «питущій» человѣкъ держится съ «пропойцею» надменно, даритъ короткимъ обращеніемъ и отстраняется отъ дѣловой, продолжительной бесѣды съ нимъ.

Что встрѣчаетъ „пропойца“ среди чужихъ, то-же съ присоединеніемъ слезъ, укоризнъ и брани видитъ онъ и дома, гдѣ ему предстоитъ быть „чужимъ среди своихъ“. Такъ, прежде всего, сознавая въ минуты душевнаго отрезвленія всю глубину зла, онъ спѣшитъ угодливостью не только прикрыть поведеніе „пропо́йцы“, но и предупредить малѣйшую укоризну своихъ присныхъ, которая при такомъ положеніи является чѣмъ-то въ родѣ воткнутаго въ рану ножа, чтобы вередить послѣднюю. Вчерашній храбрецъ, житейскій пѣтухъ на всѣ лады, онъ сегодня, „якъ проспи́тца, дыкъ свинні боитца“. Благо ему, если домашніе, или одинъ изъ нихъ пойметъ душу „пропойцы“, не укоритъ его, а слова и рѣчи будетъ направлять далеко въ сторону отъ водки и „пропойства“: послѣдовательною въ семъ случаѣ ласкою, умолчаніемъ о винѣ могутъ быть достигнуты благодѣтельныя послѣдствія. Но это такъ трудно, какъ трудно бываетъ унять языкъ ворчливой, деревенской бабы (жены, матери, свекрови, тещи), какъ трудно не видѣть хозяйственнаго разоренія, неустанной нужды, растущаго обѣднѣнія. Чтобы уйти отъ нихъ, „пропойца“, подхвативъ что́ попало подъ руку, часто со спѣшной безотложной работы прямыми и окольными путями уходитъ къ единственному мѣсту привѣта, гдѣ пришельцу рады, гдѣ не сдѣлаютъ укора, а скорѣе—привѣтятъ, потому что, по пословицѣ, „шинка́ръ дужа пьяницу любиць (али дочки замужъ за ёго ня ддаёць)“ ..

Семейная, родственная и сторонняя помощь, въ видѣ потайныхъ знахарскихъ средствъ, иногда выручаетъ „пропойцу“ и семью: выдержавъ предложенное тайкомъ средство, „сбрыдившіси“ окончательно водкой да перенеся соединенныя съ симъ часто весьма тяжкія органическія страданія, „пропойца“ становится на истинный путь и доживаетъ вѣкъ, какъ должно—въ чести, въ семейной и житейской пріязни. Но эти-же потайныя мѣры или навсегда надрываютъ здоровье и душевный складъ „пропойцы“, или скорѣе приводятъ его къ послѣднему концу... „Пропойца“ одинокій, безсемейный стоитъ внѣ подобныхъ мѣръ исправленія, внѣ стороннихъ заботъ о немъ, живетъ и дѣйствуетъ по собственной волѣ и волѣ обстоятельствъ, и его „пропойная жизнь“ длится до замороженія въ какомъ-нибудь „сумёту“, водной проруби, болотной трясинѣ,—до того печальнаго исхода, когда „чертики“ подставятъ петлю, предложатъ ножъ, или когда отравленный въ конецъ организмъ повѣдаетъ извѣстную „стопъ-машину“... „Чураясь пропойцы“ во время его скорбной жизни, тыча въ нее пальцемъ, какъ въ „жизнь не отъ міра сего“, окрестное населеніе радо своему спасенію отъ безпутника, въ той-же мѣрѣ, какъ ему приходится скорбѣть по поводу послѣдняго земного пріюта „пропойцы“: вѣря, что заботливые чертики, приведшіе свою жертву къ могилѣ, не оставятъ ея и здѣсь въ покоѣ, живые родственники тяготятся погребеніемъ „пропойцы“ на общественномъ кладбищѣ, а тѣмъ болѣе—рядомъ съ какою-нибудь родственною могилою; практиковавшееся раньше погребеніе самоубійцъ и такихъ безпутниковъ за кладбищенскою чертою, или просто—на пустыряхъ, вліяло успокоительно на окрестное населеніе, которое сторонилось отъ такой могилы даже и въ лицѣ родственниковъ, кои (немногіе) пробирались къ ней тайкомъ, въ одиночку.

Отъ „пропойцевъ“ значительно отличаются „запойцы“ — періодическіе алкоголики, про которыхъ обыкновенно говорятъ, что они „закуриваютъ“, а по поводу внезапныхъ исчезновеній ихъ—„чертъ насѣвъ, дъябылъ ухапивъ“. Эти несчастные не знаютъ времени своего припадка, который набѣгаетъ на нихъ среди привольной жизни такъ-же, какъ и въ самую страдную пору; только суетливыя движенія, меланхолическое состояніе, и какая-то неуспокоенность выдаютъ окружающимъ, что для „за-

«Пропо́йцы» суть тѣ немногочисленные деревенскіе алкоголики, у которыхъ одна торная дорога—къ корчмѣ, одна неустанная забота—выпивка. Эти несчастные не имѣютъ компанейцевъ: помянутые выше «питущіи» чуждаются ихъ такъ же, какъ сами они чуждаются подобныхъ себѣ, и не только на почвѣ бражничанья, но и во всѣхъ родахъ дѣятельности. Точно роковая печать наложена на такихъ отбросахъ среды: въ церкви, общественномъ сборищѣ, въ толпѣ они узнаются и по внѣшнему виду и по той приниженности, которая заставляетъ ихъ держаться особнякомъ. Въ своихъ обращеніяхъ они всегда заискиваютъ; въ то же время и крѣпко «питущій» человѣкъ держится съ «пропойцею» надменно, даритъ короткимъ обращеніемъ и отстраняется отъ дѣловой, продолжительной бесѣды съ нимъ.

Что встрѣчаетъ „пропойца“ среди чужихъ, то-же съ присоединеніемъ слезъ, укоризнъ и брани видитъ онъ и дома, гдѣ ему предстоитъ быть „чужимъ среди своихъ“. Такъ, прежде всего, сознавая въ минуты душевнаго отрезвленія всю глубину зла, онъ спѣшитъ угодливостью не только прикрыть поведеніе „пропо́йцы“, но и предупредить малѣйшую укоризну своихъ присныхъ, которая при такомъ положеніи является чѣмъ-то въ родѣ воткнутаго въ рану ножа, чтобы вередить послѣднюю. Вчерашній храбрецъ, житейскій пѣтухъ на всѣ лады, онъ сегодня, „якъ проспи́тца, дыкъ свинни́ боитца“. Благо ему, если домашніе, или одинъ изъ нихъ пойметъ душу „пропойцы“, не укоритъ его, а слова и рѣчи будетъ направлять далеко въ сторону отъ водки и „пропойства“: послѣдовательною въ семъ случаѣ ласкою, умолчаніемъ о винѣ могутъ быть достигнуты благодѣтельныя послѣдствія. Но это такъ трудно, какъ трудно бываетъ унять языкъ ворчливой, деревенской бабы (жены, матери, свекрови, тещи), какъ трудно не видѣть хозяйственнаго разоренія, неустанной нужды, растущаго обѣднѣнія. Чтобы уйти отъ нихъ, „пропойца“, подхвативъ что́ попало подъ руку, часто со спѣшной безотложной работы прямыми и окольными путями уходитъ къ единственному мѣсту привѣта, гдѣ пришельцу рады, гдѣ не сдѣлаютъ укора, а скорѣе—привѣтятъ, потому что, по пословицѣ, „шинка́ръ дужа пьяницу любиць (али дочки замужъ за ёго ня ддаецъ)“ ..

Семейная, родственная и сторонняя помощь, въ видѣ потайныхъ знахарскихъ средствъ, иногда выручаетъ „пропойцу“ и семью: выдержавъ предложенное тайкомъ средство, „сбрыдивши-си“ окончательно водкой да перенеся соединенныя съ симъ часто весьма тяжкія органическія страданія, „пропойца“ становится на истинный путь и доживаетъ вѣкъ, какъ должно—въ чести, въ семейной и житейской пріязни. Но эти-же потайныя мѣры или навсегда надрываютъ здоровье и душевный складъ „пропойцы“, или скорѣе приводятъ его къ послѣднему концу... „Пропойца“ одинокій, безсемейный стоитъ внѣ подобныхъ мѣръ исправленія, внѣ сторонникъ заботъ о немъ, живетъ и дѣйствуетъ по собственной волѣ и волѣ обстоятельствъ, и его „пропойная жизнь“ длится до замороженія въ какомъ-нибудь „сумёту“, водной проруби, болотной трясинѣ,—до того печальнаго исхода, когда „чертики“ подставятъ петлю, предложатъ ножъ, или когда отравленный въ конецъ организмъ повѣдаетъ извѣстную „стопъ-машину“... „Чураясь пропойцы“ во время его скорбной жизни, тыча въ нее пальцемъ, какъ въ „жизнь не отъ міра сего“, окрестное населеніе радо своему спасенію отъ безпутника, въ той-же мѣрѣ, какъ ему приходится скорбѣть по поводу послѣдняго земного пріюта „пропойцы“: вѣря, что заботливые чертики, приведшіе свою жертву къ могилѣ, не оставятъ ея и здѣсь въ покоѣ, живые родственники тяготятся погребеніемъ „пропойцы“ на общественномъ кладбищѣ, а тѣмъ болѣе—рядомъ съ какою-нибудь родственною могилою; практиковавшееся раньше погребеніе самоубійцъ и такихъ безпутниковъ за кладбищенскою чертою, или просто—на пустыряхъ, вліяло успокоительно на окрестное населеніе, которое сторонилось отъ такой могилы даже и въ лицѣ родственниковъ, кои (немногіе) пробирались къ ней тайкомъ, въ одиночку.

Отъ „пропойцевъ“ значительно отличаются „запойцы“ — періодическіе алкоголики, про которыхъ обыкновенно говорятъ, что они „закуриваютъ“, а по поводу внезапныхъ исчезновеній ихъ—„чертъ насѣвъ, дъябылъ ухапивъ“. Эти несчастные не знаютъ времени своего припадка, который набѣгаетъ на нихъ среди привольной жизни такъ-же, какъ и въ самую страдную пору; только суетливыя движенія, меланхолическое состояніе, и какая-то неуспокоенность выдаютъ окружающимъ, что для „за-

пойцы“ назрѣло время „закурить“, а черту — „ухапиць“,—что самимъ дѣломъ не замедлитъ оправдаться. Иногда-же толчкомъ къ сему служитъ начатое гдѣ-нибудь гощеніе, барышный перепой, гостиный пріемъ у себя: въ семъ случаѣ „запойца“ какъ-будто продолжаетъ гостиную и барышную попойку. Благодаря многимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, „запойцы“ нѣсколько симпатичнѣе „пропойцевъ“ уже потому, что ихъ сношеніе съ корчмой и водкою строго ограничивается срокомъ, послѣ котораго, до наступленія новаго припадка, многіе изъ нихъ не только не пьютъ водки, но не переносятъ запаха и вида ея. Въ то-же время почти всѣ они во время припадка являются какими-то питейными филантропами — потчуютъ знакомыхъ и незнакомыхъ, щедро расплачиваются съ „шинкарями“ и не менѣе щедро одѣляютъ набѣгающихъ сюда нищихъ. Сравнительно тощій карманъ „полячка“, его органическая захудалость и предусмотрительность домашнихъ создаютъ то, что „запойцы“-мужики встрѣчаются въ весьма ограниченномъ числѣ и на нихъ трудно прослѣдить типичныя особенности „запойцы“, кои во всей полной красѣ могутъ быть наблюдаемы у «москальковъ» [30]), довольно разбросанно живущихъ въ юго-восточной окраинѣ губерніи.

Трудно съ достовѣрностью сказать, почему здѣшніе «москальки» притянулись къ водкѣ, въ то время, когда собратья ихъ, живущіе въ западной части губерніи, особенно въ уѣздахъ Полоцкомъ, Городокскомъ, Дриссенскомъ, Люцинскомъ и Рѣжицкомъ, сторонятся не только водки, но и сугубо сторонятся «питущихъ». Но сектантское ли требованіе, изолированность-ли создаютъ здѣсь «запойцевъ» — послѣдніе существуютъ на самомъ дѣлѣ и, какъ наиболѣе выразительные, заслуживаютъ бытописательскаго упоминанія.

Когда назрѣла запойная пора, «москалёкъ» пріодѣвается по-праздничному (примѣнительно ко времени года) и уѣзжаетъ на сравнительно прибранной лошади въ какую-нибудь неблизкую корчму, гдѣ онъ не легко можетъ быть отысканъ домашними. Если она пришлась по вкусу «запойцы», послѣдній «закуриваетъ» здѣсь, нѣтъ—отправляется дальше, прихватывая по пути подходящихъ «запойцевъ—москальковъ» же. Разумѣется, корчемники всемѣрно стараются угодить гостю, лишь-бы тотъ не увезъ въ чужія руки того, что онъ предназначилъ на «запой-

ство». Привязавъ лошадь къ при-корчемнымъ надолбамъ, или помѣстивъ ее на корчемномъ «деннику [31]), запойца» начинаетъ питье и длить его по нѣскольку дней сряду, закусывая селедкой, баранками да калачами, до тѣхъ поръ, пока вмѣстѣ съ тѣлеснымъ отощаніемъ, не отощится его мошна. Нерѣдко случается, что «запойца» отдаетъ предварительно весь свой капиталъ корчмарю и, расходуя его по мѣрѣ надобности, отмѣчаетъ расходъ на корчемной стѣнкѣ угольком или мѣломъ. Когда деньги израсходованы, а «запойство» не доведено до конца „москалёкъ“ начинаетъ прозакладывать одежду и обувь, пока не останется въ одномъ бѣльѣ, при чемъ, безъ обоюднаго гнѣва и препирательства, корчмарь не отпуститъ на повѣръ даже наперстка водки... Если не выручитъ свой братъ „москалёкъ— запойца“, то несчастный, безплодно промаявшись въ корчмѣ, выпроситъ кое-какія лаптишки да негодную одеженку и въ такомъ срамномъ нарядѣ притащится домой, гдѣ предварительно выдержитъ домашнее очищеніе... [32]) На другой день „запойца“, какъ ни въ чемъ небывалый, съ усугубленною ревностью принимается за текущія дѣла

Домашніе очень хорошо знаютъ причину исчезновенія „запойцы“ и немедленно же выслѣдятъ запойный притонъ, при чемъ, прежде всего, заботятся объ угонѣ лошади домой, а если то возможно, такъ не преминутъ отнять за-лишнія деньги, прибрать верхнюю одежду и сапоги Въ свою очередь, они подоспѣютъ съ лошадью и одеждою тогда, когда „запойца прогулялся“ до бѣлья, чтобы доставить несчастнаго домой...

Такъ бываетъ не съ однимъ „запойцею-москалькомъ“, а съ десятками ихъ: купно и въ одиночку осаждаютъ они мѣстныя „Притыки, Разувайки, Хомутовки, Ерзовки, Ц(т)елешовки“ [32]) и проч. корчемныя становища. Скромный „запойца-полячёкъ“ сторонится тогда отъ этихъ становищъ, потому что ему не сойтись, не спиться съ „москалькомъ (—не съ своимъ братомъ)“, не выдержать запойнаго товарищества ни карманомъ, ни тѣлесною моготою, какъ не выдержать и причиняемаго буйными единицами корчемнаго разгрома, при которомъ сокрушаются иногда окна и двери, а скамьи и столъ превращаются въ щепки... [33]) Забредетъ „запойца - полячёкъ“ въ какую - нибудь захудалую корчемку и тутъ „потихусеньку-помаленичку“ проведетъ свой запойный припадокъ, и, какъ безшумно прибылъ онъ сюда,

точно также „потихусеньку“ проберется и домой... Эти послѣдніе „запойцы“ кончаютъ свое земное бытіе почти такъ же,какъ и „пропойцы“, хотя большинство изъ нихъ, особенно, послѣ сильнаго припадка, впадаетъ въ „смяретную хворобу“ и мирно „сощепляѣць руки въ отецкомъ доми, на отецкомъ ку́ци“...

Въ заключеніе очерка остается еще вспомнить о примѣтномъ типѣ „подкорчёмниковъ“, которыхъ правильнѣе назвать корчемными нищенками и которые приросли къ корчмѣ, какъ грязь къ полу. Входишь въ корчму—и «подкорчемникъ», грязный, оборванный, отощалый, выростаетъ, какъ изъ земли. Онъ не проситъ подаянія, подобно нищимъ, но не откажется принять его во всѣхъ видахъ и объемѣ, будь это даже селедочная головка и хвостикъ. Безмолвно, но неупустительно слѣдитъ онъ за корчемнымъ гостемъ, за его рукою, движущеюся отъ стола ко рту и обратно, и эту ловлю заурядныхъ движеній руки, рта и тѣла приходится чувствовать отъ начала до конца. Тутъ трудно бываетъ устоять отъ такой или иной подачки «подкорчемнику», тѣмъ болѣе, что онъ ежеминутно готовъ на услуги—поднимѣтъ и подастъ упавшій кусочекъ хлѣба, позоветъ корчмаря, прислугу, разскажетъ, что̀ дѣлается вокругъ и около. Но самымъ высшимъ и желаннымъ даромъ будетъ водка, которую онъ одинаково благодарно приметъ полную рюмку и недопивки. [34]) При большомъ сборѣ гостей, при разгулѣ ихъ «подкорчемникъ» напивается до-пьяна, особенно, когда мѣстные саврасы въ ударѣ и пользуются имъ, какъ мишенью для «жартовъ», какъ козломъ отпущенья. Между прочимъ, тутъ ему представляются не единичные случаи половить рыбки въ мутной водѣ: охмѣлѣвшій да зазѣвавшійся гуляка не замѣтитъ, какъ навычный «подкорчемникъ» опорожнитъ застоявшуюся рюмку, какъ онъ подберетъ Разсыпанные мѣдяки, или запуститъ руку въ карманъ за ними же .. Вся забота «подкорчемника» направлена существенно на снисканіе милости корчмаря, кто-бы сей послѣдній ни былъ: не пуститъ корчмарь въ корчму—и несчастный безъ крова и пищи. Въ виду сего „подкорчемникъ“ съ удвоеннымъ усердіемъ состоитъ даровою прислугою корчмаря и безмолвнымъ исполнителемъ его велѣній, будь они даже и преступны...[36])

Въ виду того, что и одному „подкорчемнику“ приходится съ трудомъ и впроголодь влачить свое жалкое существованіе, отдѣльная корчма можетъ ютить лишь одного такого нищенку. Впрочемъ, подобно всѣмъ профессіональнымъ нищимъ, сожительство двухъ „подкорчемниковъ“ является невозможнымъ, и свободный кандидатъ не станетъ искать пріюта тамъ, гдѣ уже есть свой, приросшій къ корчмѣ нищенка.

Настоящіе „старцы“ не забываютъ чернаго дня и, какъ извѣстно, въ ихъ „складищахъ и схóвахъ“ можно найти даже перегнившее добро. Ничего подобнаго нѣтъ у «подкорчемника»; все его—грязная, рваная свитка, растрепанная обувь и рваная же шапка—безсмѣнно на немъ, такъ-что, при крутой необходимости, у него не найдется ничего похожаго на «старецкую торбѣшку», чтобы пройтись по милостынькѣ,—чѣмъ обыкновенно кончаетъ «подкорчемникъ», когда истощатся силы, притупѣетъ ловкость, или безсердечный принципалъ вытолкнетъ изъ корчмы, изъ которой онъ не выходилъ на свѣтъ Божій иногда долгіе годы... [37])

Корчемные посѣтители, какъ и окрестное населеніе, смотрятъ на „подкорчемника“ далеко не съ тѣмъ привѣтомъ, съ какимъ иногда смотрятъ на нищаго, а скорѣе — презрительно. Если „старецъ“ находитъ мѣсто за столомъ деревлянина на поминкахъ, при посѣщеніи „милостивцевъ“, принимается даже въ „сбожжіи кумы“, то „подкорчемникъ“ не впускается на порогъ дома, съ нимъ нѣтъ ни совѣта, ни разговора, нѣтъ житейскаго общенія [38]). Это ускоряетъ переходъ „подкорчемника“ или на скамью подсудимыхъ, или, какъ упомянуто выше, скорѣе пригоняетъ къ нищенской сумѣ, торный путь съ которою достаточно извѣстенъ читателямъ моего перваго „очерка“.

Что въ настоящемъ бытописаніи сказано о „питущихъ, пропойцахъ, запойцахъ и подкорчемникахъ“, то одинаково относится и къ женщинамъ, хотя послѣднія рѣже встрѣчаются въ положеніи „пропойцъ“ и еще рѣже — въ положеніи „подкорчемницъ“, по крайней мѣрѣ, таковыя скорѣе могутъ быть приняты за наемныхъ пособницъ—работницъ, нянь. Въ то же время „подкорчемницы“ высматриваютъ нѣсколько чище мужчинъ-„подкорчемниковъ“,—что, однако, не прикрываетъ нравственной грязи, такъ тлетворно разметываемой ими на окрестное населеніе.

20 марта 1896 года.
Витебскъ.

Н. Я. Никифоровскій.

Примѣчанія.

1) Какъ извѣстно, „сливками отъ бѣшеной коровы“ называется ромъ или коньякъ въ чаѣ. Слѣдуетъ оговориться, что эти чайныя добавы не безъизвѣстны отдѣльнымъ крестьянамъ, хотя по дороговизнѣ доступны лишь немногимъ чаеційцамъ; остальные лакомки довольствуются вливомъ рюмки крѣпкой водки въ стаканъ чаю.

2) Бацьками принято называть отца и мать, безразлично, а также дѣда и бабку, какъ и всѣхъ престарѣлыхъ, но родственныхъ членовъ семьи.

3) Потребленіе водки слишкомъ юными дѣтьми и именно—путемъ вымаканья считается противуглистнымъ и противуцынготнымъ средствомъ. Отдѣльныя дѣти льнутъ къ такому потребленію водки, подобно тому, какъ кошка къ извѣстнымъ „валерьяновымъ каплямъ“.

4) Лягбс(ш)ій,—сравн. стен. отъ прил. легкой,—что противоположно слову „моцнѣй“—крѣпче.

5) Кѐлиши(е)къ, шка,—сущ.—названіе питейной рюмки, заимствованное съ польскаго названія посудины съ ножкою на стойкѣ.—На практикѣ въ пробномъ „кѐлишку“ (наперсточная рюмка) подается какая-то особенно спиртуозная жидкость, производящая указанное воздѣйствіе, хотя, на самомъ дѣлѣ, это—не спиртъ.

6) Брыдиць,—гл.—претить, не допускать по натурѣ.—Сущ.—брыды(о)сь, сци; прил.—брыдкій—имѣютъ то-же значеніе; всѣ-же эти слова часто употребляются въ брапномъ значеніи.

7) Кварта—обычное названіе питейной мѣры ($^1/_{20}$ ведра), которою отмѣряются и остальныя жидкости—пиво, квасъ, молоко; по ею-же мѣрится и сыпучіе предметы („кварта“ соли, крупы, гороху, орѣховъ и проч.). Соотвѣтственно сему большая питейная мѣра (она-же и для сыпучихъ тѣлъ) есть гарнецъ ($^1/_4$ ведра), или „гарчовка“.

8) Сюда принадлежатъ „мясныи запы(о)сты“, которыя предшествуютъ масляной недѣлѣ и которыя чествуются наравнѣ съ четырьми предпостными „заговинами“.

9) „Госцины“—гостиное празднество, сборище гостей; время и сроки въ геду для сихъ празднествъ (отъ Покрова до 14 ноябр. и Рождественскій мясоѣдъ). „Госцины вѣ́ды(о)мыи и писны(о)дѣваныи“—сборище считанныхъ и неожиданныхъ гостей.

10) На́щенецъ, нца и—на́ській, кого,—нашъ-братъ, свой человѣкъ, тотъ-же простолюдинъ.

11) Если только прибывающій въ домъ человѣкъ является здѣсь желаннымъ гостемъ, то первая просьба къ нему хозяевъ есть просьба „полягчицца“—раздѣться до рубашки, или нижняго балахона,—въ чемъ спѣшатъ помочь сами хозяева или возрастныя ихъ дѣти. Въ игривомъ настроеніи шапка, платокъ и поясъ прибывшаго запрятываются и даже замыкаются въ кубелъ, или сундукъ.

12) Морко́ваць,—ца,—гл.—скучать; бездѣйствовать въ ожиданіи.

13) Пря́жиць и сма́жиць,—гл., одинаково относящіеся къ жаренью чего-нибудь, различаются продолжительностью дѣйствія, причемъ первое быстрѣе второго и весьма часто совершается не въ печи, на углях, а на „загнѐту“, на мелкихъ лучиночкахъ („трѐски, трѐсочки“).

14) Горщокъ плувéць—кипитъ и выплываетъ кушанье изъ него.

15) Отчеппóя, ого,—сущ.—двѣ-три рюмки водки, выпиваемой при разставаньи, каковое дѣйствіе извѣстно подъ названіемъ „отчапицца"—отстать, отдѣлиться, не трогать.

16) Собственно „отудéньчиць" (польск.—дзенькы)—отблагодарить; здѣсь—отплатить взаимностью, „отдать хлѣбъ-соль за хлѣбъ-соль".

17) Покрывать пивнымъ лакомъ—во время бражничанья пить водку вперемежку съ пивомъ (баварскимъ, нынѣ—единственнымъ пивомъ), при чемъ отдѣльные потребители обыкновенно вливаютъ въ стаканъ пива рюмку водки...

18) Трóхи, трóху и трóшку,—нар. (отъ сущ. крошка)—слишкомъ мало, немножко—довольно условное, хотя и растяжимое понятіе.

19) Сизó—свѣтло-сине,—что, по однородному воздѣйствію, приравнивается къ угольному чаду, который даетъ тонкую угарную дымку въ комнатѣ.

20) Шулумейка,—сущ.—названіе головы лишь при попоечныхъ разговорахъ.

21) Здѣсь рюмка приравнивается къ тѣмъ помощникамъ стариковъ и недужныхъ, кои составляютъ „третью ногу".

22) Послѣднее, впрочемъ, дѣлается и по суевѣрнымъ побужденіямъ: допивающій чужіе недопитки можетъ узнать мысли и намѣренія того, кто не допилъ (повсем. по Вит. губ.).

23) Споживаць на живоццíйка—принять внутрь на поживу, укрѣпленіе здоровья, продленіе жизни—весьма рѣдкостное привѣтствіе при попойкѣ, одинъ разъ заслышанное мною въ дер. Загородиѣ, Витеб. уѣз.

24) При игривомъ расположеніи бражниковъ да при обычной сдержанности въ названіи питейныхъ предметовъ подлинными ихъ именами, „погонялкой" называется очередная рюмка водки, рѣже сама рюмка.

25) Въ давніе годы налитая рюмка (ковшикъ) подавалась съ ладони, которая, согласно пѣсенному упоминанію, изображала „вылотую блюду"...

26) Драць козлы—блевать, переносить рвоту.

27) Нехай Богъ крыиць-ратуиць—пусть Богъ сохранитъ, избавитъ,—обычная примолвка при желаніи отчуждаться отъ возможнаго, или грядущаго зла, несчастья; отрицаніе солидарности съ худыми помыслами.

28) Буруздъ,—сущ.—бредъ, нескладный говоръ, недоконченныя фразы и слова хмельного. Гл.—буруздиць—выражаетъ состояніе „буруза".

29) Полячокъ—обчное имя мѣстнаго мужика, какъ-то покровительственно произносимое сосѣдями-старообрядцами, кои сами себя, а вслѣдъ за ними и крестьяне, называютъ „москальками".

30) Денникъ,—сущ —площадь, ограниченная заднею стѣною хаты, хлѣвами и заборами, служащая для дневной стоянки и отдыха скота. Въ большинствѣ мѣстныхъ корчмъ „данникъ" есть навѣсное продолженіе корчемной избы, подъ одною крышею съ нею, сооружаемое лишь замѣтною кладкою тонкихъ бревенъ.

31) Какъ по собственному почину, такъ, въ особенности, по настоянію семейныхъ женщинъ, строгихъ охранительницъ старообрядчества, „оміряниншійся" подлежитъ очищенію—моется въ банѣ, окуривается ладономъ и творитъ многочисленныя „метанія" (поклоны), прежде-чѣмъ приступитъ къ пищѣ и работѣ.

32) Подлинныя имена корчемъ въ юго-вост. окраинѣ Вит. губ., изъ коихъ иныя существуютъ и по сей день.

33) Послѣднее встрѣчается слишкомъ рѣдко: весьма легко смотрящіе на чужую собственность, при данномъ положеніи „москальки", какъ-то особенно чтутъ послѣднюю, и практика не даетъ примѣровъ, когда „запойца" бралъбы водку насиліемъ.

34) Къ сему остается прибавить, что „подкорчемникъ" тщательно уберетъ столъ по уходѣ трапезующаго гостя и аппетитно съѣстъ огрызки и недоѣдки послѣдняго.

35) Въ еврейскихъ корчмахъ „подкорчемникъ“ даже отмѣряетъ водку въ шабашные дни, при чемъ, въ виду его неблагонадежности, хозяева стоятъ тутъ же безотлучно.

36) Кто посѣщалъ мѣстныя корчмы, содержимыя евреями, тѣ не откажутся припомнить атмосферной одури, причиняемой ночлежнымъ, примѣрно, пребываніемъ здѣсь. Но „подкорчемникъ“ настолько привыкаетъ къ мѣсту, что не разстается съ печкою или лавкою корчмы и въ лѣтніе дни. Благодаря сему, одежда и самъ онъ пропитывается специфическимъ запахомъ, которому не было подобнаго даже въ бывшихъ деревенскихъ богадѣльняхъ.

37) Всему этому помогаетъ видимое отчужденіе „подкорчемниковъ“ отъ церкви и христіанской жизни. Молятся-ли они и какъ молятся въ своемъ убѣжищѣ—на это отвѣтить трудно.

И. Я. П.

Изъ западно-европейской этнографической литературы.

IV *).

Соотношенія хозяйственныхъ формъ быта съ характеромъ семейно-родовыхъ отношеній.

E. Grosse: *Die Formen der Familie u. die Formen der Wirtschaft.* (*1896. 8°, стр. 245*).

R. Hildebrand: *Recht u Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. I* (*1896., 8°, стр. 189*).

Недавно вышелъ въ свѣтъ интересный трудъ (Die Formen d. Familie) г. Э. Гроссе, уже извѣстнаго въ этнографической литературѣ благодаря другой капитальной работѣ „*Die Anfänge der Kunst*“, съ содержаніемъ котораго читатели Этнографическаго Обозрѣнія уже знакомы (см Этн. Обозр. кн XXIV). Настоящая работа г. Гроссе заслуживаетъ не меньшаго вниманія.

Авторъ имѣетъ въ виду доказать, „что различныя формы семейнаго устройства соотвѣтствуютъ разнымъ формамъ хозяйственнаго быта, что характеръ каждой отдѣльной формы семьи въ существенныхъ чертахъ объясняется изъ характера формъ быта хозяйственнаго“. „Въ этой книгѣ, пишетъ авторъ нѣсколько далѣе, читатель не найдетъ исторіи развитія семьи: въ лучшемъ случаѣ—это только подготовительная для послѣдней работа“. Несмотря на это, какъ мы увидимъ ниже, г. Гроссе именно дѣлаетъ попытку обосновать исторію развитія семьи, хотя и на другихъ началахъ, чѣмъ это часто дѣлалось раньше. Попытка эта не нова: работы Штарке, Вестермарка, Гильдебранда и наконецъ самого г. Гроссе (въ введеніи къ кн. Die Anfänge d. Kunst) ставили себѣ задачей оттѣнить: 1) что развитіе семьи происходило не у всѣхъ народовъ одинаковымъ путемъ и 2) что въ исторіи этого развитія выдающимся, если не главнымъ факторомъ являются экономическія условія быта. Какъ указанные труды, такъ и имъ аналогичные, имѣли цѣлью между прочимъ подорвать довѣріе преимущественно къ работамъ Моргана и доказать, что выставленная послѣднимъ схема процесса развитія семьи не выдерживаетъ критики и уже во всякомъ случаѣ не должна быть распространяема на все че-

*) См. „Этногр. Обозр.“, кн. XXIV, XXVI и XXVII.

ловѣчество. Эти нападки на теорію Моргана могутъ показаться нѣсколько устарѣлыми: новѣйшія этнографическія изслѣдованія давно уже показали, *что* въ схемѣ, выставленной Морганомъ, должно быть откинуто, *что* слѣдуетъ принимать съ ограниченіями, такъ что въ настоящее время едва ли найдется этнографъ, который рѣшился бы построить исторію развитія семьи по схемѣ этого ученаго.

Но представители т. н. экономической теоріи развитія семьи нападаютъ на Моргана не столько оттого, что его взгляды на то или иное явленіе не выдерживаютъ критики благодаря свѣту, проливаемому новыми изслѣдованіями, сколько по причинѣ того, что самъ методъ (историко-сравнительный и методъ изученія переживаній), которымъ пользовались Морганъ и его многочисленные послѣдователи, не является на ихъ взглядъ соотвѣтствующимъ цѣли. Г. Гроссе прямо заявляетъ, что стремленіе открыть *исторію развитія* семьи слѣдуетъ признать преждевременнымъ, скептически относится къ методу изслѣдованія и склоненъ считать предшествующія работы въ этомъ направленіи ошибкой, происшедшей вслѣдствіе увлеченія эволюціоннымъ методомъ, господствующимъ во всѣхъ какъ естественныхъ, такъ и общественныхъ наукахъ. По его мнѣнію, въ настоящее время возможна работа только въ двухъ направленіяхъ: 1) подготовлять новый матеріалъ и 2) провѣрять старый. Вслѣдствіе этого г. Гроссе ограничиваетъ свое изслѣдованіе изученіемъ отдѣльныхъ главныхъ типовъ родственныхъ союзовъ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ встрѣчаемъ другъ подлѣ друга въ исторіи и въ народовѣдѣніи; „въ этомъ ограниченіи фактически данными формами заключается своеобразная черта работы... Наша задача, пишетъ авторъ, изучать состояніе формъ, задача прежнихъ изслѣдователей — заключалась въ обоснованіи процесса развитія ихъ“. Это и необходимо имѣть въ виду при обзорѣ новаго труда г. Гроссе.

Мы не будемъ пока касаться указаннаго взгляда автора и посмотримъ, насколько онъ справился съ своей задачей и къ какимъ выводамъ привело его изученіе типовъ родственныхъ организацій. Для этихъ послѣднихъ г. Гроссе прежде всего старается установить точную терминологію, которая, по его словамъ, обыкновенно страдаетъ отсутствіемъ точности и опредѣленности, что вредно отражается на работахъ изслѣдователей: онъ послѣдовательно опредѣляетъ индивидуальную семью (*Sonderfamilie*), большую семью (*Grossfamilie*), родъ (*Sippe*), который можетъ быть отцовскимъ или материнскимъ, причемъ материнскій родъ слѣдуетъ отличать отъ матріархата, такъ какъ съ понятіемъ о послѣднемъ соединяется представленіе о главенствѣ женщины, что на самомъ дѣлѣ въ материнскомъ родѣ чаще всего не встрѣчается, и, наконецъ, переходитъ къ опредѣленію понятія о племени. Индивидуальную

семью, или по установившейся въ Россіи терминологіи — малую семью, авторъ опредѣляетъ какъ „сообщество живущихъ въ длительномъ и исключительномъ брачномъ союзѣ родителей и дѣтей“, и эту форму семьи авторъ считаетъ существующей у всѣхъ народностей. Остальныя опредѣленія не представляютъ собой ничего новаго и давно уже установились въ научной терминологіи. Что-же касается до опредѣленія индивидуальной семьи, то, по взгляду автора, не существуетъ различія между случайнымъ длительнымъ союзомъ лицъ разнаго пола у австралійцевъ или минкопи и индивидуальной семьей хотя-бы современныхъ западныхъ народовъ, хотя въ одномъ случаѣ союзъ родителей не имѣетъ никакихъ юридическихъ послѣдствій, а въ другомъ, наоборотъ, приводитъ къ юридическимъ отношеніямъ членовъ семьи. Подобный взглядъ едва-ли возможно признать правильнымъ, такъ какъ къ выдѣленію всѣхъ союзовъ лицъ разнаго пола въ одну группу, приняты во вниманіе не *всѣ* признаки, а лишь одинъ, притомъ внѣшній. Это тѣмъ болѣе странно, что г. Гроссе самъ заявляетъ, „что для того, чтобы понять извѣстный видъ семейнаго устройства въ его сущности и значеніи, слѣдуетъ изучать его въ его естественной связи съ окружающей его общей культурой народа“. Авторъ укоряетъ прежнихъ изслѣдователей въ несоблюденіи этого правила: „даже въ новѣйшихъ работахъ, пишетъ онъ, различныя формы семьи обсуждаются и приводятся въ систему безъ обращенія вниманія на степень культуры“. Но самъ-же авторъ грѣшитъ противъ выставленнаго имъ правила: напр., говоря, что однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ установленія семьи являются экономическія соображенія, — онъ приводитъ въ качествѣ примѣровъ одновременно австралійцевъ, дикарей Колумбіи, туркменъ, древнихъ грековъ и китайцевъ; указывая далѣе, что стремленія продолжить свой родъ оказываются главной цѣлью брака, онъ иллюстрируетъ его примѣрами изъ взглядовъ древнихъ атцековъ, современныхъ китайцевъ, законодательства Ману, древнихъ грековъ и римлянъ, южныхъ славянъ и постановленій современнаго германскаго законодательства. Эту непослѣдовательность необходимо имѣть также въ виду при оцѣнкѣ труда г. Гроссе.

Далѣе, сгруппировавъ народности по формамъ хозяйственнаго быта и раздѣливъ ихъ на низшихъ и высшихъ охотниковъ, скотоводовъ и низшихъ и высшихъ земледѣльцевъ, оттѣнивъ наконецъ, что приведенныя группы отнюдь не указываютъ преемственныхъ формъ экономическаго развитія человѣчества, авторъ приступаетъ къ изложенію типа семьи среди низшихъ охотничьихъ племенъ.

Къ этой группѣ онъ относитъ: бушменовъ и карликовыя племена Африки, веддовъ Цейлона, минкопи Андаманскихъ

острововъ, кубу на Суматрѣ, аэта на Филиппинскихъ островахъ, австралійцевъ, огнеземельцевъ, лѣсныхъ дикарей Бразиліи, охотниковъ Центральной Калифорніи и, наконецъ, эскимосовъ и алеутовъ. Небольшая группа указанныхъ народностей подобрана г. Гроссе однако не вполнѣ удачно. Сопоставлять, напр., эскимосовъ съ австралійцами при изученіи формъ семейнаго устройства только отъ того, что тѣ и другіе занимаются охотой, противорѣчитъ одному изъ основныхъ положеній г. Гроссе, по которому народность должна быть изучаема среди общей обстановки достигнутой ею культуры. Эта непослѣдовательность объясняется тѣмъ, что авторъ, принявъ за основаніе классификаціи хозяйственный бытъ племени, увлекается своей классификаціей и такимъ образомъ сопоставляетъ австралійцевъ, едва развившихъ примитивныя общественныя нормы, съ эскимосами, выработавшими родовой строй. Далѣе, соединяя австралійцевъ въ одну группу, г. Гроссе упускаетъ изъ виду, что австралійскія народности не представляютъ однородной массы, что между ними можно отличить нѣсколько типовъ въ семейно-общественномъ отношеніи. Наконецъ, и дикари Бразиліи не могутъ считаться, даже съ точки зрѣнія классификаціи по хозяйственному быту, одной группой, такъ какъ часть этихъ народовъ практикуетъ уже земледѣліе, и охотничій бытъ далеко не является исключительнымъ источникомъ ихъ благосостоянія.

Среди всѣхъ указанныхъ народностей г. Гроссе находитъ индивидуальную семью: онъ приводитъ доказательства на основаніи свѣдѣній новѣйшихъ источниковъ. Съ точки зрѣнія вышеприведеннаго опредѣленія семьи, сдѣланнаго авторомъ, онъ совершенно правъ: повсюду можно встрѣтить болѣе или менѣе длительное сожитіе одного мужчины съ одной женщиной. Въ этомъ онъ видитъ совершенно основательно самое сильное возраженіе противъ мнѣнія, признающаго существованіе нѣкогда среди человѣчества промискуитета, но совершенно ошибочно приписываетъ Спенсеру защиту этой теоріи: между типомъ стадіи безпорядочнаго сожительства Спенсера и промискуитетомъ нѣтъ ничего общаго; мало того, Спенсеръ въ своей знаменитой критикѣ „коммунальнаго брака“ Лёббока высказывается совершенно противъ существованія стадіи промискуитета.

Въ изложеніи свѣдѣній о продолжительности сожитія лицъ разныхъ половъ г. Гроссе не обнаруживаетъ должнаго безпристрастія: приводя, напр., сообщеніе Мап'а о супружеской вѣрности среди минкопи, авторъ игнорируетъ другія свидѣтельства, согласно которымъ супружескія связи у минкопи крайне не устойчивы, причемъ ограниченіемъ является запрещеніе супругамъ расходиться до окончанія кормленія ребенка. Г. Гроссе говоритъ въ началѣ своего изслѣдованія, что современной задачей этно-

графіи является между прочимъ провѣрка существующихъ данныхъ, поэтому мы были-бы вправѣ ожидать опроверженія данныхъ о слабости „семейныхъ“ узъ у минкопи; вмѣсто этого, однако, мы видимъ, что г. Гроссе, не критикуя источниковъ, беретъ изъ нихъ свѣдѣнія, которыя могутъ подтвердить его теорію, и игнорируетъ тѣ, которыя говорятъ противъ нея. Когда г. Гроссе сообщаетъ, что ведды Цейлона допускаютъ браки между братьями и сестрами, отцовъ съ дочерьми, когда мы узнаемъ изъ монографіи Кунова объ австралійцахъ, что среди нихъ есть территоріальныя группы, которыя не отдаютъ себѣ отчета въ родственныхъ связяхъ, соединяющихъ родителей и дѣтей, имѣемъ-ли мы право говорить о существованіи въ этихъ случаяхъ индивидуальной семьи? Если мы къ этому присоединимъ, что браки расторгаются часто, что устойчивость узъ, соединяющихъ двухъ лицъ разнаго пола, крайне слаба—мы придемъ къ заключенію, что мы имѣемъ передъ собой стадію болѣе или менѣе ясно выраженнаго безпорядочнаго полового сожительства, какъ ее понималъ Спенсеръ, и которую описалъ Куновъ среди нѣкоторыхъ племенъ австралійцевъ.

Авторъ въ этой-же главѣ весьма подробно останавливается на власти мужа по отношенію къ женѣ и отца въ отношеніи къ дѣтямъ. Факты проявленія физическаго превосходства мужчины надъ женщиной и дѣйствительнаго или фиктивнаго отца надъ малолѣтними дѣтьми среди низшихъ народностей, не доразвившихся хотя-бы до патріархальнаго рода и живущихъ или въ стадіи безпорядочнаго сожительства или материнскаго рода, не новы въ этнографической литературѣ. Едва-ли современному этнографу придетъ въ мысль рисовать идиллію свободнаго положенія женщины на низшихъ ступеняхъ культуры. Защитники экономической теоріи, къ числу которыхъ принадлежитъ и г. Гроссе, всегда съ особеннымъ удареніемъ говорятъ о незавидномъ положеніи женщины на низшихъ ступеняхъ культуры, какъ-бы желая этимъ опровергнуть существованіе на низшей стадіи развитія господства власти женщинъ. Но давно уже въ привилегированное положеніе женщины въ первобытномъ обществѣ никто не вѣритъ. Лёббокъ и Спенсеръ давно уже оттѣнили и иллюстрировали многочисленными примѣрами, какое зависимое и тяжелое положеніе женщина занимаетъ въ первобытномъ обществѣ.

Ошибка г. Гроссе, при рѣшеніи вопроса о первобытной формѣ семейно-общественной организаціи, состоитъ и въ томъ, что онъ разсматриваетъ индивидуальные союзы, которые онъ вслѣдъ за Штарке и др. называетъ семьей, совершенно изолированно, упуская изъ вида, что эти союзы составляютъ всегда только часть бо́льшей организаціи. Первобытная территоріальная группа покрываетъ собой отдѣльное хозяйство, основанное

на болѣе или менѣе продолжительномъ сожительствѣ мужчины и женщины. Отдѣльные индивиды тѣсно связаны съ группой и интересы этой послѣдней поглощаютъ интересы отдѣльныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого изученіе индивидуальнаго союза внѣ группы, игнорированіе этой послѣдней можетъ привести лишь къ одностороннему освѣщенію первобытныхъ отношеній. Между тѣмъ мы встрѣчаемъ именно эту черту въ работѣ г. Гроссе, въ той части ея по крайней мѣрѣ, которая посвящена описанію быта охотниковъ и низшихъ земледѣльцевъ.

Безусловно не соглашаясь съ авторомъ что индивидуальный союзъ, а не группу слѣдуетъ считать зародышемъ дальнѣйшаго развитія семейно-общественныхъ нормъ, мы не можемъ, однако, не отмѣтить слѣдующаго положительнаго и весьма существеннаго для этнографіи вывода, который авторомъ подчеркивается съ особенной силой: онъ рѣзко отличаетъ счетъ родства по материнской линіи отъ материнскаго рода. Мы не хотимъ сказать, чтобы г. Гроссе былъ первымъ, который обратилъ на это вниманіе; эта-же мысль высказывается, напр., Куновымъ и Брентано, но г. Гроссе съ особенной отчетливостью проводитъ это дѣленіе и обосновываетъ его солидными доказательствами. Въ то время, какъ счетъ родства по женской линіи встрѣчается на самыхъ низшихъ ступеняхъ культуры, представленія о материнскомъ родѣ могутъ возникнуть лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ цивилизаціи. Почему первоначально счетъ родства ведется только по женской линіи, объясняется авторомъ, какъ и большинствомъ изслѣдователей, бо́льшей наглядностью узъ, соединяющихъ ребенка съ матерью, чѣмъ связь ребенка съ отцомъ. Въ зависимости отъ условій жизни этотъ, почти всюду первоначальный, счетъ родства можетъ или замѣниться счетомъ родства по отцовской линіи или при благопріятныхъ обстоятельствахъ развиться въ материнскій родъ.

Причины развитія этого послѣдняго г. Гроссе ищетъ справедливо въ формѣ хозяйственнаго быта населенія. Роль женщины въ дѣлѣ перехода населенія отъ охотничьяго-рыболовческаго быта къ земледѣлію можетъ считаться доказанной; на низшихъ ступеняхъ развитія почти исключительно занимается земледѣліемъ только женское населеніе группы. По мѣрѣ вытѣсненія земледѣліемъ болѣе первобытныхъ источниковъ добыванія пищи, центръ хозяйственной жизни переходитъ къ женщинамъ, и это хозяйственное, выдающееся въ вопросѣ о добываніи пропитанія, положеніе женщины, оказывается наиболѣе сильнымъ факторомъ въ развитіи материнскаго рода. Мужчины обыкновенно равнодушны къ вопросу о происхожденіи дѣтей, тѣмъ болѣе, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ принадлежность дѣтей къ роду матери, даже тогда, когда мужъ переселяется въ родовую группу

жены, не ограничиваетъ фактической власти отца надъ дѣтьми и мужа надъ женой. Положеніе женщины въ отношеніи къ мужу и въ отношеніи къ группѣ родственниковъ—когнатовъ остается обыкновенно такимъ-же незавиднымъ и тяжелымъ, какъ и на примитивной стадіи развитія, при господствѣ территоріальныхъ группъ, въ составъ которыхъ входятъ тѣ индивидуальные союзы которые г. Гроссе называетъ семьей. Въ лучшемъ случаѣ хозяйственное значеніе женщины дѣлаетъ ее изъ рабыни сотрудницей мужа. Лишь стеченіе особенно благопріятныхъ условій (однако, всегда только мѣстныхъ) можетъ повести къ преобладанію матери въ семьѣ, въ ущербъ правамъ отца. Эти случаи матріархата, по справедливому мнѣнію автора, не могутъ быть признаны общими въ исторіи развитія человѣчества. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что это-же выдѣленіе матріархата въ явленіе исключительнаго порядка было сдѣлано еще Летурно, такъ что и въ этомъ выводѣ г. Гроссе наука пріобрѣтаетъ не столько фактъ новый, сколько фактъ уже извѣстный, но обставленный авторомъ интересными доказательствами, почерпнутыми въ значительной степени изъ новѣйшей литературы о бытѣ населенія Малайскаго архипелага.

Значеніе скотоводческо-пастушескаго хозяйства, какъ фактора, имѣвшаго весьма существенное значеніе на развитіе отцовскаго рода, было отмѣчено съ особенной силой Спенсеромъ. Новѣйшія работы по исторіи происхожденія семьи лишь подтверждаютъ и дополняютъ это положеніе. Г. Гроссе, конечно, не можетъ видѣть исключительный источникъ развитія агнатическаго рода въ пастушескомъ бытѣ. Современныя данныя этнографіи свидѣтельствуютъ, что агнатическій родъ могъ появиться и достигнуть извѣстнаго развитія и на другихъ, болѣе низкихъ ступеняхъ культуры, но въ наиболѣе характерномъ видѣ эта организація выступаетъ у пастушескихъ народовъ, у которыхъ она поддается и наиболѣе удобно наблюденію. Патріархатъ достигаетъ здѣсь своей высшей степени развитія; ни при одной формѣ семейно-общественной жизни положеніе женщины не является такимъ удрученнымъ, какъ у скотоводовъ-пастуховъ и это оттого, что женщина не играетъ почти никакой роли въ хозяйствѣ, такъ какъ уходъ за стадомъ составляетъ на низкихъ ступеняхъ культуры скорѣе право, чѣмъ обязанность мужчины, право, отъ котораго женщины, какъ недостойныя, устраняются. Если при господствѣ земледѣлія хозяйственный перевѣсъ женщины надъ мужчиной ограничиваетъ до извѣстной степени произволъ послѣдняго, то въ пастушеской группѣ этотъ произволъ, при хозяйственномъ преобладаніи мужчины, не встрѣчаетъ никакихъ препятствій. Авторъ прекрасно оттѣняетъ вліяніе экономическихъ условій на развитіе родовой организаціи, корень которой

онъ склоненъ видѣть, однако, въ религіозныхъ представленіяхъ. Но выводъ автора, что родовая организація развивается съ бо́льшей силой среди низшихъ земледѣльцевъ, чѣмъ среди пастуховъ-скотоводовъ, едва-ли можетъ быть признанъ основательнымъ. Съ точки зрѣнія хозяйственнаго единенія родовая группа выступаетъ нагляднѣе среди земледѣльцевъ, чѣмъ среди скотоводовъ: въ то время, какъ экономическія условія требуютъ отъ первобытнаго земледѣльца по возможности бо́льшаго единенія силъ и вслѣдствіе этого развиваютъ совмѣстную жизнь родственниковъ подъ одной кровлей съ общимъ хозяйствомъ,—кочевой пастушескій образъ жизни какъ бы содѣйствуетъ хозяйственному разъединенію представителей отдѣльныхъ родовъ. Но родовой строй сказывается не въ одномъ хозяйственномъ единеніи родственниковъ: нормы, выростающія на почвѣ родовой организаціи, проникаютъ всю и религіозную и общественную жизнь группы; солидарность родственниковъ можетъ сказываться въ цѣлой массѣ отношеній даже въ тѣхъ случаяхъ, когда родовая группа разбивается на меньшія въ поискахъ за пастбищами. Всѣ отношенія, характерныя для родового строя у низшихъ земледѣльцевъ, встрѣчаются съ неменьшею яркостью и среди кочевниковъ-пастуховъ: различіе заключается часто лишь въ способахъ эксплоатаціи земли, которая въ обоихъ случаяхъ принадлежитъ нераздѣльно родовой группѣ. Хозяйственное разъединеніе часто имѣетъ лишь временный характеръ: расходящіеся вслѣдствіе недостатка пастбищъ на лѣтнее время родственники сходятся зимой и проводятъ жизнь совмѣстно, и принципы хозяйственной общности группы находятъ себѣ полное проявленіе (напр : право на предметы хозяйства и обихода между родственниками, обязанность дѣлиться между собой убитымъ для хозяйственныхъ нуждъ животнымъ и пр.).

Не касаясь мнѣній г. Гроссе о нѣкоторыхъ нормахъ первобытнаго права, мы укажемъ еще на выводъ, къ которому онъ приходитъ на основаніи изученія формъ брака. Какъ и большинство современныхъ изслѣдователей, авторъ отказывается признать существованіе *стадіи* брака путемъ умычки. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно основательно не соглашается признать во многихъ обрядахъ символизирующихъ похищеніе невѣсты воспоминаніе объ умычкѣ *противъ* воли родителей похищаемой, и въ данномъ вопросѣ онъ отчасти склоняется къ мнѣнію Спенсера, подкрѣпленному въ новѣйшее время Вестермаркомъ, что символическое сопротивленіе невѣсты имѣетъ своимъ источникомъ сопротивленіе ея при бракахъ даже *съ согласія* родителей. Но г. Гроссе указываетъ и на другой источникъ, которому слѣдуетъ приписать въ извѣстной мѣрѣ распространеніе обрядовъ, рисующихъ умычку: похищеніе женщинъ, практико-

вавшееся въ широкихъ размѣрахъ при постоянныхъ войнахъ, должно было считаться признакомъ храбрости похитителя; оно же отдавало женщину всецѣло во власть послѣдняго. Вслѣдствіе этого почетнаго значенія похищенія, естественнымъ было стремленіе симулировать похищеніе даже при согласіи родителей на бракъ. Наглядность при этомъ обрядѣ перехода женщины во власть мужа, быть можетъ, также имѣла значеніе для поддержанія его въ силѣ до позднѣйшаго времени. Въ указанной гипотезѣ г. Гроссе безусловно много вѣроятнаго, въ особенности если припомнить, съ одной стороны, важное значеніе, которое имѣютъ военные трофеи въ глазахъ дикарей, и символизмъ первобытнаго права вообще—съ другой.

Если перейти къ общей оцѣнкѣ новаго труда г. Гроссе, то, оставляя въ сторонѣ его мнѣніе относительно значенія индивидуальныхъ союзовъ на развитіе рода, мы получимъ чрезвычайно интересное сопоставленіе нормъ первобытнаго права, освѣщенное изъ экономическаго быта народовъ и племенъ. Если новыхъ положительныхъ данныхъ въ указанномъ трудѣ и не много, то предположенія нѣкоторыхъ предшественниковъ г. Гроссе находятъ въ его трудѣ подкрѣпленіе благодаря новымъ свѣдѣніямъ, добытымъ новѣйшими изслѣдованіями. Почву, на которой стоитъ авторъ, слѣдуетъ признать безусловно слишкомъ узкой: за вліяніемъ экономическаго строя онъ забываетъ другіе факторы, вліяющіе въ неменьшей степени на процессъ развитія семейно-общественныхъ нормъ: онъ мало касается возникновенія и вліянія понятій о родствѣ, значенія религіозныхъ представленій, не оттѣняетъ въ достаточной мѣрѣ вліянія групповой организаціи и т. д. Вышеуказанное недостаточное критическое отношеніе къ источникамъ, нѣкоторая предвзятость мысли отражается неблагопріятно на достоинствахъ книги, а предположеніе, что эмбріономъ человѣческаго развитія должно считать не группу, а семью, слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, признать совершенно ошибочнымъ.

Далѣе, хотя авторъ въ началѣ своего труда и отмѣчаетъ, что онъ не имѣетъ въ виду изложить исторію семьи, хотя онъ скептически относится къ историко-сравнительному методу, между тѣмъ онъ въ результатѣ невольно представляетъ исторію постепеннаго развитія семьи и сопоставляетъ свои данныя именно на основаніи историко-сравнительнаго метода. Авторъ признаетъ, что низшія земледѣльческія племена прошли раньше стадію охотничьяго-рыболовческаго быта; онъ признаетъ, что въ культурномъ отношеніи высшіе земледѣльцы должны быть поставлены во главѣ культурнаго экономическаго роста человѣчества. До этой стадіи развиваются охотники, или проходя стадію кочеваго—пастушескаго быта, или минуя ее, т. е. становясь земледѣльцами непосредственно. Въ каждой изъ указанныхъ стадій

экономическаго роста г. Гроссе видитъ типичныя, характерныя для нея, формы семейнаго-общественнаго быта и, такимъ образомъ, прослѣживая эти формы отъ наиболѣе простыхъ до наиболѣе сложныхъ, рисуетъ читателю исторію развитія семьи. Различіе его отъ многихъ прежнихъ писателей заключается въ томъ, что онъ выдвигаетъ на первое мѣсто экономическій факторъ, освѣщая съ этой точки зрѣнія исторію появленія и послѣдовательность развитія формъ. Въ виду того, что вліяніе экономическихъ условій на весь строй жизни народности весьма значительно, монографія г. Гроссе, несмотря на свои недостатки, представляетъ большой научный интересъ, тѣмъ болѣе, что авторъ подкрѣпляетъ свои положенія данными изъ новѣйшей этнографической литературы. Если авторъ противъ воли начерталъ исторію развитія семьи, если онъ, какъ бы незамѣтно для себя, воспользовался для своей цѣли методомъ, значеніе котораго для работъ этого рода онъ отрицаетъ, — то это скорѣе должно быть признано за достоинство его труда, изъ котораго читатель безусловно почерпнетъ много интересныхъ свѣдѣній, хотя бы нѣкоторые выводы автора и возбуждали отрицательное къ нимъ отношеніе. Прекрасное изложеніе дѣлаетъ книгу г Гроссе чрезвычайно доступной, и этимъ качествомъ она выгодно отличается отъ работы г. Гильдебранда (Recht u. Sitte etc.), другого представителя экономической теоріи развитія семьи.

Основныя положенія и точка зрѣнія г. Гильдебранда высказаны были имъ въ статьѣ Ueber das Problem einer allgemeinen Entwickelungsgeschichte des Rechts und der Sitte (1894), съ содержаніемъ которой Этнографическое Обозрѣніе уже познакомило своихъ читателей (Этн. Об. кн. XXIV). Принимая за основу, что всѣ явленія первобытнаго права могутъ быть изучаемы исключительно лишь на почвѣ экономической жизни племени, авторъ въ новомъ трудѣ своемъ разсматриваетъ правовыя отношенія, поскольку они касаются семьи и земельной собственности. Онъ дѣлитъ свое изложеніе на три главы: 1) охотники и рыболовы, 2) пастухи и 3) крестьяне и земельные собственники. Послѣдній отдѣлъ въ свою очередь дѣлится на двѣ части: a) первобытное земледѣліе, германцы по описаніямъ Цезаря и Тацита, и b) земельная собственность. Авторъ высказываетъ свои положенія чрезвычайно кратко и въ доказательство каждаго изъ нихъ печатаетъ довольно значительное количество выдержекъ изъ разныхъ трудовъ, въ которыхъ онъ находитъ данныя, подтверждающія его мысль. Этотъ способъ изложенія затрудняетъ чтеніе книги, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если не ограничиваться ознакомленіемъ съ положеніями автора, но и изучать факты, которыми онъ ихъ подтверждаетъ.

Что касается зародыша человѣческаго общественнаго развитія,

то г. Гильдебрандъ ищетъ его, какъ и г. Гроссе, въ индивидуальномъ союзѣ, а не въ группѣ: недостатокъ въ готовой пищѣ заставляетъ людей, по мнѣнію автора, жить отдѣльными семьями. Въ доказательство своего положенія онъ приводитъ свѣдѣнія о жизни семьями у разныхъ народностей, которыхъ г. Гильдебрандъ считаетъ находящимися на примитивной стадіи развитія: среди народностей Бразиліи, Калифорніи, Цейлона, Суматры, Люцона и т. д. мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ и вогуловъ, которыхъ авторъ на основаніи свѣдѣній Палласа о томъ, что они живутъ охотой и группируются малыми семьями, считаетъ возможнымъ отнести въ разрядъ примитивныхъ, очевидно, совершенно забывая жизненность слѣдовъ родового быта у вогуловъ. Авторъ не дѣлаетъ оттѣненнаго г. Гроссе различія между счетомъ родства по женской линіи и материнскимъ родомъ; онъ ограничивается замѣчаніемъ, что съ «материнскимъ правомъ» (Mutterrecht) мы встрѣчаемся только на высшихъ ступеняхъ экономическаго быта—на стадіи пастушеской и земледѣльческой, игнорируя, очевидно, свѣдѣнія о счетѣ родства по женской линіи, напр. у охотниковъ-австралійцевъ. Происхожденіе материнскаго права г. Гильдебрандъ объясняетъ возникновеніемъ обычая покупать женъ: браки, имѣющіе своимъ послѣдствіемъ материнское право, пишетъ онъ, являются лишь суррогатомъ, способомъ, къ которому прибѣгаютъ въ случаѣ нужды, когда мужъ не имѣетъ средствъ или слишкомъ скупъ, чтобы купить себѣ жену. Это объясненіе, совершенно правильное въ отношеніи къ отдѣльнымъ случаямъ, встрѣчающимся, когда народность переживаетъ переходную стадію отъ когнатическаго къ агнатическому родовому устройству, не можетъ безусловно объяснить, почему цѣлыя народности живутъ или жили въ недавнее сравнительно время въ когнатическихъ родовыхъ организаціяхъ: если предположить, что всѣ представители не могли купить себѣ женъ, очевидно, что обычай купли не могъ возникнуть; нежеланіе пріобрѣтать себѣ покупкой женъ вслѣдствіе скупости, едвали можетъ быть распространено на цѣлую народность.

Не болѣе удачна попытка г. Гильдебранда начертать исторію развитія брака. Совершенно отрицая основательно обязательную преемственность формъ брака отъ похищенія, черезъ куплю къ передачѣ подарковъ родственникамъ невѣсты, авторъ повторяетъ уже разъ высказанную имъ теорію, что развитіе способовъ брака шло совершенно обратнымъ путемъ. Древнѣйшимъ способомъ пріобрѣтенія себѣ жены оказывается, по его мнѣнію, принесеніе подарковъ родителямъ невѣсты; съ развитіемъ земледѣлія и скотоводства, т. е. съ накопленіемъ богатства, появляется купля, а невозможность внести плату за жену заставляетъ прибѣгать къ похищенію. Намъ приходилось касаться ненаучнаго значенія этой теоріи при разборѣ статьи г. Гильдебранда „Ueber das

Problem einer allg. Entwickelungsgeschichte etc "; ограничива емся поэтому замѣчаніемъ, что выставленная теорія автора стоитъ въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ данными о бытѣ некультурныхъ племенъ, что если мы встрѣчаемъ ее снова въ книгѣ автора, повидимому хорошо знакомаго съ новѣйшей этнографической литературой, то это, очевидно, объясняется лишь крайностью и предвзятостью его мнѣній.

Вообще часть работы г. Гильдебранда, посвященная развитію семьи, какъ это видно изъ предыдущаго, должна быть признана чрезвычайно слабой.

Не останавливаясь далѣе на этой части труда, переходимъ къ краткому разсмотрѣнію свѣдѣній, касающихся развитія поземельной собственности. Первое основное положеніе г. Гильдебранда заключается въ томъ, что земельной собственности не существуетъ на низшихъ ступеняхъ культуры: она неизвѣстна ни при охотничьемъ, ни при кочевомъ пастушескомъ бытѣ, ни въ началѣ земледѣльческаго хозяйства. Земля является еще res nullius и на нее существуетъ только право владѣнія: или право пользованія ея плодами, или право обработки ея. Этотъ выводъ автора является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ выставленной имъ теоріи о примитивной стадіи развитія. Дѣйствительно, отдѣльные индивидуальные союзы охотниковъ и рыболововъ имѣютъ лишь право владѣнія на извѣстный участокъ земли, этотъ-же порядокъ сохраняется и долгое время на болѣе высокихъ стадіяхъ культуры. Но г. Гильдебрандъ забываетъ, что въ то время, какъ отдѣльнымъ личностямъ предоставлено лишь право пользованія землей, собственницей послѣдней всегда оказывается территоріальная или родственная группа. Источникомъ права земельной собственности группы является на низшихъ стадіяхъ культуры захватъ. Указавъ на мотивы, опредѣляющіе выборъ земельныхъ участковъ, авторъ переходитъ къ изложенію быта германцевъ на основаніи свѣдѣній Цезаря и Тацита, въ которомъ онъ подвергаетъ критикѣ нѣкоторые господствующіе взгляды на образъ жизни и общественное устройство древнихъ германцевъ, и затѣмъ снова возвращается къ вопросу о появленіи и развитіи земельной собственности.

Критикуя существующіе взгляды на вопросъ о возникновеніи земельной собственности и на происхожденіе сельской общины, г. Гильдебрандъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) прежніе изслѣдователи считали землю за res communis, въ то время какъ она была только res nullius; 2) за общинную земельную собственность принимали то, что въ сущности было лишь недостаточно строго проведенное дѣленіе наслѣдства (pro indiviso) или то, что было лишь condominium; 3) за крестьянское право собственности на землю принимали то, что было лишь правомъ пользованія, и 4) сельская община имѣетъ источникомъ своего про-

исхожденія исключительно административныя цѣли. Процессъ развитія представляется автору въ слѣдующихъ чертахъ: понятіе о земельной собственности появляется лишь послѣ сокращенія свободныхъ невоздѣланныхъ участковъ земли. Болѣе богатые, могущественные представители племени захватываютъ землю, считаютъ себя собственниками ея и предоставляютъ обработку земельныхъ участковъ болѣе бѣдному населенію. За защиту со стороны собственника земли бѣдные вынуждены отказываться отъ извѣстныхъ правъ и такимъ образомъ становятся въ извѣстную зависимость отъ обезпеченнаго класса. Представители этого послѣдняго, въ цѣляхъ гарантировать платежи зависимаго экономически, хотя-бы и лично свободнаго, земледѣльческаго класса, связываютъ населеніе той или иной территоріальной группы круговой порукой, общностью землевладѣнія и пр., чѣмъ и полагается начало сельской общинѣ, которая впослѣдствіи поддерживается въ жизни въ цѣляхъ собственниковъ земли.

Намъ кажется совершенно излишнимъ входить въ разборъ указанной теоріи г. Гильдебранда: основанная на совершенно неправильномъ предположеніи о жизни первоначальныхъ союзовъ внѣ группы, она является логически необходимой ошибкой, послѣдовательно выведенной изъ ошибочнаго основанія. Явленія болѣе поздняго порядка приняты авторомъ за первоначальныя, воздѣйствіе административнаго строя, санкціонирующаго готовыя, уже раньше существующія формы земельныхъ отношеній для практическихъ или государственныхъ цѣлей, принято авторомъ за источникъ возникновенія самихъ нормъ. Желаніе во что бы то ни стало вывести всѣ нормы семейно-общественной организаціи изъ экономическихъ условій вынудило г. Гильдебранда оставить безъ разсмотрѣнія значеніе родственнаго союза на образованіе формъ земельной собственности. Между тѣмъ вліяніе экономическаго быта и въ сферѣ родового строя на характеръ земельныхъ отношеній настолько велико, что авторъ могъ-бы свободно выдвинуть ихъ, не опасаясь умалить значенія экономическихъ условій, этого, по выраженію автора, „рычага Архимеда, при помощи котораго можно перевернуть весь міръ обычая и права". На этотъ разъ попытка г. Гильдебранда „перевернуть" существующія научныя теоріи совершенно не удалась ни въ сферѣ исторіи семьи и брака, ни въ сферѣ развитія земельныхъ отношеній. Въ противоположность труду г. Гроссе, который при всѣхъ недостаткахъ слѣдуетъ признать серьезнымъ вкладомъ въ этнографическую литературу, работа г. Гильдебранда представляетъ во многихъ частяхъ своихъ примѣръ тѣхъ крайностей, до которыхъ можетъ дойти авторъ, желающій освѣтить исторію человѣческаго развитія на низшихъ ступеняхъ культуры съ односторонней, предвзятой точки зрѣнія.

Н. Харузинъ.

В инвентарную книгу ... 193 г.
записано
Под №

Очерки Ветлужскаго края.

I.

Ветлужскій уѣздъ, Костромской губерніи, принадлежитъ къ числу наиболѣе лѣсистыхъ мѣстностей центральной Россіи, этимъ и обусловливается характеръ его населенія. Населеніе это, по всей вѣроятности, не чисто русскаго происхожденія, а представляется помѣсью великоруссовъ и какого-то финскаго племени, которое нѣкогда населяло весь Ветлужскій край; въ пользу этого предположенія говорятъ названія различныхъ мѣстностей края, напримѣръ, рѣчекъ, какъ-то: Шанга, Лапшанга, Кежбашъ, Утрасъ и т. д., а также и типъ населенія, среди котораго встрѣчается большое число людей малорослыхъ, крайне смуглыхъ и темныхъ брюнетовъ, напоминающихъ нѣсколько тѣхъ черемисовъ, которые до сихъ поръ населяютъ исключительно двѣ волости уѣзда и до такой степени сохранили свою національность, что даже мало знакомы съ русскимъ языкомъ Русскій элементъ проникъ въ нынѣшній Ветлужскій уѣздъ, съ одной стороны, изъ Унжинскаго края, колонизованнаго гораздо раньше, вѣроятно изъ Суздаля, съ другой стороны — изъ сѣвера, подъ вліяніемъ Вятской колонизаціи Новгорода. Въ мѣстной рѣчи встрѣчаются иногда совершенно нерусскія слова, какъ напр.: „*баско*“ вмѣсто *хорошо*, а также изуродованныя выраженія, напр.: *цё* вмѣсто *что* и „*хоцю*“ вмѣсто *хочу*.

Русское населеніе уѣзда, занимающее 18 волостей изъ 20, православное, и среди него вовсе не встрѣчается раскольниковъ; это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ непосредственно сосѣднемъ съ нимъ Варнавинскомъ уѣздѣ раскольники составляютъ значительный контингентъ населенія, точно также, какъ въ лежащемъ на югъ отъ него Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Населеніе Ветлужскаго уѣзда довольно тѣсно группируется, занимая площади, издавна очищенныя отъ лѣса и занятыя крестьянскими полями; площади эти лѣса обступили стѣною, за которою часто на десятки верстъ, 30, 40, иногда 80, нѣтъ никакого человѣческаго жилья. Сплавная рѣка Ветлуга съ многочисленными притоками даетъ возможность эксплуатировать эти лѣса, которые, благодаря хищническому хозяйству многихъ мѣстныхъ владѣльцевъ, конечно, въ значительной степени утратили свою эконо-

мическую цѣнность, потому что лучшія породы деревьевъ были срублены, но тѣмъ не менѣе остались лѣсною площадью, т. е. почти нигдѣ не были обращены въ пахотныя поля. Впрочемъ, въ уѣздѣ имѣется до 400 тысячъ десятинъ лѣсовъ Государственныхъ Имуществъ, а также и нѣсколько большихъ частновладѣльческихъ имѣній, въ которыхъ лѣса сохранились въ сравнительной цѣлости.

Лѣсъ составляетъ главное подспорье населенія, доставляя ему весьма значительные заработки и весьма дешевое отопленіе, а осенью прибыль отъ ружейной охоты за рябчиками и бѣлками. Если прибавить къ этому довольно значительные полевые надѣлы (при освобожденіи крестьянъ населеніе получило въ среднемъ болѣе 6 десятинъ на душу), а также луга, то становится понятнымъ, что экономическое положеніе края довольно удовлетворительно, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ уѣзда, при хорошемъ качествѣ почвы, даже весьма удовлетворительно. Мы опишемъ здѣсь вкратцѣ занятія мѣстныхъ крестьянъ въ теченіе рабочаго года, начавъ съ осени, т. е со времени окончанія полевыхъ работъ и разсчетовъ по лѣснымъ операціямъ весны и лѣта.

Въ теченіе сентября крестьяне занимаются полевыми работами, производя пахоту подъ будущіе яровые посѣвы, обмолачиваютъ рожь и овесъ; это сравнительно наиболѣе покойное время всего года. Въ это же время они заключаютъ въ конторахъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсопромышленниковъ условія на выработку лѣса въ теченіе слѣдующей зимы; въ прежнее время эти условія имѣли исключительно характеръ испольный, т. е. крестьяне обязывались вырубить въ данномъ участкѣ опредѣленнаго лѣсного квартала, точно обозначенномъ на планѣ, извѣстное число деревьевъ, весною выгнать ихъ въ Ветлугу, согнать до Волжской лѣсной пристани Козьмодемьянска и при продажѣ получить половину вырученныхъ денегъ. Въ настоящее время все болѣе и болѣе переходятъ къ издѣльной платѣ, при которой крестьяне получаютъ за ту же самую работу не половину вырученной суммы, а совершенно опредѣленную плату, которая выражается извѣстнымъ количествомъ копѣекъ за каждый вершокъ діаметра вырубленнаго дерева, при чемъ главную роль играетъ разстояніе до сплавной рѣчки. Въ среднемъ можно сказать, что при хорошемъ качествѣ лѣса (вырубаютъ лишь строевыя деревья, дровяной лѣсъ не имѣетъ никакой цѣнности въ краѣ) и при разстояніи до 10 верстъ отъ рѣчки, по которой лѣсъ весною можетъ быть выгнанъ въ Ветлугу, крестьяне получаютъ отъ 20 — 25 коп. за каждый вершокъ верхняго діаметра срубленнаго дерева; такъ, за дерево толщиною въ 6 вершковъ, на длинѣ 6 саженъ, они получаютъ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. Недостатка въ лѣсной работѣ у населенія никогда не бываетъ, но все-же ею могутъ за-

ниматься самостоятельно лишь сравнительно достаточные крестьяне, имѣющіе надлежащее количество рабочихъ лошадей. Въ теченіе рабочаго періода конторы лѣсовладѣльцевъ и лѣсопромышленниковъ выдаютъ крестьянамъ задатками около 30% той суммы, которая имъ причитается.

Съ наступленіемъ заморозковъ, т. е. въ первыхъ числахъ октября, значительная часть мужского населенія уходитъ въ лѣса бить рябчиковъ и бѣлокъ. Въ теченіе около 5 недѣль, можно сказать, что охота доставляетъ населенію отъ 25—30 р. чистаго дохода на ружье. Въ это время въ край наѣзжаютъ скупщики, преимущественно изъ Нижняго, и платятъ обыкновенно отъ 30—40 коп. за пару убитыхъ и замороженныхъ рябчиковъ; если въ это время наступаетъ оттепель, то масса убитой дичи пропадаетъ безъ пользы.

Когда почва, весьма часто болотистая въ еловыхъ лѣсахъ уѣзда, совершенно окрѣпнетъ подъ дѣйствіемъ сильныхъ морозовъ и выпадетъ достаточно снѣга, населеніе уходитъ въ лѣса; остаются въ деревняхъ лишь женщины, старики и сравнительно небольшое число или весьма богатыхъ, или совершенно бѣдныхъ крестьянъ, не принимающихъ участія въ лѣсной выработкѣ. Они начинаютъ съ того, что прокладываютъ въ недоступныхъ лѣтомъ дебряхъ лѣсовъ такъ называемыя лѣсовозныя дороги, устраиваютъ свои зимницы, т. е. низенькія, тѣсныя, временныя, курныя избенки съ отверстіемъ въ крышѣ и мѣстомъ для костра по срединѣ земляного пола, въ которыхъ они проводятъ всю зиму, уходя лишь на Рождественскіе праздники и на масляницу въ свои деревни, отстоящія часто верстъ за 30 и 40 отъ мѣста выработки. Срубленныя деревья, очищенныя отъ вершины и вѣтвей, свозятся къ опредѣленнымъ заранѣе свалямъ на сплавныя рѣчки; работы эти тянутся до половины, а иногда даже до 20-хъ чиселъ марта и оканчиваются лишь съ весенней оттепелью, когда вывозъ деревьевъ за порчею дорогъ становится невозможнымъ. Выработчики возвращаются домой и ожидаютъ полнаго разлива рѣчекъ, наступающаго обыкновенно во второй половинѣ апрѣля; въ это время они опять отправляются въ лѣса и выгоняютъ часто съ большимъ трудомъ вырубленныя ими зимою деревья до р. Ветлуги, которую они поэтично называютъ „живою водою“. Эта работа, конечно, самая тяжелая въ году, ибо она производится часто по поясъ въ холодной весенней водѣ, безъ крова, ночуя и обогрѣваясь у разложенныхъ на ночь костровъ. При этой выгонкѣ, которая продолжается иногда до 2-хъ, 3-хъ недѣль, деревья связаны между собою въ маленькіе плотики, состоящіе обыкновенно изъ 6 бревенъ и называемые „оплотинами“; на Ветлугѣ оплотины связываются въ большіе плоты, состоящіе обыкновенно изъ 300 деревьевъ (строевыхъ);

плоты эти причаливаются совершенно надежнымъ образомъ посредствомъ снастей, скрученныхъ въ прочные канаты изъ молодыхъ елей. Въ это время рѣка Ветлуга разливается на 4 и даже 6 верстъ, и выработчики должны ожидать, пока она вновь „врѣжется“ въ свои берега, ибо плоты не могутъ плыть по разливамъ рѣки, рискуя обмелѣть на какомъ-нибудь лугу, вдали отъ настоящей рѣки Въ этотъ промежутокъ времени, продолжающійся обыкновенно около мѣсяца, крестьяне занимаются яровыми посѣвами на своихъ поляхъ, и запасаются хлѣбомъ на путь плаванія до Волги. Разстояніе по весьма извилистой рѣкѣ Ветлугѣ отъ средней части уѣзда, напр., Рождественской волости, составляетъ около 500 верстъ; плоты проплываютъ его при благопріятной погодѣ, т. е. при безвѣтріи, въ 7 или много 10 дней и останавливаются въ Козьмодемьянскѣ, причемъ мѣстные лодочники, такъ называемые, якорщики, перетягиваютъ и устанавливаютъ плоты по южному нагорному берегу Волги. Въ иные годы въ Козьмодемьянскѣ скопляется до 2000 плотовъ; на каждомъ изъ нихъ должно быть до 5 человѣкъ, между которыми могутъ быть и женщины; часть этого населенія немедленно возвращается домой, оставляя лишь по 2 сторожа на каждый плотъ.

Продажа лѣса продолжается около мѣсяца, при чемъ выработчики постепенно возвращаются домой на пароходахъ, плавающихъ по Ветлугѣ, и поспѣваютъ незадолго до сѣнокоса. Около іюля мѣсяца конторы лѣсовладѣльцевъ и лѣсопромышленниковъ производятъ главные разсчеты съ крестьянами. Лѣто занято уборкой сначала озимаго, потомъ ярового хлѣба, чѣмъ заканчивается описанный вкратцѣ рабочій годъ.

Менѣе достаточные крестьяне. не имѣщіе возможности работать въ лѣсахъ, находятъ подспорье въ такъ называемомъ *корьѣ*.

Въ концѣ мая, когда березы находятся въ полномъ соку, крестьяне отправляются въ лѣсъ, срубаютъ березы, сдираютъ съ нихъ бѣлую кору, такъ называемую „бересту“, и складываютъ ее стопами въ лѣсу, а при наступленіи зимняго пути привозятъ на владѣльческіе заводы, получая плату отъ 10 — 12 коп. за пудъ; самыя-же березы, какъ неимѣющія никакой цѣны, остаются гнить въ лѣсу. На заводахъ изъ бересты этой получается сухой перегонкой такъ называемый березовый деготь, продающійся на низовьяхъ Волги около Царицына до 1 р. 40 к. и полутора рубля за пудъ. Въ старые годы, лѣтъ 50 тому назадъ, курка, такъ называемая „сидка“ дегтю, составляла главный доходъ населенія, которое, при обиліи строевыхъ лѣсовъ ближе къ Волгѣ выработкой ихъ не занималось. Березовый *деготь* преимущественно употребляется на низовьяхъ Волги и на Дону для смазки колесъ; въ послѣднее время онъ замѣненъ гораздо болѣе

дешевыми нефтяными остатками, и производство это падаетъ. Другое дѣло—такъ называемое *мочальное*. Въ первой половинѣ лѣта крестьяне отправляются въ лѣса сдирать кору молодыхъ липъ, которую они мочатъ въ особыхъ лужахъ, такъ называемыхъ прудахъ, а зимою или сами продаютъ, купивъ право этой выработки у владѣльца, или же вырабатываютъ исполу съ владѣльцемъ

Фабричное производство распространено въ уѣздѣ весьма мало: кромѣ нѣсколькихъ винокуренныхъ заводовъ, маленькой чугунно литейной фабрики и кожевеннаго завода въ Ветлугѣ, можно сказать, что оно почти не существуетъ.

Кустарное производство также развито весьма слабо; въ нѣкоторыхъ волостяхъ, напр., въ Рождественской, точатъ изъ осины посуду, приготовляютъ веретена, въ другихъ, ближе къ городу, ткутъ рогожи,—вотъ и все. Отхожихъ промысловъ, кромѣ выгонки лѣса на Волгу, которая едва-ли можетъ быть названа этимъ именемъ, не существуетъ вовсе.

Въ собственно Рождественской волости существуетъ основанная уже 70 лѣтъ тому назадъ школа, получившая въ послѣдніе 20 лѣтъ довольно значительное развитіе: въ ней обучается подъ руководствомъ трехъ наставницъ до 150 мальчиковъ и дѣвочекъ, и, благодаря ей, грамотность довольно сильно распространена, по крайней мѣрѣ, въ мужской части населенія. Въ каждой изъ остальныхъ волостей уѣзда существуетъ по земской школѣ, но меньше нежели Рождественская размѣромъ, посѣщаемая въ среднемъ числѣ отъ 50 — 60 учениками при одной или двухъ наставницахъ. Наставницы эти большею частью воспитанницы недавно закрытой въ Костромѣ семинаріи для образованія народныхъ учительницъ; въ послѣднее время встрѣчаются между наставницами воспитанницы Костромской женской гимназіи.

Книгами населеніе снабжено весьма бѣдно; книгоноши и книгопродавцы проникаютъ весьма рѣдко въ нашъ край. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторое развитіе населенія доказывается между прочимъ тѣмъ, что въ Рождественскомъ уже 28 лѣтъ существуетъ и процвѣтаетъ ссудо-сберегательное товарищество, основанное въ 1866 году покойнымъ Святославомъ Федоровичемъ Лугининымъ и бывшее первымъ въ Россіи, а также братство, основанное 8 лѣтъ тому назадъ для бѣдныхъ Рождественской волости и управляемое совѣтомъ, состоящимъ изъ 12 выборныхъ крестьянъ, 3 представителей конторы владѣльца Лугинина и 3 священниковъ. Братство это несомнѣнно полезно, безвозмездно помогая самымъ бѣднымъ, рѣдко деньгами, а по большей части мукою, которая раздается каждое воскресенье совѣтомъ братства, собирающимся послѣ обѣдни и внимательно разбирающимъ всякія просьбы о помощи.

Никакихъ мѣстныхъ преданій, легендъ и особыхъ повѣрій или обрядовъ въ краѣ не удалось подмѣтить, что, впрочемъ, не исключаетъ возможности ихъ существованія.

Итакъ, суровая природа, трудовая, хотя безбѣдная жизнь, замѣчательная обособленность отъ остального міра,—вотъ характеристическія черты населенія Рождественской волости, которая была ближайшимъ мѣстомъ наблюденій автора.

Въ заключеніе слѣдуетъ добавить, что бывшими ученицами и учениками Рождественской школы по иниціативѣ М. В. Лугининой, былъ составленъ сборникъ мѣстныхъ народныхъ пѣсенъ, который представленъ въ Этнографическій Отдѣлъ *).

В. Ѳ. Лугининъ.

Въ дополненіе къ предшествующему очерку печатаемъ краткое описаніе свадебныхъ обрядовъ въ томъ же краѣ, изъ имѣющихся въ архивѣ Отдѣла матеріаловъ. *Ред.*

II.

Свадьба въ Ветлужскомъ краѣ.

На свадьбахъ въ нашемъ краѣ очень важную роль играетъ „дружка“ (шаферъ), выдѣляясь даже больше, чѣмъ женихъ и невѣста. Его обыкновенно нанимаютъ. Хорошій дружка стоитъ 5—10 рублей. Дружка распоряжается угощеніемъ; слушать его приговоры сходится все населеніе деревни, гдѣ „играютъ свадьбу“. Я собралъ нѣсколько приговоровъ одного такого дружки.

Свадебный поѣздъ въ день вѣнчанія собирается въ домъ жениха. Всѣ садятся за столъ, тутъ-же и дружка. Хозяева накрываютъ столъ для угощенія. Дружка встаетъ и обращается къ хозяину.

„Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“

„Милостивый благодѣтель (имя и отчество)! Наварилъ ты пива пьянаго, накурилъ вина зеленаго, кому прикажешь распорядитися, твоимъ питьемъ медвяныимъ: самъ-ли ты, хозяинъ, будешь подшевать, или мнѣ, дружкѣ, прикажешь?“.

Хозяинъ говоритъ: „Богъ благословитъ, распорядись ты, дружка“.

*) Пѣсни препровождены Отдѣломъ въ И. Академію Наукъ, для напечатанія въ сборникѣ великорусскихъ пѣсенъ, издаваемыхъ Академіею подъ редакціей П. В. Шейна. См. Этногр. Обозр., кн. XXVII, стр. 189. *Ред.*

Всѣ, по приглашенію дружки усаживаются и начинается угощеніе. Послѣ обѣда дружка говоритъ, обращаясь къ отцу и матери жениха.

„Милостивые благодѣтели (имя и отчество родителей)! Воспитали вы, вскормили своего чада милаго, въ цвѣтное платье нарядили, на ноги поставили, въ мѣсто княжеское посадили. Дайте вы своему чаду милому свое родительское благословеніе: поѣдемъ мы въ далеку далицу, въ чистое поле, широкое раздолье, за темные лѣса, за черныя грязи, за быстрыя рѣки; поѣдемъ мы не въ лѣсъ по лисицу, а въ одну деревню къ богатому мужику по красную дѣвицу, и изъ дѣвицы, то мы сдѣлаемъ молодицу".

Отецъ и мать благославляютъ жениха иконою и хлѣбомъ съ солью. Послѣ благословенія всѣ поѣзжане (родные и знакомые жениха) собираются ѣхать къ невѣстѣ. Когда всѣ усаживаются, дружка беретъ икону со свѣчей, хлѣбъ съ солью и обходитъ 3 раза кругомъ поѣзда. Затѣмъ справившись: всѣ ли готовы? отворяетъ ворота и въ воротахъ пересѣкаетъ землю кнутомъ крестъ на крестъ. Всѣ ѣдутъ къ невѣстѣ На богатыхъ свадьбахъ поѣздъ бываетъ подводахъ на 10 ти. Въ каждыя сани (свадьбы чаще всего бываютъ поздно осенью и зимою) запрягается пара лошадей, хвосты и гривы которыхъ украшаются разноцвѣтными лентами, подъ дугу подвязываютъ по одному или по два колокольца. Доѣхавъ до деревни, гдѣ живетъ невѣста, всѣ останавливаются Дружка одинъ въѣзжаетъ въ деревню и входитъ въ домъ отца невѣсты. Переступивъ порогъ онъ говоритъ:

„Скокъ черезъ порогъ, насилу ноги переволокъ; нѣтъ-ли гущицы, чтобы ноги полѣчить? Мы люди простые, ѣдимъ пироги прѣсные, а то и кислые, лишь были бы пшеничные. Здорово, хозяинъ съ хозяйкой! Что у васъ приготовлено, квасокъ или суслецо, пожалуйте мнѣ на столъ".

Хозяинъ приглашаетъ дружку и даетъ ему стаканъ вина или пива. Дружка обращается къ гостямъ и говоритъ: „Добрые люди, православные! скажите мнѣ: какъ въ этомъ домѣ хозяина съ хозяйкой зовутъ, какъ величаютъ?" Ему сказываютъ. Дружка обращается опять къ хозяину:

„Хозяинъ батюшка (имя-отчество), допусти, пожалуйста, добро тебѣ пожелать. Ноги мои съ подходцемъ, руки мои съ подносцемъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ, голова съ низкимъ поклономъ, чаша съ питьемъ, голова съ челобитьемъ. Чашу наливаю, Спаса призываю, къ вамъ подношу, лица своего не стыжу. Въ чашу древичну сахару положено, виноградомъ изналожено, прими чашу для любви, выкушай для здоровья, послѣ этой чаши будь многолѣтенъ и радошенъ. Отъ великаго Николы канунъ (медъ) пей, а отъ Пречистыя Богородицы хлѣбъ кушай. Вотъ, милостивый государь, было ли у васъ съ такимъ-то промежду васъ челобитье и былъ ли промежду васъ посторонній человѣкъ?"

Хозяинъ отвѣчаетъ, что все это было сдѣлано по согласію. Дружка продолжаетъ:

„Милостивый благодѣтель! У меня есть въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, стоитъ тамъ храбрый поѣздъ подъ краснымъ сукномъ, подъ бѣлымъ полотномъ. Черные враны летаютъ, хочутъ мой храбрый поѣздъ расклевать. Какъ ты прикажешь: на дворъ ли намъ въѣхать, или у воротъ постоять?“.

Хозяинъ приглашаетъ въѣхать во дворъ. Дружка выходитъ изъ дому и возвращается уже со всѣмъ поѣздомъ во дворъ отца невѣсты. Въѣхавъ во дворъ, всѣ вылѣзаютъ изъ саней. Хозяинъ встрѣчаетъ поѣздъ съ хлѣбомъ-солью и иконою. Дружка съ женихомъ во главѣ, а за ними и всѣ поѣзжане прикладываются къ хлѣбу-соли и иконѣ и идутъ въ избу.

Войдя въ домъ дружка говоритъ: „Вотъ, милостивый благодѣтель, далъ ты моему храброму поѣзду на дворѣ мѣстои устилъ въ избу. А теперь моихъ гостей на лавку посадите и своихъ не потѣсните“.

Хозяинъ усаживаетъ всѣхъ. Дружка испрашиваетъ у хозяина разрѣшеніе угощать гостей. Затѣмъ наливаетъ стаканъ пива или вина и говоритъ, обращаясь къ хозяину:

„Милостивый благодѣтель (имя и отчество)! Пустилъ ты насъ во свой широкій дворъ, указалъ двери во бѣлу избу, далъ моимъ гостямъ мѣсто за твоимъ столомъ. А теперь дай ты къ дверямъ придверника, къ воротамъ привратника, къ нашимъ добрымъ конямъ караульщика. У моихъ гостей кони добрые, запряжены они въ сани дубовыя, въ саняхъ есть короба кленовые, въ коробахъ лежатъ куньи шубы, лисьи малахаи (халаты), плети ременныя. Пропадетъ у насъ, хозяинъ, лычко, ты заплатишь ремешкомъ“.

Хозяинъ ставитъ караульщика. Дружка не унимается. Онъ снова проситъ хозяина:

„Вотъ, добрый хозяинъ, пустилъ ты насъ во свой высокъ теремъ, далъ моимъ гостямъ мѣсто за твоимъ столомъ. Дай теперь ты намъ лавки да полицы, положить намъ шапки да рукавицы; еще дай намъ полати, покласть тулупы да халаты“.

Хозяинъ проситъ своихъ гостей раздѣться. Пріѣхавшіе раздѣваются. Дружка снова проситъ хозяина:

„Вотъ, милостивый нашъ благодѣтель, позволилъ ты намъ въѣхать въ свой широкій дворъ, далъ мѣсто моему храброму поѣзду. Дай же ты теперь моимъ конямъ корму: сѣна зеленаго и овса ядренаго, сѣнницу сѣна да клѣть овса. А нѣтъ сѣна зеленаго и овса ядренаго, то дай соломки яровки (яровой): съ яровки наши кони будутъ какъ воровки; а нѣтъ яровки, дай оржанки (ржаной соломы): съ оржанки наши кони будутъ плясать, какъ цыганки“.

Хозяинъ отдаетъ приказъ накормить лошадей.

Дружка теперь проситъ позволенія: „сходить за занавѣску, осмотрѣть невѣску: обута ли она, одѣта, оповязана-ль?“ Получивъ разрѣшеніе, онъ беретъ вино, а сваха жениха пряники и конфекты, и оба идутъ къ невѣстѣ, которая за занавѣсомъ сидитъ и причитаетъ, часто по особому листу, о жестокости родителей, отдающихъ ее чужому. Кругомъ невѣсты толпятся дѣвушки, которыя ее одѣваютъ. Дружка угощаетъ дѣвушекъ виномъ, а сваха пряниками и конфектами, при чемъ дружко проситъ: „ну дѣвушки красныя, глазки ваши баскія (хорошія, красивыя), испейте, закусите, а невѣсту потрудитесь сберите да понарядней нарядите“.

Выходъ дружки и свахи къ дѣвушкамъ производится 3 раза. Когда невѣста будетъ готова, тысяцкій вмѣстѣ съ дружкою приходятъ къ дѣвушкамъ и просятъ отдать имъ невѣсту. Невѣста причитаетъ и проситъ подругъ не отдавать ее. Тысяцкій даетъ дѣвушкамъ денегъ, дружка угощаетъ ихъ виномъ. Тысяцкій или дружка беретъ невѣсту за руку, ведетъ къ жениху подъ божницу и хочетъ посадить ее рядомъ съ нимъ. Въ это время братъ или ближайшій родственникъ невѣсты садится между женихомъ и невѣстою. Дружка наливаетъ стаканъ вина и предлагаетъ ему. Братъ беретъ вино, но не пьетъ. Тогда тысяцкій вынимаетъ изъ кармана деньги (чаще серебряный рубль) и монетою покрываетъ стаканъ съ виномъ. Братъ невѣсты беретъ деньги, выпиваетъ вино и уступаетъ мѣсто невѣстѣ, но въ то же время беретъ невѣсту за косу. Тысяцкій выкупаетъ и косу. Посадивъ невѣсту рядомъ съ женихомъ, дружка сталкиваетъ ихъ головами. А невѣста причитаетъ, что „злодѣй дружка разбилъ ея буйную головушку“.

Усадивъ невѣсту, дружка угощаетъ гостей:

„Отъ печки отъ кирпитчатыя, отъ столба горемычнаго, по полику тесовому, ко столику дубовому, за скатерти браныя, за явства сахарныя, за питьеца медвяныя всѣ идите, только ногъ не ушибите. Мои рѣзвыя ноги съ подходцемъ, мои бѣлыя руки съ подносцемъ, сердце мое съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ, голова съ низкимъ поклономъ. Спаса призываю, чашу наливаю; чаша елецкая, въ чашѣ питье молодецкое; принимайте чашу для любви, кушайте для здоровья. Послѣ этой чаши будьте многолѣтни, и здравы, и радостны. Отъ великаго Николы канунъ пейте, а отъ Пречистыя Богородицы хлѣбъ кушайте“.

Гости угощаются, а ложки жениха и невѣсты лежатъ черенкомъ къ блюду.

Пообѣдавъ, дружка проситъ хозяина: „Собирайка ты, хозяинъ, свой поѣздъ: большаго барина къ меньшому барину, меньшаго барина къ свахѣ, сваху къ дружкѣ, дружку къ поддружью“.

Хозяинъ велитъ закладывать лошадей. Дружка проситъ родителей благословить невѣсту:

„Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“

„Милостивые благодѣтели (имя и отчество отца и матери невѣсты)! Воспоили вы, вскормили своего чада милаго, на ноги поставили, въ цвѣтное платье нарядили, въ мѣсто посадили. Дайте вы своему чаду милому свое родительское благословеніе. Поѣдемъ мы во дальны далицы, въ чистое поле, широкое раздолье, за черныя грязи, за темные лѣса, за быстрыя рѣки, къ матушкѣ Божіей церкви. Встанемъ противъ царскихъ дверей и будемъ мы вѣнчаться, обручаться, золотымъ перстнями мѣняться, законъ Божій принимать, золотой крестъ и евангеліе цѣловать“.

Отецъ и мать благословляютъ невѣсту. Та плачетъ и причитаетъ. Затѣмъ всѣ разсаживаются. Дружка обходитъ 3 раза поѣздъ съ иконою, свѣчею, хлѣбомъ и солью, отворяетъ ворота, ударяетъ въ воротахъ крестообразно кнутомъ, затѣмъ садится вмѣстѣ съ женихомъ, и всѣ ѣдутъ въ церковь. До вѣнца косу невѣсты расплетаютъ и заплетаютъ въ 2 косы. Прежде, годовъ 30—40 назадъ, косу невѣсты подруги заплетали очень туго, осыпали ее перцемъ, утыкали булавками, чтобы труднѣе было расплесть передъ свадьбою. Послѣ вѣнца на молодую надѣваютъ кичку или повойникъ.

Отъ вѣнца ѣдутъ къ родителямъ жениха. Молодыхъ встрѣчаютъ съ иконою, хлѣбомъ-солью и осыпаютъ житомъ и хмѣлемъ, чтобы богато жили. Войдя въ избу, всѣ разсаживаются за столъ. Дружка призываетъ стряпухъ: „Повары батюшки, поварихи матушки, что есть въ печи, все на столъ мечи, а нѣтъ— отказывай!“ Приносятъ три перемѣны, которыя дружка, попробовавъ, отсылаетъ молодымъ за особый столъ или въ отдѣльную комнату. Закусивъ, молодые выходятъ къ гостямъ, и начинается красный столъ. Гости пьютъ вино, кричатъ „горько“, — знакъ, что молодые должны поцѣловаться. Во время краснаго стола дружка даритъ каждаго гостя отъ имени молодыхъ, а тотъ отдаривается.

Послѣ краснаго стола дружка говоритъ, обращаясь къ присутствующимъ:

„Разсыпался громкій голосъ соловьиный по всей свѣтлой свѣтлицѣ, по всей бѣлой горницѣ: съ кути въ подокошко, съ Божьяго милосердія по лавочкамъ, по скамеечкамъ, по бѣлоножкамъ, кривоножкамъ, голбцамъ скрипучимъ, полатямъ висячимъ, печкамъ, горнушкамъ“.

„Старые старики ... [1]) старые старушки...., красныя дѣвушки..., молодые парни, малые ребята! Кто слышалъ или кто ви-

[1]) Слѣдуютъ выраженія, неудобныя въ печати.

дѣлъ, какъ у нашего князя новобрачнаго дары шли? Кто слышалъ, тому ковшъ мартовскаго пива, да золота цѣвка, да красная дѣвка; а кто не слыхалъ, тому ковшъ воды, да головныя боли, да загнало бы его въ свиной хлѣвъ, чтобъ свѣту ему не видать, а охать да стонать.... Спасибо вамъ, хозяинъ съ хозяйкой! Вотъ вамъ хомутъ да дуга, а я вамъ больше не слуга!"

Пиръ кончается. Сваха уводитъ молодыхъ, а гости расходятся по домамъ.

Сообщ. Н. Іорданскій.

МЕЛКІЯ ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Арья-Бало, Аполлоній, Аполинарія, Аполлонище.

А. Н. Веселовскій указалъ на слѣды существованія на западѣ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ, которая теперь извѣстна только въ славянской редакціи. Во-первыхъ, въ романѣ Генриха Нейштадтскаго Аполлоній совершаетъ поѣздку въ пустынный Вавилонъ и привозитъ оттуда шахматы царя Навуходоносора. Во-вторыхъ, епископъ Аполинарій посылаетъ посла къ гробницамъ трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Мисаила просить частицу мощей для вновь строющагося храма; посолъ подалъ святымъ грамоту и когда сталъ брать ее обратно, рука святого отдѣлилась вмѣстѣ съ грамотой; посолъ принесъ руку епископу. Въ послѣднемъ случаѣ указанія на повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, очевидно, заключаются, во-первыхъ, въ посольствѣ къ тремъ отрокамъ, во-вторыхъ, въ имени епископа Аполинарія, которое напоминаетъ Аполлонія, ѣздившаго въ Вавилонъ.

Въ статьѣ „Богдо-Гэсэръ и повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ“ (Этн. Об., кн. XI) я указалъ на сходныя черты въ повѣсти и въ Гэсэріадѣ; построенію города Вавилона въ монгольской повѣсти отвѣчаетъ построеніе храма въ честь Арья-Бало, а такъ какъ есть одна монголотибетская сказка, въ которой Арья-Бало изображается добывателемъ чудеснаго или священнаго предмета (мы разумѣемъ сказку объ Эрдени-хараликѣ), то является подозрѣніе, не имѣемъ ли мы въ славянской повѣсти одну изъ легендъ объ Арья-Бало, или Авалокитешварѣ, въ которой могъ заключаться разсказъ о его хожденіи за какимъ-нибудь священнымъ предметомъ.

Мы привели выше имена Аполлоній и Аполинарій, которыя сведены А. Н. Веселовскимъ къ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ; интересно, что съ женскимъ именемъ Аполинарія связана тема, напоминающая легенду о китайской богинѣ Гуань-инь, которая считается воплощеніемъ Арья-Бало.

Дочь императора Анѳима Аполинарія полюбила иноческую жизнь; посѣтивъ святыя мѣста и приплывъ въ Александрію, она пришла къ гробу св. Мины; отсюда отправилась къ отцамъ Скитскимъ, дорогой остановилась подлѣ озера на источникѣ, который послѣ назывался источникомъ Аполинаріи, и когда провожатые ея заснули, она одѣлась въ иноческую мужскую одеж-

жду и скрылась въ пустынѣ. Здѣсь она встрѣтилась съ Макаріемъ египетскимъ, назвалась Дорооеемъ и напросилась жить въ его обители. Макарій далъ ей келью. Въ это время другая дочь императора Аноима сдѣлалась бѣсноватою и объявила, что она выздоровѣетъ только въ томъ случаѣ, если ее пошлютъ въ пустыню. Императоръ отправилъ ее къ Скитскимъ старцамъ, и Макарій поручилъ ее Дорооею; Дорооей принялъ сестру въ свою келью и исцѣлилъ ее. Возвратившись къ родителямъ, сестра Дорооея опять подверглась бѣснованію. Дорооей, призванный ко двору, вторично исцѣлилъ сестру (П. Казанскій, Исторія православн. монашества на востокѣ. М. 1854; ч. I, стр. 254 со ссылкою: Act. SS. Bolland. Tom I, Jan. p. 260, 261). Общій планъ у этой легенды тотъ же, какъ и у китайской; Гуань-инь также отказывается отъ удовольствій свѣтской жизни и убѣгаетъ въ монастырь; здѣсь она входитъ въ славу, какъ врачевательница; отецъ ея (вмѣсто сестры) пораженъ болѣзнью; тѣло его покрывается струпьями; онъ посылаетъ къ прославившейся монахинѣ, и та даетъ ему лѣкарство—отсѣкаетъ себѣ руку и отдаетъ ему; изъ этой руки должно быть сдѣлано лѣкарство. Выздоравливаетъ только половина тѣла; послы идутъ къ монахинѣ въ другой разъ, и тогда происходитъ исцѣленіе и второй половины тѣла [1]). Въ западной легендѣ мы не находимъ только подродробности объ отдѣленіи рукъ; но эта подробность была знакома и западной легендѣ, судя по разсказу о епископѣ Аполинаріи.

Разсказъ объ Аполлоніи, ходившемъ въ Вавилонъ, найденъ г. Веселовскимъ въ романѣ Генриха Нейштадтскаго, въ основѣ котораго положена древняя греческая сказка объ Аполлоніи Тирскомъ. Объ этой сказкѣ А. Н. Веселовскій даетъ свои замѣчанія въ статьѣ по поводу книги Роде: „Der griechische Roman“. На одномъ изъ этихъ замѣчаній мы остановимся.

Романъ начинается тѣмъ, что царь Антіохъ, царствующій въ Антіохіи, задаетъ женихамъ своей дочери загадки и тѣхъ, кто не отгадаетъ, казнитъ. Является Аполлоній Тирскій и хотя раз-

---

[1]) Сюжетъ, пріуроченный у китайцевъ къ Гуань-инь, извѣстенъ и сибирскимъ тюркамъ; женщину осаждаетъ требованіями любви братъ ея мужа она отказываетъ ему; за это онъ оклеветалъ ее; ее присудили казнить, но палачи за полученные подарки отпустили ее; уходя съ родины, женщина встрѣчаетъ пьянаго человѣка, который также требуетъ ея любви; въ это время проѣзжаетъ богатый человѣкъ, пьяница продаетъ ему женщину за 120 рублей; богачъ везетъ ее на кораблѣ; дорогой случилась буря, корабль разбило, женщина, схватившись за бревно, бросается въ воду и спасается на берегъ; здѣсь она со временемъ становится царемъ и докторомъ; къ ней же приходитъ лѣчиться ея соблазнитель, у котораго заболѣли руки и ноги (Radloff, Proben, IV. 141, сказка: „Das Weib als Fürst“). Сказка эта записана у татаръ Тобольской губерніи.

гадываетъ загадки, но и ему угрожаютъ смертью. Онъ тайкомъ уплываетъ на кораблѣ; Антіохъ, объявляетъ награду тому, кто представитъ Аполлонія живого или мертваго. Скитаясь, Аполлоній прибываетъ къ царю Архистрату, состязается съ тремя женихами дочери царя, одерживаетъ верхъ надъ нимъ и женится на ней; получивъ извѣстіе о смерти Антіоха, отправляется въ Антіохію на кораблѣ, чтобы принять царскую власть. Дорогой жена его родитъ дочь Тарсію, но сама погружается въ такое онѣмѣніе, что ее принимаютъ за мертвую и въ ящикѣ бросаютъ въ море. Ящикъ прибиваетъ къ берегу, гдѣ мнимо умершую приводятъ въ сознаніе. Между тѣмъ Аполлоній, прибывъ въ Тарсъ, передаетъ свою дочь на воспитаніе женщинѣ Діонисіи и странствуетъ дальше. Діонисія возненавидѣла Тарсію за красоту, которая выставляла въ яркомъ свѣтѣ безобразіе ея собственной дочери, и велитъ рабу убить Тарсію; но тутъ ее похищаютъ пираты, отвозятъ въ Митиленэ, гдѣ она попадаетъ въ домъ Аѳиногора. Аполлоній прибылъ въ Тарсъ; Діонисія говоритъ ему, что его дочь умерла. Онъ отправляется въ Митиленэ и здѣсь находитъ ее у Аѳиногора, но не узнаетъ. Тарсія поетъ передъ нимъ, иносказательно раскрывая свою судьбу. Кончается сказка тѣмъ, что Аполлоній узнаетъ свою дочь, а затѣмъ онъ находитъ и свою жену.

Роде думаетъ, что начало повѣсти—появленіе Аполлонія при дворѣ Антіоха и разрѣшеніе загадокъ—есть поздняя приставка, и что она съ остальной частью романа ничего не имѣетъ общаго. А. Н. Веселовскій не соглашается съ такимъ заключеніемъ. Онъ говоритъ: „Когда Антіохъ убитъ молніей, мы узнаемъ, что его царство уготовлено Аполлонію; это повторяется не разъ; однажды Аполлоній прямо называетъ Антіохію отцовскимъ наслѣдіемъ. Между тѣмъ ничто въ началѣ повѣсти не приготовляетъ насъ къ этимъ отношеніямъ Аполлонія. Очевидно, въ повѣсти есть пробѣлъ, въ которомъ эти отношенія были разсказаны, права Аполлонія на антіохійскій престолъ предусмотрѣны. Если такъ, то появленіе въ разсказѣ царя Антіоха теряетъ характеръ кажущейся эпизодичности: онъ не только не постороннее лицо, но и необходимъ былъ въ древнемъ, болѣе цѣльномъ составѣ повѣсти (стр. 128).

Мнѣніе академика, намъ кажется, подтверждается слѣдующимъ сближеніемъ. Судьба Тарсіи напоминаетъ намъ извѣстный сказочный сюжетъ, которымъ мы занимались въ статьѣ: „Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ“ (Этн. Об., кн. VIII). Царевичъ женится на дѣвицѣ пріемышѣ одной женщины, у которой есть собственныя дочери, но онѣ обойдены царевичемъ; женщина мститъ царевнѣ; въ отсутствіе царевича царевна родитъ сына и вмѣстѣ съ нимъ брошена въ море (въ лод-

кѣ, которая въ другихъ редакціяхъ могла замѣниться ящикомъ). Но она спаслась. Царевичъ случайно попадаетъ въ домъ, въ которомъ она у какихъ-то чужихъ людей нашла пріютъ вмѣстѣ съ своимъ подросшимъ сыномъ. Сынъ выступаетъ передъ отцомъ и въ замаскированномъ видѣ передаетъ свою исторію, въ которой царевичъ разгадываетъ и собственную; онъ признаетъ своего сына.

Царевича, потерявшаго жену и сына, въ греческомъ романѣ мы узнаемъ въ царевичѣ Аполлонѣ; злую женщину, гонительницу жены царевича, въ злой Діонисіи. Въ греческомъ романѣ только нѣкоторая путаница: вмѣсто сына царевичу дана дочь; жена Аполлонія брошена въ ящикѣ въ море до знакомства Аполлонія съ Діонисіей. Въ первоначальной редакціи было, вѣроятно, иначе: зависть Діонисіи относилась, вѣроятно, не къ Тарсіи, а къ ея матери; эта мать была брошена въ море, и вѣроятно это дѣйствіе мотивировалось въ болѣе древней редакціи местью Діонисіи. Греческій романъ исказилъ это мѣсто: бросаніе въ море поставилъ ранѣе эпизода о Діонисіи и придумалъ новый мотивъ—онѣмѣніе, а удаливши изъ эпизода жену Аполлона, онъ принужденъ былъ зависть Діонисіи перенести на дочь Аполлона. Можно построить вновь такую редакцію: Аполлонъ съ женою и Діонисія съ дочерью живутъ вмѣстѣ; Діонисія завидуетъ красотѣ жены Аполлона; по ея приказанію или по ея кознямъ (подмѣненныя письма) жена Аполлонія вмѣстѣ съ родившейся дочерью Тарсіей (или можетъ быть съ сыномъ) брошена въ воду; Аполлоній странствуетъ и находитъ свое потерянное семейство.

Монголотибетская редакція пріурочила этотъ сюжетъ къ имени бога Арья-Бало (Агіа-раІа, Авалокитешвара). Царевичъ Амуголанъ (въ просторѣчіи это имя произносится Омолонъ и часто встрѣчается у монголовъ, какъ личное имя) встрѣчаетъ въ полѣ трехъ дѣвицъ, ѣдущихъ на одной лошади. Это оказывается царевна Самантабадри, принужденная по недоразумѣнію удалиться изъ царства своего отца*), и съ нею ея двѣ злыя служанки. Царевичъ хочетъ выбрать изъ нихъ жену себѣ; онъ три раза пускаетъ стрѣлу, и стрѣла всякій разъ, какъ служанки ни мѣняются мѣстами съ царевной, ложится подлѣ послѣдней. У царевны родится сынъ Эрдени-хараликъ; это и есть Арья-Бало, или Авалокитешвара, по толкованію самой редакціи сказки. Служанки скрываютъ родившагося бога, прячутъ его подъ порогомъ, потомъ въ саду и пр. Кончается, однако, тѣмъ, что богъ разоблачаетъ коварство служанокъ; отецъ его возвращаетъ изгнанную мать, а служанокъ предаетъ казни.

*) Начинается сказка бросаніемъ ведеръ на воду, деревянныхъ и золотого; царевнино золотое тонетъ; она удаляется изъ царства. Мотивъ, напоминающій бросанье жеребьевъ въ море въ русской былинѣ о Садкѣ.

Та-же тема находится въ тибетской сказкѣ „Егъ-таму-нцо". Тутъ двѣ царевны и одна злая служанка; одна изъ царевенъ брошена въ озеро; потомъ изъ озера выходитъ мальчикъ; повидимому, это сынъ одной изъ царевенъ; онъ скрывается въ пещерѣ. Царевна ведетъ царя въ пещеру показать ему народившагося или новоявленнаго ламу. Лама обращается къ царю съ рядомъ загадочныхъ вопросовъ, въ которыхъ косвенно излагается истинная судьба его и его матери*). Конецъ такой же, какъ и въ русскихъ сказкахъ съ тѣмъ же самымъ сюжетомъ. Званіе ламы указываетъ, что это культовая легенда; мы подозрѣваемъ въ ламѣ того же Авалокитешвару, который является въ предыдущей сказкѣ.

Другая монгольская сказка, въ которой герой также объявляется самими разсказчиками за воплощеніе Арья-Бало, есть калмыцкая сказка о царевичѣ Ойо-чикиту. Отецъ царевича потерялъ жену; не находя женщины, которая была бы *подобна прежней его женѣ*, онъ тоскуетъ. Злая женщина подсовываетъ ему въ жены свою дочь; сынъ умершей царицы, царевичъ Ойо-чикиту, подвергается опасности отъ злой мачихи; его хотятъ убить, но онъ вмѣстѣ съ братомъ или сестрой удаляется изъ царства отца. Начало этой сказки напоминаетъ первую часть греческаго романа; царь Антіохъ овдовѣлъ; *не найдя такой прекрасной жены, какъ умершая*, онъ хочетъ жениться на своей дочери; чтобъ устранить ея женихов, онъ задаетъ имъ загадки, и кто не отгадаетъ, тѣхъ казнитъ; Аполлоній (по догадкѣ А. Н. Веселовскаго сынъ Антіоха) разгадываетъ и долженъ бѣжать. Хотя продолженіе калмыцкой сказки не совпадаетъ съ содержаніемъ ни греческаго романа, ни сказокъ объ Егъ-таму нцо и о Эрденихараликѣ (Арья-Бало), но такъ какъ сами разсказчики видятъ въ царевичѣ Ойо-чикиту бога Арья-Бало, то мы можемъ предположить, или что такое начало уже на востокѣ придѣлывалось къ сюжету о гонимой матери съ ребенкомъ, или что на востокѣ были двѣ легенды объ Арья-Бало: одна съ концомъ о двухъ гонимыхъ мачехою царевичахъ (или царевичѣ и царевнѣ), другая съ концомъ о гонимой матери съ ребенкомъ; на западѣ память о томъ, что обѣ легенды относятся къ одному и тому же божеству не утратилась; здѣсь сохранилась редакція, въ которой двѣ легенды были слиты въ одну: начало взято изъ первой, конецъ изъ второй.

Предположеніе о существованіи на востокѣ такого сліянія было нами построено только на основаніи нашихъ личныхъ со-

*) Задавая вопросъ, лама каждый разъ бросаетъ въ воздухъ тарелку. Въ бѣлорусской сказкѣ съ тѣмъ же сюжетомъ мальчикъ играетъ орѣхами. Это, повидимому, намеки на какой-то обрядъ, посредствомъ котораго открывалась или доказывалась истина.

ображеній; мы не подозрѣвали, что это предположеніе такъ неожиданно скоро оправдается самими памятниками; редакція, соединяющая начало греческаго романа съ содержаніемъ приведенныхъ выше легендъ о богѣ Арья Бало, найдена въ монгольскихъ сказкахъ. Когда наша статья въ общемъ видѣ уже была набросана, въ „Извѣстіяхъ Восточно-сибирскаго Отдѣла Импер. Русск. Географ. Общ.“, т. XXV, № 2–3, стр. 134, появилась бурятская сказка объ Ая-ноинѣ въ переводѣ о. Чистохина. Въ царствѣ Мигре-богдо-хана*) жилъ нѣкто Гомбо доной; у него умерла жена красавица; Гомбо-доной долго тосковалъ, но, наконецъ, рѣшился вновь жениться; онъ призвалъ ламу и попросилъ его раскрыть книгу судебъ и указать мѣсто, гдѣ обрѣтается такая красивая и такая добрая дѣвушка, которая *была бы подобна его первой женѣ*. Лама указалъ, и Гомбо-доной женился на указанной ламою дѣвушкѣ У Гомбо-доноя была дочь отъ прежней жены; мачеха хочетъ погубить падчерицу; она убила своего роднаго ребенка, а обвинила въ этомъ падчерицу. Гомбо-доной отвезъ свою дочь въ степь и навалилъ камень на ея руки; подъ тяжестью камня руки были раздавлены. Оставленная въ степи дѣвица скитается и попадаетъ въ ставку Мигре-богдо-хана; ханскій сынъ Ая-ноинъ увидѣлъ ее и взялъ въ свой домъ. Пришлось царевичу отъѣхать; въ его отсутствіе дѣвица родила мальчика съ золотыми волосами и серебрянымъ тѣломъ Родители послали гонца къ сыну съ письмомъ и радостнымъ извѣстіемъ. Гонецъ на дорогѣ остановился въ домѣ Гомбо-доноя; мачеха подмѣняетъ письмо другимъ, въ которомъ написано, что жена Ая-ноина родила что-то чудовищное; Ая-ноинъ отвѣчаетъ на письмо, чтобъ ребенка кормили до его пріѣзда, мачеха опять подмѣняетъ письмо приказаніемъ умертвить ребенка. Мигре-богдо-ханъ, однако, не убилъ ее, а отпустилъ ее съ ребенкомъ. Скитаясь, она подошла къ берегу ручья и нечаянно уронила ребенка, а достать его не можетъ, потому что раздавленныя ея руки не сгибались. Изюбръ, прибѣжавшій къ ручью пить, поднялъ люльку съ ребенкомъ на рога и опустилъ подлѣ матери. Стала она выжимать замочившіяся въ водѣ ручья одежды сына и руки ея исцѣлились. Она поселяется въ домѣ какихъ-то бѣдняковъ; здѣсь находитъ ее Ая-ноинъ, возвращаетъ во дворецъ, а жену Гомбо-доноя казнитъ.

---

*) Мигре-богдо-ханъ вѣроятно не кто иной, какъ извѣстный изъ сказки „Арджи-борджи“ царь Бикаръ-мадзади (Бегеръ-меджитъ), индѣйскій Викрамадитья. Въ статьѣ „Восточныя параллели“ (Этногр. Обозр., кн. VIII, стр 146) я упомянулъ о сказкѣ о Бегеръ-меджитѣ, имѣвшемъ трехъ женъ, которую и слышалъ въ Ургѣ, но, къ сожалѣнію, не записалъ. Въ ней разсказывается о мальчикѣ, котораго зарываютъ подъ порогъ и пр. (въ родѣ того, какъ это дѣлаютъ съ Эрдени-хараликомъ, т. е. Арья-Бало), а потомъ въ золотомъ ящикѣ, заключенномъ въ серебряный, бросаютъ въ воду.

Въ этой бурятской сказкѣ мы имѣемъ такое соединеніе темъ, которое мы искали. Начало сказки—разсказъ о царѣ, который овдовѣлъ и не хочетъ жениться на иной женщинѣ, какъ только такой, которая *была бы подобна умершей женѣ*, и разсказъ о гонимой матери съ ребенкомъ. Эта-то редакція или, по крайней мѣрѣ, близкая къ ней и послужила основой романа объ Аполлоніи Тирскомъ. Соотвѣтствіе персонажей будетъ такое: царь Антіохъ отвѣтитъ въ калмыцкой сказкѣ царю Унэкэру, отцу царевича Ойо-чикиту и въ бурятской Гомбо-доною; Аполлоній будетъ отвѣчать Ая-ноину бурятской сказки и Ойо-чикиту (т. е. Арья-Бало) калмыцкой; жена Аполлонія—царевнѣ Саманта-бадри; Тарсія, дочь Аполлонія, сыну гонимой жены царевича Амоголына, т. е. Эрдени-харалику, иначе богу Арья-Бало, или Авалокитешварѣ. Несоотвѣтствіе пола не должно смущать; и на востокѣ у китайцевъ Арья-Бало представляется женщиной, а не мужчиной. Дѣйствіе и въ монголотибетской сказкѣ и въ калмыцкой происходитъ въ странѣ Энеткекъ, т. е. въ Индіи; это и есть Антіохія греческаго романа.

Бурятская редакція, въ которой соединены обѣ темы, и царь вдовецъ, желающій жениться только на женщинѣ, подобной покойницѣ, и гонимая мать съ ребенкомъ, вполнѣ оправдываетъ мнѣніе А. Н. Веселовскаго, что царь Антіохъ въ романѣ не былъ постороннимъ, пришлымъ лицомъ, но былъ необходимое лицо въ древнемъ, цѣльномъ сюжетѣ.

Членъ Ойо встрѣтился мнѣ также въ одной монгольской рукописи, пріобрѣтенной мною въ восточной Монголіи, именно въ повѣсти о Ногонъ-дара-экэ; ея сынъ въ этой повѣсти носитъ имя Ойо-бодисатва. Эта повѣсть есть варіантъ записанной мною въ сѣверозападной Монголіи дюрбютской повѣсти о Дара-экэ и ея сынѣ Аю-бодисатвѣ, только съ нѣкоторыми опущеніями. Подъ впечатлѣніемъ предыдущихъ сопоставленій въ этихъ Ойо-бодисатвѣ и Аю-бодисатвѣ слѣдуетъ видѣть бога Арья-Бало (Авалокитешвару) точно также, какъ онъ же, вѣроятно, скрывается подъ видомъ Ая-ноина бурятской сказки, и подъ видомъ Ойо-чикиту калмыцкой. Объ отношеніяхъ Аю-бодисатвы къ Авалокитешварѣ см. въ нашей статьѣ: „Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ“, Этногр. Обозр., кн. IX, стр. 95 и слѣд.

А. Н. Веселовскій нашелъ еще одинъ сюжетъ, соединенный съ именемъ Аполлонъ, именно въ старомъ французскомъ романѣ у Трессана („Былина о Садкѣ“ въ Журн. Мин. Народ. Просв., 1886, декабрь, стр. 280). Садокъ, племянникъ Іосифа Аримафейскаго, убилъ своего шурина и бѣжалъ на кораблѣ; поднимается сильная буря; Садокъ по жребію брошенъ въ море. Между тѣмъ его жена, оставленная беременною, родитъ мальчика, которому даютъ имя Аполлонъ. Мальчикъ растетъ при дворѣ Танора, ко-

торому предсказываютъ, что онъ погибнетъ отъ руки мальчика. Таноръ велитъ забросить мальчика въ лѣсъ. Впослѣдствіи Аполлонъ встрѣчаетъ Садока и, не зная, что это его отецъ, убиваетъ его, а затѣмъ женится на своей, непризнанной матери. Эти послѣдніе мотивы напомнили г. Веселовскому пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, гдѣ онъ является въ роли неузнаннаго отца; въ одномъ изъ варіантовъ сынъ, вступающій въ бой съ отцомъ, называется Аполлонищемъ.

Обыкновенно въ кровосмѣсительныхъ легендахъ опущеніе въ воду относится не къ отцу кровосмѣсителя, какъ въ этомъ французскомъ романѣ, а къ самому кровосмѣсителю; его опускаютъ въ воду во время его дѣтства. Распространенность такой редакціи свидѣтельствуетъ о ея первоначальности. Французскій романъ исказилъ планъ сказанія, и въ немъ явилось два убійства вмѣсто одного: кровосмѣситель Аполлонъ убиваетъ отца Садока и, кромѣ того, Такота. Вѣроятно было двѣ редакціи подъ рукой романиста; въ одной Таноръ выдавался за отца; ему была предсказана гибель отъ сына; сынъ выброшенъ въ лѣсъ (или, какъ въ другихъ легендахъ о кровосмѣсителѣ, въ воду), но онъ не погибъ и въ концѣ концовъ убиваетъ своего отца. Въ другой редакціи, вмѣсто имени Таноръ, стояло имя Садокъ. Кромѣ того, о Садокѣ была еще легенда, какъ о брошенномъ въ воду. Эта послѣдняя могла возникнуть вслѣдствіе перестановки имени; вмѣсто отца имя Садокъ могло быть придано сыну кровосмѣсителя и тогда о Садокѣ могъ сложиться разсказъ, какъ онъ, кровосмѣситель, плылъ на кораблѣ, какъ корабль сталъ гибнуть отъ бури, какъ явилось подозрѣніе, нѣтъ-ли грѣшника на кораблѣ и пр. Романистъ свелъ двѣ легенды—о кровосмѣсителѣ Аполлонѣ, сынѣ Танора, и о Садокѣ, брошенномъ въ море,—въ одно цѣлое, при чемъ, сохраняя за Садокомъ званіе отца кровосмѣсителя, ему пришлось Танора изъ отца передѣлать въ воспитателя. Въ первоначальной редакціи объ Аполлонѣ кровосмѣсителѣ въ воду былъ брошенъ, вѣроятно, не Садокъ, а Аполлонъ.

На степномъ востокѣ кровосмѣсительная тема связана съ именемъ Чингисъ-хана; собственно кровосмѣшеніе приписывается его сыну, который за это изгоняется изъ царства. Мы подозрѣваемъ, что въ другихъ варіантахъ кровосмѣшеніе приписывалось самому Чингису; такъ мы истолковываемъ сюжеты двухъ преданій о Чингисѣ: эпизодъ съ Шидургу и эпизодъ съ Ваномъ кирейскимъ. Мы думаемъ, что и Шидургу и Ванъ представлялись прежде отцами Чингиса. Для занимающей насъ теперь цѣпи сближеній особенно интересенъ эпизодъ о Шидургу. Чингисъ убиваетъ Шидургу-тюльгунъ-хана и женится на его женѣ; она оскопляетъ Чингиса и сама бросается въ рѣку.

Народное преданіе сливаетъ личность этой мстительной женщины съ богиней Цаганъ-дара-экэ. Имя Шидургу-тюльгунъ-ханъ монголы придаютъ также тибетскому царю Сронцзанъ-Гамбо, который женился на непальской царевнѣ, отожествляемой съ богиней Цаганъ-дара-экэ. О Сронцзанъ-Гамбо не разсказывается преданія въ томъ родѣ, какъ о Шидургу, но цареубійца является по сосѣдству съ нимъ; нѣсколько поколѣній спустя послѣ Сронцзанъ-Гамбо, разсказываетъ тибетское преданіе, нарождается насильникъ Ландарли, котораго убиваетъ Балъ-дорчжи. Въ статьѣ: „Акирь повѣсти и Акирь апокрифа“ мы высказали мнѣніе, что Ландарма и Сронцзанъ-Гамбо въ первоначальной редакціи преданія было одно лицо. Если это такъ, то, перенося на тибетскія имена сюжетъ преданія о Шидургу, мы должны въ эпизодѣ о Балъ-дорчжи, убивающемъ Ландарму, увидѣть разсказъ о Чингисѣ, убивающемъ Шидургу. И если оскопленіе Чингиса вызвано кровосмѣсительной темой, если въ женѣ Шидургу слѣдуетъ видѣть мать Чингиса, то въ преданіи о Балъ-Дорчжи надо допустить такое толкованіе: Балъ-Дорчжи—сынъ Ландармы; не сознавая этого, Балъ-Дорчжи убиваетъ Ландарму, женится на его женѣ, потомъ узнаетъ настоящій смыслъ своего поступка и обращается въ бѣгство, которое кончается заточеніемъ въ пещеру, можетъ быть, имѣющимъ значеніе покаяннаго состоянія. Въ Балъ-Дорчжи есть основаніе подозрѣвать бога Арья-Бало (см. наши статьи: „Повѣсть о Басаргѣ“, Этн. Об., XVII, 166, 169 и 171; „Греческій эпосъ и ордынскій фольклоръ“, Этн. Об., XXII, 60; „Къ сказкѣ о Маркѣ богатомъ“, Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Казанск. универс., XIII, 1895 г., стр. 10; Тангутотиб. окраина Китая, II, 168, 218).

При сопоставленіи французскаго романа съ монголотибетскими преданіями, лицамъ Шидургу и Ландармѣ будетъ отвѣчать Садокъ, а убійцѣ Балъ-Дорчжи, въ которомъ мы заподозрѣваемъ бога Арья-Бало,—Аполлонъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы имѣемъ въ виду провести параллель между Балъ-Дорчжи и Ильей Муромцемъ; оба они убиваютъ насильника, Балъ-Дорчжи убиваетъ Ландарму, Илья Муромецъ Идолище. Въ виду этого сближенія названіе сына Ильи Муромца Аполлонищемъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

У тюрковъ западной Сибири есть сказка объ Идыге. Она представляетъ такія сходныя черты съ книжнымъ разсказомъ о Чингисъ-ханѣ, что заставляетъ этотъ послѣдній разсказъ принять за древнетюркскую сказку, внесенную въ лѣтопись. Черезъ сюжеты, связанные съ именемъ Чингисъ хана, эту тюркскую сказку можно включить въ группу легендъ, окружающихъ культъ бога Арья-Бало. А между тѣмъ новые матеріалы къ этой сказкѣ, еще не напечатанные, но находящіяся у насъ подъ рукой,

приближаютъ ее къ типу кровосмѣсительныхъ леидъ. Указанія на грѣхъ съ матерью нѣтъ, но нѣкоторыя данныя ведутъ къ предположенію, что Тохтамышъ, при дворѣ котораго находился Идыге и который потомъ былъ убитъ, если не самимъ Идыге, то его сподручникомъ, былъ его отецъ. Можетъ быть была другая редакція, которая яснѣе передавала, что онъ былъ выброшенъ матерью, воспитался на чужбинѣ, явился ко двору своего отца и убилъ его, и кончилось тѣмъ, что онъ женился на своей матери. Въ сохранившихся варіантахъ осталось изъ этого сюжета только одно, что онъ былъ выброшенъ въ степи и что онъ убилъ своего отца (Тохтамыша). Нѣкоторые варіанты тюркской сказки начинаются съ того, что Идыге найденъ брошеннымъ въ степи, другіе же—разсказомъ о его матери и отцѣ, причемъ мать его, оказывается, была морская дѣва, т. е. *дочь морского царя* (какъ и жена Шидургу по бурятскому варіанту), слѣдовательно на Идыге приходится смотрѣть, какъ на внука морского царя. Кровосмѣситель западныхъ легендъ иногда выбрасывается не въ поле, а въ море; не было ли такого-же разсказа и объ Идыге?

Ордынскій востокъ знаетъ сказку, въ которой юноша получаетъ отъ *морского царя* невѣсту; иногда этотъ юноша музыкантъ; онъ играетъ на берегу моря подобно тому, какъ Садко игралъ на гусляхъ на берегу озера Ильменя, и получаетъ приглашеніе спуститься въ море къ морскому царю. Подобныя сказки я записалъ у монголовъ; вѣроятно, онѣ есть и у тюрковъ. Не стояло ли на этомъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ въ тюркскихъ редакціяхъ, имя Идыге? Въ монгольскихъ сказкахъ герой безъ имени; въ нѣкоторыхъ сказкахъ царь, который даетъ юношѣ предметы, доставляющіе богатство, и подъ которымъ повидимому тоже скрывается морской царь, называется Шацгай-ханъ. Можетъ быть это Шацгай есть испорченное изъ тюркскаго Идыге *), явившееся тутъ, какъ осмысленіе (*шацгай* по-монгольски „сорока"), перенесено на царя позднѣе, а первоначально это было имя юноши.

---

*) Варіаціи этого имени: въ киргизско-татарскихъ сказкахъ Идыгѣ-би или Идыгѣ-ни, въ мусульманскихъ лѣтописяхъ Идику, Идики. Тизенгау зенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящ. къ Исторіи Золотой Орды, т. I, Спб., 1884 г., стр. 457, 467 и 531), въ русскихъ лѣтописяхъ Едигей. Сюда же, вѣроятно, могутъ быть привлечены формы: Итыгиль въ одной киргизской сказкѣ, потому что въ ней также является имя Тохтомыша (собственно дочь Тохтомыша; Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., т I, стр. 526) и Джида нойонъ монгольскаго книжнаго сказанія, по сходству темы, которая съ нимъ связана, съ темой о Чингисѣ, въ свою очередь обставленной темами изъ сказки объ Идыге. Имя Идыге ср. съ тюркскими именами созвѣздія Большой Медвѣдицы: Идыганъ, Джетыганъ и т. п.

Вотъ эти-то двѣ гадательныя редакціи,—одна, по которой Идыгѣ ребенкомъ былъ опущенъ въ море, былъ найденъ и выращенъ на чужбинѣ, а потомъ встрѣтилъ отца и убилъ его, а другая, въ которой онъ являлся только гусляромъ, получающимъ невѣсту отъ морского царя,—и были занесены на западъ. Первый сюжетъ далъ основу для французскаго романа, второй для новгородской былины о Садкѣ.

Возлѣ Садока во французскомъ романѣ стоитъ Аполлонъ. Это А. Н. Веселовскому подало поводъ вспомнить въ русскомъ эпосѣ объ Аполлонищѣ, сынѣ Ильи Муромца; но онъ не обратилъ вниманія на одну подробность въ былинѣ о Садкѣ, которая также можетъ свидѣтельствовать о существованіи какихъ-то связей французскаго романа съ русскимъ эпосомъ. Мы говоримъ о финалѣ нѣкоторыхъ былинъ о Садкѣ. Садко ложится спать съ подаренной ему морскимъ царемъ невѣстой и просыпается на берегу рѣки Волхова. Этотъ эпизодъ напоминаетъ намъ Джиртушлюка одной киргизской сказки, который (нагой) ложится спать съ дѣвицей, по аналогіи судя, съ дочерью морского царя, и пробуждается одинъ на берегу воды. Мы сближали уже этотъ эпизодъ съ разсказомъ объ Аполлоніи, ѣздившемъ въ Вавилонъ и очутившемся на берегу источника безъ одежды. Отсюда можно догадываться, что въ первоначальной сказкѣ, послужившей основой былинѣ, вмѣсто Садки могло стоять Аполлоній.

Г. Потанинъ.

Домашнее воспитаніе женщины

у Армянъ Эриванской губерніи.

Армяне въ деревняхъ уже трехъ-четырехъ-лѣтнимъ дочерямъ своимъ даютъ понять, что онѣ по полу разнятся отъ мальчиковъ, и что онѣ не должны близко вмѣшиваться въ игры мальчиковъ и имѣть съ ними частыя сношенія, хотя-бы послѣдніе были самые близкіе кровные родственники. Такъ, если армянка встрѣтитъ на улицѣ дѣвушку лѣтъ четырехъ-пяти, играющую съ мальчиками, то она выговоритъ ей вродѣ слѣдующаго: „Чтобы твои волосы обрѣзались! Ты съ мальчиками какое дѣло имѣешь? О, какой дуракъ послѣ женится на тебѣ!“.

Вотъ съ этого младенческаго возраста армянская дѣвушка живетъ совсѣмъ отдѣльною жизнью отъ своихъ сверстниковъ мальчиковъ и, можно сказать, она на этомъ жизненномъ поприщѣ не сходится съ ними близко духовно; хотя и выходитъ замужъ, но не живетъ съ мужемъ одной общей жизнью; она, со свойственной замкнутымъ людямъ наблюдательностью, изучаетъ только нѣкоторыя анормальныя черты характера своего супруга, которыя обнаруживаются въ домашнемъ обиходѣ и помрачаютъ безъ того грустную жизнь ея, и старается предупреждать ихъ своимъ нѣжнымъ обхожденіемъ, а въ остальномъ она столько же знаетъ своего сожителя, какъ мы своихъ шапочныхъ знакомыхъ.

Эта разрозненность половъ даже не осталась безъ сильнаго вліянія и на армянскую народную литературу: нельзя указать на какое-либо произведеніе народной фантазіи, гдѣ было-бы обращено должное вниманіе на духовную жизнь женщины, а сплошь и рядомъ, гдѣ дѣло касается женщины, пѣсня-ли то или другое народное произведеніе, идетъ перечень наружныхъ женскихъ достоинствъ: описаніе черныхъ глазъ, бровей, волосъ, губъ, зубовъ, рта, носа, лица, даже ножекъ; и народные пѣвцы или „ашуги“, какъ ихъ называютъ туземцы, разсказывая свои чудесныя сказки въ зимніе вечера предъ многочисленной публикой мужчинъ разныхъ возрастовъ, начиная лѣтъ съ 10 – 12, и женщинъ, по заведенному обычаю, начинаютъ сказку съ восхваленія наружной красоты героини, о которой идетъ разсказъ; при этомъ разсказчикъ передаетъ прелести ея не своими словами, а повторяетъ разъ навсегда формулированный идеалъ желанной армянами женской красоты цѣлымъ поколѣніемъ „ашуговъ,“ при чемъ онъ

начинаетъ съ восхваленія, въ самой сладострастной и возбуждающей формѣ, волосъ, черныхъ глазъ бровей и кончаетъ бѣленькими ножками, грудями... а о неувядающихъ добродѣтеляхъ женщины — ни слова, да и гдѣ могъ изучить онъ ихъ! Въ дальнѣйшемъ разсказѣ онъ передаетъ внѣшнія похожденія героевъ, выставляетъ животныя побужденія ихъ и все передаетъ съ такою откровенностью и такимъ реализмомъ, до котораго не дошелъ ни одинъ французскій реалистъ, и доходитъ до такого цинизма, что иному слушателю стыдно за разсказчика.

„У дѣвушки,—говоритъ армянинъ,—кожа толстая".

„У дѣвушки лицо крѣпкое; если бросить ее подъ жерновъ мельницы, и то живымъ выйдетъ".

И много подобныхъ приведеннымъ выраженій у армянскаго простонародія подтверждающихъ мысль итальянскаго сенсаціоннаго писателя Ломброзо, что женщины гораздо нечувствительнѣе мужчинъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи [1]), и соотвѣтственно приведеннымъ пословицамъ тяжела и жизнь сельской дѣвушки. Родители не даютъ ей такихъ поблажекъ, какія допускаются мальчикамъ, такъ что для мальчика и дѣвушки существуютъ двѣ мѣры и двое вѣсовъ. Возвращаясь домой отъ трудныхъ дневныхъ работъ, крестьянинъ находитъ большое удовольствіе, забавляясь съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ. Онъ иногда приноситъ ему что-нибудь лакомое: горсточку изюму, орѣхъ или одну конфетку и, показывая ему сласти, подзываетъ его къ себѣ. Отъ этого въ деревенской средѣ мальчики особенно привязываются къ своимъ отцамъ. Конечно, маленькій лакомка бросается къ сластямъ, въ особенности, если отецъ скажетъ; „иди, а то сестрѣ (конечно, если дома имѣются мальчикъ и дѣвочка) твоей дамъ". Отецъ, давая сыну сласти, заставляетъ его ругать сестру и, какъ-бы въ шутку, говоритъ: „собачья дочь, ты думала, что отецъ для тебя принесъ сласти?— нѣтъ, для меня"... Вся эта комедія разыгрывается съ дѣтьми не потому, что отецъ любитъ единственно сына, а дочь ненавидитъ, а потому, что отецъ болѣе любитъ сына, чѣмъ дочь, и желаетъ первому доставить больше удовольствія, да и себя распотѣшить, но его тупой умъ не можетъ разыскать, кромѣ приведеннаго, другихъ средствъ, и онъ не можетъ оцѣнить достаточно деморализующаго вліянія приведенныхъ шутокъ на формирующійся дѣтскій характеръ. Повеселившись съ сыномъ, отецъ

[1]) Но надо полагать, что громадная разница между притупленной нечувствительностью подавленной крестьянки и относительно развитой чувствительностью интеллигентной женщины доказываетъ, что нечувствительность женщины не есть что-то прирожденное женской природѣ, а происходитъ отъ воспитанія.

отпускаетъ его съ наставленіемъ, чтобы онъ изъ полученныхъ сластей не далъ сестрѣ. Конечно, когда ребенокъ отходитъ отъ отца, къ нему приступаетъ сестра и проситъ у него сладости. Ребенокъ сердится, отказывается, ругается, но ничто не помогаетъ; тогда онъ обращается съ жалобой къ отцу, и отецъ совѣтуетъ тумпаками отгонять отъ себя назойливую просительницу. Мальчикъ бьетъ сестру чѣмъ попало: и руками, и палкой (иногда ради потѣхи родители натравляютъ дѣтей другъ на друга), попадись подъ руку разошедшагося драчуна камешекъ, онъ и имъ швыряетъ. Обиженная сестра поднимаетъ плачъ, но это болѣе тѣшитъ отца, и онъ, вмѣсто того, чтобы пріостановить разошедшагося трехъ-четырехъ-лѣтняго мальчугана, еще потворствуетъ ему; зато, хотя въ очень рѣдкихъ случаяхъ, послѣдствіями такихъ шутокъ являются увѣчья на всю жизнь, когда во-время непріостановленный разошедшійся мальчикъ (а дѣти своей злостью превосходятъ старшихъ и, по непониманію послѣдствій своихъ поступковъ, безстрашны), палкой или камнемъ попадаетъ въ глазъ такъ, что послѣдняя иногда слѣпнетъ на всю жизнь. Мнѣ приходилось видѣть одну женщину, которую въ дѣтствѣ ослѣпилъ на одинъ глазъ ударомъ ея трехлѣтній братъ.

Самое главное зло заключается въ томъ, что подобныя обращенія родителей съ мальчиками, пріучаютъ ихъ видѣть себя чѣмъ-то старше своихъ сестеръ, а въ послѣдующихъ возрастахъ бить и тиранить сперва сестру, а потомъ и жену. Мнѣ не мало приходилось видѣть, какъ 10—12-лѣтніе мальчики бьютъ и хватаютъ за волосы своихъ гораздо большихъ сестеръ Съ этого-же времени дѣвушка узнаетъ, что если она пожалуется на безчинства и побои брата, то ей оттого не лучше будетъ, а, пожалуй, еще родители прибьютъ ее; оттого она безъ протестовъ переноситъ побои младшаго брата, а о старшемъ и говорить нечего, и постепенно убѣждается какъ бы въ его превосходствѣ надъ собою, и до того свыкается съ своимъ положеніемъ, что подъ конецъ смотритъ на мужчину, какъ на выше себя стоящее созданіе, и выходитъ замужъ въ полной увѣренности, что мужъ ея, кто бы онъ ни былъ, „царь ея головы“ и имѣетъ полное право прибить ее, когда только ему вздумается. Благодаря вышеизложенному отношенію между полами, ненарушимо держится въ армянской семьѣ восхваляемое Гакстгаузеномъ цѣломудріе женщины. Не смотря на такія ненормальныя отношенія между братомъ и сестрой, сестра любитъ своего брата болѣе даже мужа, а братъ смотритъ на нее, какъ на существо ниже себя, и даже по этому поводу у армянъ пословица сложена: „сестра сказала: брата имѣю, а братъ сказалъ: сестры не имѣю“. Лучшимъ протестомъ армянской женщины противъ своего угнетен-

наго положенія служитъ часто повторяемая сельской женщиной поговорка: „лучше одноглазой родилась-бы, да мужчиной".

Все, что сходитъ мальчику благополучно, за то дѣвушка получаетъ отъ матери выговоръ: „смотри ты, дѣвушка, выйдешь замужъ, за такія поступки свекровь твоя всѣ волосы твои вырветъ". Бѣдная мать съ потаенной грустью смотритъ на дочь и, припоминая свое прошедшее, мысленно забѣгаетъ впередъ, представляетъ себѣ домъ, куда можетъ попасть ея дочь, и жизнь, которую та должна будетъ влачить въ незнакомой ей семьѣ.

Деревенскія дѣвушки съ самаго ранняго дѣтства ведутъ замкнутую и болѣе сидячую жизнь. Онѣ для своихъ игръ собираются въ потаенныя мѣста, гдѣ-бы ихъ не могли видѣть мужскіе глаза. Такими мѣстами служатъ домъ одной изъ подругъ, если родителей той нѣтъ дома; или нѣсколько дѣвушекъ собираются вмѣстѣ на поле за съѣдомыми кореньями или травой, которыя армянами употребляются въ пищу, и тамъ улучаютъ время для игры.

Бѣдность и другія тяжелыя условія крестьянской жизни принуждаютъ сельскихъ дѣвушекъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ принимать участіе въ домашнихъ работахъ, и очень мало времени остается имъ для забавъ и игръ Потому и число игръ у армянскихъ дѣвушекъ крайне бѣдно и, самое главное, въ этихъ играхъ не требуется ни какихъ тѣлодвиженій, а больше надо сидѣть сгорбившись, съ поджатыми ногами на землѣ, что въ гигіеническомъ отношеніи крайне вредно: дѣвушка при началѣ игры какъ сядетъ съ поджатыми ногами на одно мѣсто, и до конца остается на томъ-же мѣстѣ, отъ этого и происходитъ ихъ большая неуклюжесть. Главнымъ образомъ, деревенскія дѣвушки приготовляютъ куклы и играютъ въ куклы, такъ что иная невѣста (у армянъ выходятъ замужъ дѣвушки отъ 13—14 лѣтъ) при выходѣ замужъ беретъ съ собою свою любимую куклу и прячетъ у себя. Также принята между болѣе взрослыми дѣвушками игра въ женихи. Взрослыя дѣвушки приводятъ съ собою своихъ трехъ-четырехъ-лѣтнихъ братьевъ и сестеръ, наряжаютъ ихъ въ жениха и невѣсту, одна изъ взрослыхъ принимаетъ на себя роль священника, и представляютъ всѣ обряды свадьбы, даже брачное ложе, только сутки у нихъ замѣняются минутами.

Хотя армяне не такъ любятъ своихъ дочерей, какъ мальчиковъ, и даже при смерти дѣвушки сосѣдки родителей послѣдней утѣшаютъ ихъ словами: „благодарите Бога, что дѣвочка умерла, а не мальчикъ", или: „хорошо еще, что дѣвочка умерла, а не мальчикъ: по крайней мѣрѣ, она теперь освободилась отъ тѣхъ горестей и страданій, какія ей пришлось-бы перенести въ чужихъ (подразумѣвается домъ будущаго мужа) домахъ",—тѣмъ не менѣе они гораздо болѣе заботятся о внѣшней одеждѣ дѣвушки, чѣмъ

мальчика. Такъ, вы никогда не увидите полунагую дѣвушку на сельскихъ улицахъ, что не большая рѣдкость между мальчиками такого-же возраста. Дѣвочка лѣтъ семи уже принимаетъ нѣкоторое участіе въ домашнихъ работахъ и является помощницей своей матери. Она понемногу учится по утрамъ подметать дворъ, смотритъ за младшими братьями и сестрами; эту послѣднюю обязанность она несетъ иногда съ четырехъ-пяти-лѣтняго возраста; маленькимъ кувшинчикомъ, спеціально для нея купленнымъ родителями, по утрамъ и вечерамъ на плечѣ съ матерью вмѣстѣ носитъ чистую воду для домашняго употребленія, доставляетъ дрова и кизяки для очага и исполняетъ подобныя приведеннымъ мелкія работы. Поздней осенью, въ началѣ лѣта, осенью, если мать идетъ полоть вату ли, огородъ, на сборъ древесныхъ плодовъ, винограда или ваты, она беретъ съ собой также своихъ дочерей, которыя могутъ сколько нибудь подсоблять ей, приносить нѣкоторую пользу и облегчить трудъ матери. При обращеніяхъ съ дочерью матери отличаются грубостью и цинизмомъ въ выраженіяхъ. Не говоря о колотушкахъ и сильныхъ проклятіяхъ, сыплющихся на голову маленькой дѣвушки, ей чуть-ли не ежедневно приходится слышать: „чтобы я видѣла локоны твои окровавленными“, „чтобы ты до своей свадьбы, не дожила“, „чтобы ты ослѣпла“, „ахъ ты публичная женщина“, и много подобнаго. Деревенскій армянинъ единственно заботится, какъ-бы поскорѣе дождаться времени, чтобы свою дочь замужъ выдать. 17—18 лѣтъ дѣвушка считается старой дѣвой, а о ея умственномъ развитіи нисколько не заботятся. Нечего говорить о томъ, что въ большинствѣ случаевъ на грамотность женщины деревенскій армянинъ смотритъ, какъ на несоотвѣтствующее женскому полу дѣло, потому и старается подальше держать отъ нея свою дочь. Стыдливость, молчаніе, покорность составляютъ главныя добродѣтели дѣвушки. Взрослая дѣвушка невѣста, въ своемъ домѣ не вмѣшивается въ разговоры старшихъ, и на предложенные ей вопросы старается, по возможности, отвѣчать кратко, съ незнакомыми же вовсе не говоритъ, а, опустивъ голову, объясняется мимикой. При хожденіи по улицѣ, она не смотритъ по сторонамъ, а идетъ со спущенными внизъ глазами. Если армянинъ хвалитъ нравственность и развитіе дѣвушки, то онъ не вдается въ перечисленіе и восхваленіе ея прекрасныхъ душевныхъ качествъ, а скажетъ вамъ: „до того хорошая дѣвушка, что если кусокъ тѣла ея отрѣжешь, и то голоса не издастъ“. И это качество дѣвушки армянинъ особенно хвалитъ потому, что покорность и выносливость нравственныхъ и физическихъ ударовъ составляютъ добродѣтели, на которыхъ главнымъ образомъ зиждется патріальхальный строй армянской семьи, и безъ этихъ добродѣтелей семьѣ угрожаютъ частые дѣлежи и вѣчныя ссоры и дрязги; въ настоящее время лишь въ нѣкоторыхъ заходустьяхъ

можно встрѣтить семьи, въ которыхъ 5—6—7 женатыхъ братьевъ живутъ нераздѣльно вмѣстѣ. Болѣе взрослая дѣвушка употребляется исключительно на домашнія работы: она уже учится помогать матери при приготовленіи кушаній, но въ этомъ случаѣ она не имѣетъ права самостоятельно стряпать, а по приказанію матери, бабушки или одной изъ невѣстокъ кладетъ соли, крупы, крошитъ лукъ, подаетъ ложку, шьетъ скроенную одежду, вяжетъ носки или шерстяную матерію для домашняго употребленія, подметаетъ комнату, стелетъ и убираетъ постели. Только болѣе состоятельные родители, или у кого безъ того много рабочихъ рукъ, даютъ свою дочь лѣтъ съ 9—10 до 12—13-лѣтняго возраста на ученье „уста“ (мастерицѣ) или какъ еще называютъ „варжуи“ (учительницѣ). Послѣдняя въ большинствѣ случаевъ безграмотная женщина, но отъ своихъ односельчанокъ она отличается умѣніемъ лучше кроить (рѣдкая сельская женщина умѣетъ кроить себѣ платье), шить и знаетъ рукодѣліе; къ ней опредѣляютъ дѣвушекъ учиться только этому. Каждая учительница имѣетъ отъ 4—10—15 ученицъ. Ученицы приходятъ къ учительницѣ съ ранняго утра съ своими работами и работаютъ до обѣда; въ полдень возвращаются къ себѣ полудневать и опять возвращаются къ учительницѣ и остаются у ней до вечера. Дѣвушки ходятъ къ мастерицѣ на ученье только зимою, по прекращеніи всѣхъ полевыхъ работъ. Учительница за ученье отъ родителей ученицъ по воскресеніямъ и большимъ праздникамъ получаетъ въ видѣ вознагражденія хлѣбъ, сыръ, масло и т. п., а при выходѣ ученицы замужъ, она на свадьбѣ занимаетъ почетное мѣсто, и ей дѣлаютъ подарокъ. Взрослыя дѣвушки не допускаются ни въ какія мужскія общества и, куда бы она ни ходила, за ней слѣдятъ два зоркихъ женскихъ глаза. Мѣстомъ для обмѣна мыслями, передачи новостей у женщинъ и дѣвушекъ служитъ фонтанъ или канава, откуда черпаютъ воду и куда, по утрамъ и вечерамъ, собираются женщины и дѣвушки по воду и, въ ожиданіи очереди, занимаются разсказами.

Для характеристики взаимныхъ отношеній между армянскимъ мужчиной и женщиной, считаю умѣстнымъ привести нижеслѣдующую маленькую сказку.

Овчи Кярамъ[1]).

Одинъ маленькій мальчикъ, по имени Кярамъ, съ самаго ранняго дѣтства вмѣстѣ съ отцомъ отправлялся на охоту; а по

[1]) „Овчи“,—слово татарское и означаетъ охотникъ, но эта сказка армянская. До завоеванія края Россіею, въ Эриванской губерніи господствующимъ языкомъ служилъ татарскій, и по настоящее время армянскіе „ашуги“ приступъ сказки передаютъ на татарскомъ языкѣ.

смерти отца охотничество стало единственнымъ занятіемъ его. Во всякое время года день и ночь съ ружьемъ за плечами Кярамъ бродилъ по лѣсамъ за дичью и даже не хотѣлъ жениться, чтобы семья не отвлекала его, потому и въ народѣ получилъ прозвище „Овчи“. Въ одинъ знойный лѣтній день Кярамъ съ самаго ранняго утра бродилъ по полямъ и лѣсамъ, и солнце склонялось къ закату, а въ этотъ день, какъ на зло, ни одна дичь не попадалась, съ пустыми же руками онъ не хотѣлъ вернуться домой. Отъ долгой ходьбы Кярамъ усталъ и, прислонившись къ одному дереву, задремалъ; но не долго продлился сонъ: не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, сомкнуть глазъ, какъ его разбудилъ сильный свистъ: онъ очнулся и видитъ, что одна ужасно гадкая черная змѣя обвилась кругомъ маленькой, красивенькой змѣйки и душитъ ее, а та свистомъ проситъ о помощи. Сжалился Кярамъ надъ маленькой змѣйкой и однимъ вѣрнымъ выстрѣломъ въ глазъ безъ дыханною оставилъ на мѣстѣ черную змѣю и опять задремалъ. Какъ проснулся Кярамъ, видитъ, около него стоитъ на хвостѣ спасенная змѣя и то отгоняетъ отъ него мухъ, то лижетъ его руки, а потомъ заговорила съ нимъ человѣческимъ голосомъ: «Я сынъ такого-то змѣинаго царя, а та гадкая змѣя, которую ты убилъ, нашъ врагъ. Я одинъ вышелъ на камни грѣться, а противница, оказывается, стерегла меня по пятамъ и искала удачнаго случая и, улучивъ удобную минуту, похитила меня, чтобы убить, но ты спасъ мнѣ жизнь. Теперь пойдемъ вмѣстѣ къ отцу моему, и я ему обо всемъ подробно разскажу. Только смотри, онъ тебѣ, въ благодарность за спасеніе жизни моей, предложитъ свое, что только ты захочешь, но ты три раза отвѣчай: „желаю быть тебѣ здоровымъ“. Когда же онъ тебѣ скажетъ: „на что тебѣ мое здоровье? попроси что нибудь полезное для тебя“, тогда ты попроси, чтобы онъ языкомъ своимъ провелъ по твоему языку, а если этого не согласится сдѣлать, скажи ему: „Государь, ты самъ предложилъ мнѣ, чтобы я просилъ у тебя, что захочу: сперва я ничего не хотѣлъ, но по твоему настоянію попросилъ, если же не хочешь исполнить своего обѣщанія, то опять-таки будь здоровъ? а я иду“, и уходи».—Послѣ даннаго наставленія змѣиный царевичъ взялъ своего избавителя къ отцу своему и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Обрадованный змѣиный царь сталъ предлагать Кяраму все, что только тотъ пожелаетъ. Кярамъ кланялся ему и говорилъ: „Царь! желаю быть тебѣ здоровымъ, и мнѣ больше ничего не надо“.—„Землеродный,“—сказалъ ему змѣиный царь,—„зачѣмъ Бога обманывать? Что за польза тебѣ отъ моего здоровья? Попроси что нибудь для тебя полезное“—„Царь, если хочешь сдѣлать мнѣ добро, то обведи своимъ языкомъ по моему языку“.—„Невозможнаго ты просишь“.—„Въ такомъ случаѣ, будь здоровъ, государь; я охотникъ, и твои подарки будутъ для меня въ тягость, лучше уйду такъ“. Кярамъ направился къ дверямъ уйти,

а за нимъ выползъ и спасенный змѣиный царевичъ. Царь пріостановилъ сына и, спросивъ его, почему уходитъ онъ съ охотникомъ, получилъ отвѣтъ: „Отецъ! этотъ человѣкъ спасъ мнѣ жизнь и за это онъ отъ тебя ничего не хотѣлъ, но ты пріостановилъ его и, не желая остаться у него въ долгу, предлагалъ ему, чтобы онъ попросилъ у тебя, что захочетъ; когда-же онъ попросилъ, ты отказываешься исполнить его просьбу. Я иду за нимъ служить ему, такъ-какъ онъ спасъ мнѣ жизнь и моя жизнь ему принадлежитъ, а ты не захотѣлъ выкупить ее". Царю трудно было разстаться съ единственнымъ сыномъ своимъ, онъ вернулъ охотника, взялъ отъ него клятву, что если онъ кому-либо разскажетъ о полученномъ дарѣ отъ него, чтобы онъ на мѣстѣ умеръ, языкомъ обвелъ по его языку и отпустилъ. Охотникъ, какъ вышелъ изъ палатъ змѣинаго царя, чувствуетъ, что все, что происходитъ на землѣ и подъ землею, ему становится извѣстно. На дорогѣ къ дому онъ напалъ на оленя, котораго доила хозяйка его „пери" [1]), и выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ. Олень упалъ и опрокинулъ молоко, а разсерженная „пери" сказала: „чтобы засохъ имѣющій на себѣ лукъ, изъ котораго убили мою корову". Для Кярама не осталось тайной проклятіе „пери", и пока она не окончила своего проклятія, перебросилъ съ себя лукъ на дерево, и дерево засохло. Любуясь моментально засохшимъ деревомъ, Кярамъ припомнилъ народное изреченіе: „ешъ кясанъ, дашъ кясанъ, башъ кясанъ, балхчи, илаи, илаи овчи" [слова татарскія и означаютъ: рѣжущій сыросты (поливка), рѣжущій камень (гиря), рѣжущій головы (убійца), рыболовъ, въ особенности, въ особенности охотникъ (т. е. счастья не увидятъ)], и, рѣшивши въ душѣ болѣе никогда не ходить на охоту безъ лука, вернулся къ себѣ домой.

Прошло съ этого достопамятнаго дня не мало лѣтъ. Кярамъ уже былъ женатъ, отецъ дѣтей и полный хозяинъ. Въ одинъ лѣтній день онъ съ семьей отправился на кочевку, при чемъ жена его была въ интересномъ положеніи, сидѣла на такой же кобылѣ и на рукахъ держала грудного ребенка; сзади ея сидѣлъ 6—7 лѣтній мальчикъ, за кобылой бѣжалъ ея однолѣтній жеребенокъ, а рядомъ съ женой ѣхалъ Кярамъ. Послѣ долгой ухабистой дороги, маленькій жеребенокъ сталъ понемногу отставать и жалобно заржалъ. На ржаніе жеребенка откликнулась кобылица; опять заржалъ жеребенокъ, отвѣтила кобылица и уменьшила шаги. Разговоръ жеребенка съ кобылицей разсмѣшилъ Кярама, и онъ громко захохоталъ; а жена пристала къ нему съ распросами, зачѣмъ онъ, ни съ того, ни съ сего, такъ засмѣ-

[1]) О „пери" смотри мою статью въ XVII в. Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа: „Изъ повѣрій, предразсудковъ и народныхъ примѣтъ армянъ Эчміадзинскаго уѣзда".

ялся. „Какъ не смѣяться?“ замѣтилъ Кярамъ: „маленькій жеребенокъ сказалъ матери (кобылѣ): „потише иди, а то я не успѣваю за тобой“. Мать отвѣтила: „сынокъ, какъ это я несу 6 душъ, а ты одинъ не успѣваешь за мною“.—„Откуда ты несешь шесть душъ?“ спросилъ жеребенокъ, а мать объяснила: „я—одна, въ животѣ у меня—другой, хозяйка наша—три, въ рукахъ у нея—четыре, сзади ея сидитъ—пять, а шестой у нея въ животѣ“, и уменьшила шаги, потому я засмѣялся“. Съ того времени денно и нощно жена приставала къ Кяраму съ просьбою, чтобы онъ объяснилъ ей, какимъ образомъ онъ узнаетъ языкъ лошадей; а Кярамъ, по данной имъ клятвѣ змѣиному царю, не долженъ былъ разсказывать объ этомъ никому, иначе онъ, не докончивши начатаго разсказа, умеръ-бы. Неотвязчивыя просьбы такъ надоѣли Кяраму, что онъ въ одинъ день вечеромъ рѣшилъ разсказать женѣ обо всемъ и умереть. Утромъ, какъ только предчувствовала объ этомъ дворовая собака (по представленію какъ армянскаго, такъ и татарскаго населенія, животныя узнаютъ все, что происходитъ во вселенной), она грустная лежала у двери, шалѣла, даже не ѣла брошеннаго ей хлѣба. Къ вечеру пѣтухъ съ курами, кудахча, собрались около собаки поклевать выброшенный ей хлѣбъ. Не по сердцу было собакѣ веселье пѣтуха и она сказала ему: „Какая ты глупая птица! Знаешь, что нашъ хозяинъ сегодня умретъ, а все-жъ таки веселишься; а о томъ не думаешь, что завтра его не будетъ, и васъ зажарятъ на сковородѣ, а меня со двора прогонятъ“.—„Ты сама умное животное, что скорбишь и жалѣешь о глупомъ человѣкѣ! Какъ это люди гордятся, что они умнѣе всѣхъ! Каждому пѣтуху даютъ по 10—15—20 женъ, а сами не могутъ управлять одной женой. Какъ-же мы управляемъ столькими женами?“—„Эхъ, братъ, не говори этого. Легче управлять однимъ селомъ, чѣмъ одной негодной сварливой женой, а, вѣдь, наша хозяйка, самъ ты знаешь, изъ такихъ!“—„Этого ты не говори; развѣ между моими курами не попадаются такія? Даже очень много, но какъ побью ихъ по головѣ, за хохлы потяну, онѣ становятся смирнѣе смирныхъ. А хозяинъ нашъ посадилъ жену на голову себѣ! еще бы не быть ей нехорошей! Пусть вечеркомъ привяжетъ ее къ столбу, да и хорошенько побьетъ ее, тогда она не только не попроситъ его разсказать, какъ это онъ понимаетъ языкъ животныхъ, а когда самъ хозяинъ заведетъ о томъ рѣчь, она сама переведетъ разговоръ на другіе предметы или попроситъ совсѣмъ молчать“. Кярамъ во время приведеннаго разговора лежалъ въ палаткѣ и все слышалъ, а когда вечеромъ жена приступила къ нему съ просьбой разсказать, откуда онъ получилъ даръ разумѣнія языка животныхъ, онъ привязалъ ее къ столбу и такъ избилъ ее, что она лежала до самаго утра безъ чувствъ; а когда очнулась, пришла въ себя, и самъ Кярамъ предложилъ ей выслушать разсказъ,

откуда онъ получилъ даръ разумѣнія языковъ, то она отвѣтила: „теперь я занята и некогда мнѣ слушать твой разсказъ; лучше отложи до болѣе удобнаго случая".

Съ этого времени армяне мало по-малу узнали о благотворномъ вліяніи побоевъ—и бьютъ своихъ женъ [1]).

Священ. **Г. Бунятовъ.**

---

[1]) Приведенная сказка записана мною въ 1892 году, въ селеніи Баяндуръ, Александропольскаго уѣзда, въ бытность мою смотрителемъ Баяндурскаго двухкласснаго земскаго училища. *Авт.*

СМѢСЬ.

ЧЕШСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА 1895 года.

«Лучше поздно, чѣмъ никогда».

16 мая (н. с.) 1895 г. была открыта въ одномъ изъ подгородныхъ парковъ Праги (Stromovka-Baumgarten) Чешско-словацкая этнографическая выставка. Эта выставка послѣ Московской этнографической (1867 г.), несомнѣнно, является самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ подобнаго рода предпріятій въ области славянской этнографіи; несомнѣнно, является она образцовой съ точки зрѣнія полноты въ выбранныхъ ею предѣлахъ и мастерской по организаціи этого сложнаго, труднаго дѣла. Выпущенный ко дню открытія выставки каталогъ (которымъ главн. обр. мы и пользуемся въ настоящей замѣткѣ) служитъ лучшимъ тому доказательствомъ [1]). Систематично и поучительно составленный каталогъ не только перечисляетъ и объясняетъ выставленные матеріалы по этнографіи края, но даетъ намъ также возможность узнать, какъ устроилась эта замѣчательная выставка. Начнемъ поэтому съ исторіи созданія выставки.

Идея устроить этнографическую выставку возникла въ Чехіи еще во время юбилейной промышленной выставки 1891 г. [2]). Въ числѣ множества предметовъ промышленности чешской, чешскаго искусства, выставлена была чешская народная хата, построенная съ точнымъ соблюденіемъ снаружи и внутри всѣхъ подробностей типичной народной хаты со всей ея обстановкой. Не смотря на то, что хата эта ютилась вдали отъ великолѣпныхъ дворцовъ и павильоновъ, наполненныхъ произведеніями промышленности и искусства края, не было на выставкѣ зданія болѣе посѣщаемаго, нежели эта хата; также охотно посѣщался и этнографическій отдѣлъ юбилейной выставки, расположенный на галлереѣ промышленнаго отдѣла, самъ по себѣ очень незначительный. Это интересное наблюденіе организаторовъ выставки 1891 г., поддерживаемое выдающимся успѣхомъ самой выставки въ чешскомъ

[1]) Národopisná výstava českoslovanská v Praze. Hlavní katalog a průvodce (red. Jos. Kafka). Пользуюсь 3-мъ изданіемъ.

[2]) Въ память столѣтія первой Чешской выставки 1791 года. Выставка носила, въ силу политическихъ обстоятельствъ, характеръ преимущественно чешскій, при незначительномъ участіи нѣмецкаго элемента края.

народѣ, а также сознававшаяся раньше потребность представить себѣ въ возможной полнотѣ своеобразный бытъ чешско-словацкій, такъ быстро теряющійся надъ напоромъ культурныхъ условій,—все это взятое вмѣстѣ привело чешскаго писателя *Ф. А. Шуберта* [1]) къ мысли устроить общими усиліями всѣхъ слоевъ населенія этнографическую чешско-словацкую выставку въ краѣ и при томъ въ возможно обширныхъ размѣрахъ и съ возможной полнотою. Одновременно съ этой мыслію ему въ голову приходила и другая, именно, что эта выставка могла бы въ то же время послужить основой для постояннаго этнографическаго чешскаго музея [2]), а равно и крупнымъ подспорьемъ для большого труда по чешско-словацкой этнографіи, который могъ бы издаваться при музеѣ. Для осуществленія этого плана Ф. А. Шубертъ обратился къ интересующимся этнографіей лицамъ съ письмомъ (7 іюля 91 г.), въ которомъ изложилъ свой планъ и указывалъ способъ организаціи этого предпріятія. Его починъ, дѣйствительно, встрѣченъ былъ сочувственно въ Чехіи, на Моравѣ, въ Силезіи и у словаковъ въ Венгріи, такъ что уже 28 іюля 1891 года оказалось возможнымъ устроить въ Прагѣ собраніе для болѣе основательнаго обсужденія предложенія Шуберта. Собраніе рѣшило устроить выставку въ 1893 г., поручило подготовительныя работы комиссіи, для этого спеціально тутъ же выбранной, одобрило также и вторую половину мысли Шуберта—изъ предметовъ выставки положить начало этнографическому музею, а на основаніи коллекцій выставки и музея устроить изданіе этнографическаго труда, и наконецъ постановило, чтобы для болѣе успѣшнаго выполненія этихъ задачъ, а также въ помощь организаціонной коммиссіи создано было этнографическое общество (Národopisná společnosť), на обязанности котораго перешло бы впослѣдствіи постоянное веденіе дѣла комиссіи—собираніе матеріаловъ для музея. Съ этого и началось дѣло организаціи выставки. Подготовительная комиссія нашла необходимымъ образовать центральный комитетъ въ Прагѣ, который бы объединилъ въ своихъ рукахъ дѣятельность областныхъ комитетовъ, разсѣявшихся по краю. Эти областные комитеты устраивали мѣстныя этнографическія выставки, чѣмъ оказали большія услуги, какъ по собиранію матеріала, такъ и по популяризаціи идеи общей чешско-словацкой этнографической выставки. Такихъ выставокъ въ разныхъ мѣстахъ въ промежутокъ 1892—95 г.г. было устроено до 200. Матеріальная сторона дѣла была обезпечена главнымъ образомъ сеймомъ, ассигновавшимъ на выставку 62 тыс. гульденовъ, а также со стороны города Праги и многихъ другихъ городовъ, отдѣльныхъ учрежденій и лицъ, жертвовавшихъ или прямо деньгами или запи-

[1]) Если не ошибаюсь, Ф. А. Шубертъ до послѣдняго времени стоялъ во главѣ управленія Чешскаго театра (České národné divadlo).

[2]) Такого музея въ Прагѣ не было, если не считать музейчикъ Напрстка носящій смѣшанный, до извѣстной степени обще-славянскій характеръ.

сывавшихся на гарантирующій дѣло фондъ (fond garanční). Подготовительныя работы оказались сложнѣе, нежели предполагалось, а тутъ явились кое-какія осложненія внутреннія политическаго характера,—все это сдѣлало невозможнымъ открыть выставку въ 1893 г., а только два года спустя.

Главная цѣль, которую поставили себѣ организаторы выставки, была: представить картину, возможно полную, жизни и быта чешско-словацкаго народа на исходѣ 19 столѣтія, а также показать исторію развитія народа, развитія въ немъ просвѣщенія, промышленности. Поэтому цѣлію организаторовъ стало собрать, сколько возможно, прежде всего то, что составляетъ особенность чешско-словацкаго народа, чѣмъ этотъ народъ отличается отъ другихъ народовъ славянскихъ и неславянскихъ. Поэтому первая группа предметовъ (skupina A) посвящена общимъ отношеніямъ Чехіи, Моравіи, Силезіи и Словеніи къ окружающимъ странамъ: это—географическое описаніе края (zeměpis), статистика населенія края (славянскаго), антропологическія особенности чехо-словаковъ, языкъ ихъ (діалектологія). Вторая группа (skupina B) обнимаетъ: домостроительство народное (жилище), одежду, нравы и обычаи, чтеніе народное, пѣсни, танцы (вообще народную музыку и забавы), занятія народа. Въ третьей группѣ (C) собраны *по мѣстностямъ* образцы производствъ, а въ моделяхъ образцы обстановки, инструментовъ. Такъ какъ второй цѣлью выставки было показать *развитіе* народа на поприщѣ культуры и просвѣщенія, то слѣдующая группа (D) получила культурно-*историческій* характеръ. Эта группа, начинаясь древнѣйшей исторіей заселенія чехо-словацкаго края (отдѣленіе древностей до-историческихъ), объединяетъ въ себѣ матеріалъ для исторіи духовной дѣятельности народа во всевозможныхъ ея проявленіяхъ: въ литературѣ, музыкѣ, театрѣ, школьномъ дѣлѣ, инженерномъ, строительномъ, въ художественной промышленности, торговлѣ, военномъ дѣлѣ и т. д. Здѣсь же найдемъ указанія и на вліяніе церкви на ходъ просвѣщенія, равно какъ и указанія на общественныя отношенія нашего времени, на студенческія корпораціи, здѣсь же отмѣчена дѣятельность чеховъ-колонистовъ въ Россіи и въ отдаленной Америкѣ, на дѣятельность чешскихъ выходцевъ въ качествѣ педагоговъ и т. д. Дополненіемъ къ этой группѣ служитъ послѣдняя, пятая группа (E), которая завершаетъ собой обзоръ дѣятельности чешско-словацкаго народа въ новѣйшее время. Такъ какъ эта сторона жизни народа была представлена на юбилейной выставкѣ, то теперь, на выставкѣ этнографической, ей отведены были сравнительно тѣсныя рамы; но при всемъ томъ пятая группа даетъ довольно полное представленіе объ этой сторонѣ жизни.

Такое широкое пониманіе термина „этнографія“ положено въ основу выставки. Выполненъ былъ этотъ планъ вполнѣ удачно: выставка даетъ, дѣйствительно, полную картину жизни чешско-словацкаго народа. Свѣдѣнія во многомъ напоминаютъ уже знакомое, но

большая часть ихъ или является новостью, или дополняетъ и исправляетъ прежнія нѣсколько устарѣвшія свѣдѣнія. Поэтому даже простой просмотръ хотя бы крупнѣйшихъ фактовъ, данныхъ выставкой, не лишенъ интереса и значенія. Вотъ нѣсколько такихъ данныхъ [1]).

Въ первой группѣ мы знакомимся прежде всего съ географическимъ распредѣленіемъ чешско-словацкой народности въ предѣлахъ Европы и внѣ ея: площадь, занимаемая народомъ, опредѣляется такимъ образомъ: отъ истоковъ Лабы (Эльбы) у Крконошей (Riesegebirge) до Дуная выше Коморна, а поперекъ — отъ Гуменнаго (въ Венгріи) до Horšova týna и Klenec захватывая собой Королевство чешское, большую часть Моравіи, часть австрійской Силезіи, юго-западный уголъ прусской Силезіи и сѣверо-западную часть Венгріи. На этомъ пространствѣ чешское и словацкое населеніе идетъ безъ перерыва. Затѣмъ, часть чеховъ живетъ группой въ Нижней Австріи (главнымъ образомъ въ Вѣнѣ—Česi Dolnorakušti), наконецъ крупныя колоніи Чеховъ встрѣчаются въ Сѣв.-Америкѣ (въ Соединенныхъ Штатахъ) и въ Россіи (на Волыни). Прежнее племенное дѣленіе чеховъ (Лучане, Лемузы, Дѣчане, Литомѣрцы, Пшоване, Харваты и т. д.), о которомъ помнили еще въ XII в., теперь окончательно забыто; также въ значительной степени забыты и существовавшія когда-то названія племенъ по мѣстностямъ (Podlesáci, Černováci, Záďováci и т. д.); сохранились подобныя имена большею частью на Моравѣ и у Словаковъ [2]), гдѣ находятся еще Horáci, Hanáci, Slováci, Laši, Valaši, Záležáci, Harvati и т. д. (на Моравѣ), Horňaci, Dolnozemci, Oravci, Koranič́áři и т. п. (у Словаковъ). Самой крупной утратой въ территоріальномъ и этнографическомъ отношеніяхъ для чехо-словацкаго народа была утрата значительной части Силезіи (она въ XIV вѣкѣ была заселена еще Чехами), гдѣ германизмъ взялъ верхъ и постепенно ослабилъ чешскій элементъ. *Приблизительное* понятіе о состояніи чешско-словацкаго элемента въ настоящее время даетъ количество депутатовъ, даваемое страной, какъ во внутреннемъ управленіи (сеймъ), такъ и въ обще-имперскомъ (парламентѣ), такъ какъ депутаты выбираются по національностямъ, при чемъ не этнографическая единица —крупное землевладѣніе—нарушающее *основы* выбора, въ значительной степени согласуется съ этнографическими отношеніями: крупные землевладѣльцы являются, если не всегда представителями нѣмецкаго элемента, то всегда почти *не* представителями народнаго славянскаго. Такимъ образомъ мы видимъ, что Чехія посылаетъ въ парламентъ: 42 депутата чешскихъ, 30—нѣмецкихъ и 20—крупно-

---

[1]) Въ каталогѣ выставки каждому отдѣлу предпосылается общій очеркъ, составленный спеціалистомъ; этотъ очеркъ долженъ осмыслить, суммировать въ памяти видѣнное въ группѣ.

[2]) Какъ и во всемъ остальномъ, менѣе культурные Моравяне и Словаки сохранили больше старины въ обычаяхъ, одеждѣ, жилищахъ, какъ это увидимъ.

владѣльческихъ, т. е. народный элементъ представленъ слабѣе остальныхъ (42 и 50); на Моравѣ дѣло еще яснѣе: изъ 36 депутатовъ Моравіи чешскихъ 11, нѣмецкихъ 16, крупновладѣльческихъ 9; въ Силезіи же (австрійской) изъ 9 представителей 5 нѣмецкихъ, одинъ польскій, 3 крупновладѣльческихъ, т. е. ни одного чешскаго. Конечно, эти цифры показываютъ не столько численность чешскаго народа, сколько его политическое положеніе относительно чужихъ элементовъ: крупновладѣльческаго (на земляхъ котораго живутъ и чехи, и который самъ можетъ быть въ извѣстной части чешскимъ по національности) и нѣмецкаго. Принявши же въ основаніе соотношенія двухъ этнографическихъ элементовъ *этнографическій* принципъ, мы въ примѣненіи къ политической дѣятельности чеховъ въ обще-имперскихъ дѣлахъ получимъ для чеховъ цифру депутатовъ не 53 (42+11), а 89; эта цифра, сопоставленная съ цифрой нѣмецкихъ (и всѣхъ крупновладѣльческихъ даже), даетъ указаніе на этнографическое преобладаніе въ странѣ чешскаго элемента (89 и 84).

Въ такомъ же положеніи рисуется дѣло по отношенію къ внутреннему управленію: изъ 242 депутатовъ чешскаго сейма (6 коронныхъ лицъ: архіепископъ, три епископа, два ректора университета, 70—крупновладѣльческихъ, 87—горожанъ и купцовъ, 79—деревенскихъ) по разсчету по національностямъ за чехами числилось бы значительно больше половины (именно 156 лицъ). То же отношеніе видимъ и на Моравѣ (изъ 100 депутатовъ, должно было бы быть 75 Моравановъ), а въ Силезіи ясно преобладаетъ не чешскій элементъ (изъ 30 лицъ слѣдовало бы имѣть 7 чешскихъ и 10 польскихъ, т. е. опять таки нѣмецкое меньшинство).

Статистическія данныя на выставкѣ также не безынтересны: они даютъ точныя цифры чешско-словацкой народности. Если взять территорію чехо-словацкой народности, то мы найдемъ, что славянское населеніе (по счету 1890 г.) представляетъ 61,98% всего населенія (5,364,515 на 8,654,903); по по отдѣльнымъ областямъ этотъ процентъ не одинаковъ: въ Чехіи—чехи составляютъ 62,79%, на Моравѣ-70,34%, въ Силезіи же только 22,02%. Если сюда причислить чеховъ Нижней Австріи и другихъ областей Австро-Венгріи, то общая численность чеховъ выразится цифрой: 5,659,037. Словаковъ въ Венгріи насчитываютъ 1,896,641. Прибавивъ сюда чеховъ, живущихъ въ Россіи, Америкѣ, Босніи, Германіи, получимъ общую цифру чешско-словацкаго племени: 8,117,008 человѣкъ.

Плотность чехо-словацкаго населенія, разумѣется, точно вычислить нельзя: они сидятъ въ перемежку съ другими народностями (нѣмцами, мадьярами); приблизительно же можно видѣть по общей плотности населенія въ чешскихъ и словацкихъ земляхъ: для Чехіи плотность 113, для Моравіи 102, для Силезіи 118, для словаковъ Венгріи отъ 48 до 56 [1]). Не безынтересно отношеніе населенія

[1]) Колебаніе плотности для словаковъ объясняется тѣмъ, что мѣста, гдѣ скопляются словаки, принадлежатъ часто къ неудобнымъ и менѣе плодороднымъ.

деревенскаго къ городскому; это даетъ указаніе и объясненіе, какъ бытовымъ особенностямъ края, такъ и распредѣленію занятій; дальше всѣхъ въ развитіи городской жизни ушла Силезія; тогда какъ Чехія даетъ 31,8%, а Моравія 32,7%, Силезія 39,5% городского населенія.

Вѣроисповѣдныя различія въ чешско-словацкомъ народѣ выражаются въ такихъ процентахъ: въ Чехіи 96,1, въ Моравіи 95,3, въ Силезіи 84,4 католиковъ; число протестантовъ (евангеликовъ) въ Чехіи и Моравіи по 1,04%; въ Силезіи 13,93%; между словаками протестантизмъ болѣе всего, 24%. Изъ протестантскихъ исповѣданій бо́льшимъ распространеніемъ пользуется не аусбургское, а такъ называемое гельветское, главнымъ образомъ прикрывшее собою старый гуситизмъ и братства; кромѣ того около 0,5% между словаками числится уніатовъ греческо-русскаго обряда, главнымъ образомъ въ городахъ, гдѣ на словаковъ оказываютъ вліяніе русскіе (русины), преимущественно уніаты.

По развитію грамотности впереди всѣхъ стоитъ Чехія, гдѣ на 100 человѣкъ приходится 4,60 мужчинъ и 6,90 женщинъ неграмотныхъ, тогда какъ на Моравѣ 5,73 и 8,10, въ Силезіи 8,20 и 9,25 неграмотныхъ.

Въ связи съ распредѣленіемъ населенія въ городахъ и внѣ ихъ находятся занятія жителей, но здѣсь наблюдается любопытная разница: процентъ сельскаго населенія не соотвѣтствуетъ вполнѣ распредѣленію главнаго занятія—земледѣлія и отчасти рыбныхъ промысловъ; такъ на 10000 человѣкъ въ Чехіи приходится 4065 земледѣльцевъ и рыболововъ, при процентѣ сельскаго населенія 68,2; въ Моравіи же на то-же число приходится 5002, при меньшемъ процентѣ сельскаго населенія — 67,3, въ Силезіи — 4125 при процентѣ 60,5. Ясно, что сельское чешское населеніе болѣе занимается другими родами дѣятельности, нежели моравское и силезское. Оно такъ и оказывается относительно горнаго дѣла: Чехія даетъ 4014, тогда какъ Моравія 3304, но это отношеніе нарушается Силезіей—4212 ч. Въ остальныхъ промыслахъ соотвѣтствіе сохраняется, напр. для торговли: Чехія 888, Моравія 684, Силезія 666, остальные промыслы 1033—Чехія, 1010—Моравія, 997—Силезія; у словаковъ на 10 т. человѣкъ приходится 6132 земледѣльца.

Эти статистическія данныя, не лишенныя интереса для уясненія многихъ этнографическихъ, бытовыхъ особенностей края, дополняются таблицами движенія населенія, по которымъ можно судить о слабомъ приростѣ населенія (34,36 на 1000 – до 36,37 при смертности 29 — 34); сюда же присоединяется выселеніе колонистовъ — около 10000 человѣкъ ежегодно.

Рядомъ съ послѣдней рубрикой статистики близко стоитъ отдѣлъ антропологическій, представленный рядомъ фотографій, типичныхъ скелетовъ и собраніемъ череповъ, а также діаграммами, полученными

путемъ измѣренія живыхъ субъектовъ, діаграммами распространенія различнаго цвѣта волосъ [1]), глазъ [2]).

Первая группа выставки замыкается отдѣленіемъ языка (діалектологіи) чехо-словацкаго племени. Главное мѣсто здѣсь занимаютъ діаграммы: Душка—по діалектологіи Чехіи, Бартоша—по Моравѣ, Бэнды—по словакамъ. Эти діаграммы подтверждаютъ дѣленіе чешско-словацкаго языка, установленное давно Шемберой, именно, дѣленіе на группу говоровъ западныхъ, преимущ. чешскихъ, среднихъ, преимущ. моравскихъ, и восточныхъ—словацкихъ. Исторической карты движенія говоровъ составить не удалось. Провѣрено было (для Чехіи) дѣленіе это, развито въ мелочахъ путемъ разсылки 2 слишкомъ тысячъ листовъ, для собиранія особенностей говоровъ; матеріалъ по этимъ листкамъ собирался главнымъ образомъ учителями школъ. Въ этомъ же отдѣлѣ собрана и чешская литература по діалектологіи, начиная съ трудовъ Яна Гуса и Благослава.

Вторая группа (*B*) занята исключительно деревенскимъ населеніемъ и открывается отдѣленіемъ зданій и жилищъ. Это отдѣленіе состоитъ изъ ряда избъ различнаго типа, деревенскихъ построекъ, встрѣчающихся въ Чехіи, на Моравѣ и у словаковъ; въ общемъ это—цѣлый поселокъ, перенесенный въ паркъ выставки.

Деревня эта, подобно старѣйшимъ поселеніямъ чешскимъ, расположена кольцомъ, въ центрѣ котораго находится деревянный же, какъ и почти всѣ постройки, костелъ стариннаго типа, еще изрѣдка встрѣчаемый на сѣверѣ Моравіи и въ Силезіи, съ обстановкой и колоколами XVII в. Каждая постройка деревни служитъ представительницей какого-нибудь типа построекъ отдѣльной мѣстности, обитаемой чехословаками, каждая имѣетъ свои особенности; но при всемъ томъ легко видѣть общность типа во всѣхъ этихъ зданіяхъ: основой всѣхъ ихъ является *срубъ*, являющійся основой деревянныхъ построекъ у всѣхъ славянъ; здѣсь онъ то простой, ничѣмъ не прикрытый, то для прочности обмазанный глиной, то уже сооруженный изъ камня, замѣнившаго дерево. Этотъ общій типъ сохраняется не только въ деревняхъ, но и въ мѣстечкахъ, гдѣ его еще не вытѣснили многоэтажныя постройки, хотя новые пріемы и типы построекъ часъ отъ часу все болѣе и болѣе уничтожаютъ эту старую постройку. Наиболѣе устойчивости старый типъ сохраняетъ у словаковъ, которые, какъ болѣе защищенные отъ культурныхъ вліяній и моды, вообще въ бытѣ сохранили болѣе старины; такова, напр., изба копаничаръ, бросающаяся въ глаза своей примитивностью: въ ней нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, вся она срублена, крыта соломой, съ низкимъ потолкомъ, безъ печи, обогрѣвается глинянымъ очагомъ, надъ кото-

---

[1]) Объясненіемъ можетъ служить статейка въ Českém Lidě, спеціально этому посвященная.

[2]) Статья Českého Lidu, указывающая типично славянскія черты въ этомъ отношеніи.

рымъ соломеный колпакъ, безъ трубы — словомъ курная изба[1]). Также примитивно и внутреннее устройство этой избы. Зимой въ подобной избѣ и люди и скотъ помѣщаются вмѣстѣ. Такія постройки встрѣчаются въ одиночку и кучками, въ послѣднемъ случаѣ напоминая про старый обычай задруги. Здѣсь населеніе поселка является соединеннымъ узами родства, общимъ пользованіемъ имѣніемъ. Иногда эти избы располагаются такъ, что одна служитъ общимъ жилищемъ, а остальныя играютъ роль спаленъ, сараевъ, чулановъ, стойлъ. Иногда такое хозяйство устраивается иначе: строится одна большая изба, нижній этажъ которой служитъ общимъ жильемъ и спальнями, а верхній—служебной постройкой (напр. у чичмановъ). Слѣдующая стадія развитія сельскаго дома состоитъ въ томъ, что передняя половина служитъ жильемъ, а задняя назначена для службъ. При такомъ типѣ, удержавшемся устойчиво въ большинствѣ случаевъ, для скота уже строятся особо хлѣвъ и стойла, которыя составляютъ продолженіе жилого помѣщенія. Наконецъ, когда необходимо выдѣленіе изъ семьи ея части (вслѣдствіе, напр., тѣсноты), то (преимущ. для младшихъ членовъ семьи) строится при входѣ въ усадьбу отдѣльный домъ, по тому же опять плану, что и старый. Разница въ такихъ постройкахъ выражается только въ величинѣ ихъ и въ различіи украшеній на домахъ: чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ больше домъ, тѣмъ онъ болѣе украшенъ. Украшенія эти состоятъ изъ рѣзныхъ балясинокъ, галлерей, башенокъ, рѣзныхъ подпороковъ и т. д.; выпиленныхъ украшеній изъ досокъ встрѣчается мало. Большая часть избъ уже имѣетъ печи и въ подробности развитую обстановку: противъ двери кафельная печка, рядомъ печь для хлѣба, рядомъ стоятъ мѣдные котлы, вмазанные въ печь, по краю кафельной печки приполки, надъ ней мѣсто для просушки бѣлья и одежды, налѣво отъ печки стоитъ сундукъ (обыкновенно расписной) для платья обыденнаго (праздничное хранится въ чуланѣ); далѣе невысокая, широкая, украшенная расписанными по ней цвѣтами или птицами кровать; на ней покрытыя одѣялами перины (dеvětnice) въ наволокахъ изъ канифаса; иногда, кромѣ одѣяла, есть пестрая покрышка на кровати. Отъ постели вдоль стѣнъ лавки, иногда прикрѣпленныя къ стѣнѣ. Противъ постели въ углу столъ, съ украшенными ножками, соединенными крестъ-на крестъ перекладинами. Надъ столомъ въ углу распятіе съ четками, по обѣ стороны иконы (чаще всего со стекломъ, въ черныхъ рамахъ), изъ за которыхъ торчитъ верба. Подъ образами вѣшаются портреты родныхъ и календарь. Надъ столомъ свѣшивается на ниткѣ голубокъ. Къ столу приставлено нѣсколько (2-3) стульевъ съ широкой вырѣзной спинкой. На стѣнѣ подъ потолкомъ полка (koř̆ipec) для тарелокъ; подъ ней крючки для горшковъ У двери на полкѣ—кухонная посуда. Въ болѣе обширныхъ избахъ между главнымъ столомъ и полкой для кухонной посуды еще столъ—

[1]) Этотъ способъ отопленія (вмѣстѣ съ тѣмъ и баня) извѣстенъ въ Чехіи въ X ст. изъ путешествія Ибрагима-Ибнъ-Якуба.

для работниковъ. Около печи иногда помѣщается и люлька для ребенка.[1])

Отъ построекъ переходимъ къ ихъ обитателямъ, прежде всего къ ихъ *одеждѣ*. Этому посвящается 2-е отдѣленіе разсматриваемой группы. Въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранилась народная одежда, менѣе всего подвергаясь вліянію моды, города, какъ и слѣдовало ожидать, на Моравѣ и въ особенности у словаковъ. Почти совершенно исчезла народная одежда въ Чехіи. На основаніи историческихъ изслѣдованій, наиболѣе древней по типу приходится считать женскую одежду у словаковъ[2]); одежда словаковъ до сихъ поръ сохраняетъ указанія на свое общее происхожденіе съ одеждой польской, русской и юго-славянской (nohavice, košile, haleny; обувь — opánky). Названія отдѣльныхъ частей одежды сходны въ значительномъ большинствѣ случаевъ съ названіями у другихъ славянъ, что доказываетъ, что въ общихъ чертахъ и въ доисторическое время одежда имѣла приблизительно тотъ же видъ, что и теперь у словаковъ; ту же общность обнаруживаютъ названія, какъ матеріаловъ, такъ и инструментовъ для изготовленія одежды (konopí, len, vlna,—příst, přadeno, přeslen, koudel, příze, nit, vřeteno, tkati, osnova, útek, pásmo, plátno и т. д.). Вліяніе чужой культуры, сближеніе съ нѣмцами, рыцарство, крестовые походы, наконецъ, позднѣе общеевропейское вліяніе французской моды — все это наравнѣ съ измѣненіями въ одеждѣ внесло цѣлый рядъ новыхъ названій въ одеждѣ, оттѣснившихъ старыя. Время Карла IV, когда временно Прага стала центромъ культуры на востокѣ западной Европы, окончательно направило чешскую моду въ уровень съ общеевропейской; все это находитъ себѣ отраженіе и въ языкѣ, гдѣ для названія одежды, ея частей стали употребляться чужія названія (kabát, lajblík, kamisol, bruclek, pantalony, fábory и т. д.). Въ видѣ напоминанія о народныхъ мѣстныхъ костюмахъ видимъ иногда украшенія на нынѣшнемъ платьѣ (особенно женскомъ). Въ виду такого положенія народной одежды наиболѣе разнообразно и богато представлена одежда словацкая, затѣмъ моравская и сравнительно бѣдно чешская, главн. образомъ сѣверо-востока Чехіи[3]).

Не смотря, однако, на всякія вліянія запада, въ чехо-словацкомъ народѣ сохранилась до сихъ поръ масса старинныхъ обычаевъ и обрядовъ: имъ посвящено слѣдующее (3-е) отдѣленіе описываемой группы. По степени сохраненія, опять таки, встрѣчаемся съ тѣмъ же наблюденіемъ, что и выше: на востокѣ матеріалъ богаче, нежели на западѣ.

---

[1]) Описанная изба относится по мѣстности къ сѣверно-чешскимъ (Pojizeří.).

[2]) Этому вопросу посвящены статьи: J. Koula (Český Lid I, 21 sl.) и Č. Zibrt a Z. Winter (Dějiny kroje v zemích českých).

[3]) Обзоръ выставочнаго матеріала дополняется статьей словака Юковича (Lidový kroj čičmanský), написанной примѣнительно къ коллекціямъ выставки; см. Český Lid V, № 1, стр. 65—66.

Характеръ этихъ обычаевъ и переживаній старины въ идеѣ тотъ же, что и у всѣхъ славянъ. На выставкѣ представлены эти обычаи по группамъ: одни пріурочиваются къ годичному кругу, другіе къ разнымъ случаямъ жизни, къ отношеніямъ родственнымъ, правовымъ и сосѣдскимъ. Первымъ общимъ повѣрьемъ въ году видимъ вѣру въ то, что, у кого есть деньги подъ *новый годъ*, и кто здоровъ наканунѣ новаго года, тотъ будетъ здоровъ и съ деньгами весь годъ. Наканунѣ Рождества (tří králů) дѣвушки льютъ олово, воскъ, гадаютъ по нимъ; день этотъ, кромѣ tří králů, называется также и «svatvečer svíčiček», потому что въ этотъ день пускаютъ на воду въ орѣховыхъ скорлупахъ свѣчечки и слѣдятъ за ихъ горѣніемъ и по этому горѣнію гадаютъ. Съ этого дня начинаютъ ходить «три короля» (въ Силезіи зовутся они «пастушками») славящіе Христа; хожденіе ихъ продолжается до Крещенія [1]). Подъ Васильевъ (Hromnicí) зажигаютъ «hromničky» свѣчи, освященныя въ церкви: эти свѣчи зажигаютъ потомъ во время грозы и при смерти одного изъ членовъ семьи, такъ какъ этимъ облегчается выходъ души изъ тѣла.

На Моравѣ и у словаковъ удержался обычай на масляницѣ носить «смерть» — Mařena (Mořana); иногда къ ней присоединяется и мужская фигура — Mařoch [2]). Мясопустъ вообще сопровождается шумными забавами, ряженьемъ; въ послѣднемъ случаѣ большой популярностью пользуются фигуры «Жида» и «Турка». Послѣдніе три дня масляницы носятъ названіе «ostatky» и сопровождаются цѣлымъ рядомъ обрядовыхъ игръ: эти дни для молодежи имѣютъ то значеніе, что въ это время выбираются у нихъ на цѣлый слѣдующій годъ представители (иногда по 2 stárka и dráb, иногда по четыре); эти представители облечены властью старостъ. Внѣшнимъ знакомъ этихъ выборныхъ служатъ právo и ferula: «право» — это мечъ, украшенный платками, лентами, ferula — нѣчто въ родѣ поварешки (палки съ кружкомъ на концѣ), расщепленной на концѣ, такъ что при ударѣ ею раздается рѣзкій трескъ. Способъ выбора по различнымъ мѣстностямъ различный; обыкновенно бываетъ такъ: у деревенскаго старосты собирается народъ, власти (obecní úřad) и молодежь; выступаетъ прежній stárek, благодаритъ за выборъ и проситъ позволенія произвести новые выборы, на что и получается согласіе. Выборы производятся простымъ голосованьемъ. Выбранный stárek выбираетъ себѣ подругу (stárka), dráb также (drábová). Выбирается въ подруги stárka обыкновенно богатѣйшая дѣвушка въ роднѣ, что считается почетомъ для ея семьи. Выбранные т. о. представители становятся въ теченіе трехъ дней и потомъ начальствомъ всей молодежи, которая обязуется

---

[1]) См. изображеніе и статейку Jos. Vluka „Pastuškove“ въ Čes. Lidě IV, № 4, 313—315.

[2]) См. изображеніе и статейку („Velikonoce“) въ Česk. L. IV, № 4, стр. 322—338. Въ статейкѣ кромѣ того есть рисунки и рядъ замѣтокъ, разъясняющихъ и дополняющихъ выставочный матеріалъ.

ихъ слушаться, спрашиваться у нихъ, начиная танцы и музыку; за неповиновеніе провинившагося по приказу stárka наказываетъ dráb ударомъ ферулы Въ понедѣльникъ старшая stárka устраиваетъ угощенье, вечеромъ собираетъ съ дѣвокъ деньги (pargalt), которыми покрываются расходы по музыкѣ и угощенью. Иногда молодежь со старками ходитъ по домамъ: впереди идетъ первый stárek съ «правомъ», второй за нимъ несетъ «ферулу», третій—вѣнокъ, четвертый—сундучекъ; войдя въ домъ, они получаютъ отъ хозяйки подарки, танцуютъ, а затѣмъ идутъ дальше. Иногда же это хожденіе превращается въ хожденіе ряженыхъ. Моравскіе «ostatky» представлены были на выставкѣ цѣлой группой.

На масляницѣ же въ иныхъ мѣстахъ (на Sušisku) сохранился обычай «хожденія съ кобылой», которое сопровождается маскарадомъ и забавами молодежи: деревянную кобылу, на которой сидитъ всадникъ (rajtujе), таскаютъ изъ дома въ домъ, впереди идетъ хозяинъ кобылы (sedlák), продаетъ ее, при чемъ хозяинъ кобылы потчуетъ покупателя водкой изъ бутылки, которую носитъ съ собой.

Въ великій четвергъ (Zelený čtvrtek), когда постятся, даже не ѣдятъ сахару, какъ скоромины, ѣдятъ на меду хлѣбъ—«jidáše» (Іудушка), въ пятницу купаются въ рѣкѣ до восхода солнца, въ субботу «жгутъ Іуду» [1]). Совершенно славянскій обычай pomázka въ свѣтлый понедѣльникъ: парни сплетенными въ видѣ жгутовъ вербами бьютъ дѣвчатъ, заставляютъ ихъ откупаться отъ побоевъ крашенками [2]). Въ этотъ же день ходятъ парни по домамъ, выпрашиваютъ яица, подарки.

Вальпургіева ночь (30 апр.) справляется въ деревнѣ «сжиганьемъ колдуній». Въ эту же ночь молодежь ночью ходитъ въ лѣсъ, рѣзать елку; обчистивъ низъ, украшаютъ верхушку лентами и ставятъ передъ окномъ дома, гдѣ живетъ выбранная женихомъ невѣста; елка эта зовется «май». Иногда этотъ «май» устраивается всей деревней. 1-е мая справляется хожденіемъ по домамъ съ музыкой и танцами На троицкой недѣлѣ (Letnice) справляется хожденіе съ králem, т. е. съ зелеными вѣтвями; въ процессіи фигурируютъ: král, řečník (ораторъ) и kat (палачъ)

Къ этому же времени пріурочивается популярная, хотя и преслѣдуемая властями, jízda králů. Краль—это молодой парень, одѣтый въ женское платье, въ лентахъ, спускающихся даже на лицо, съ розой въ зубахъ, сидитъ онъ верхомъ на лошади, подперши руки въ бока. Въ такомъ же уборѣ его спутники, у которыхъ и поводъ отъ лошади «краля»; у спутниковъ кромѣ того сабли наголо. Въ

[1]) Собственно, священникъ передъ церковью жжетъ прошлогодній елей (которымъ совершается миропомазаніе; къ этому времени ему отъ епископа присылается свѣжій), всѣ стараются достать хоть уголекъ изъ этого костра: это сохраняетъ, по повѣрью, отъ молніи; уголекъ кладутъ подъ зданіе при закладкѣ (см. Čes. L. IV, № 4, 323).

[2]) Рисунокъ см. въ ст. Velikonose (см. предыд. прим.).

«королевской» свитѣ идутъ трубачи, гонцы, бирючи. Передъ домомъ старосты процессія останавливается, поетъ пѣсни, проситъ подарка для «бѣднаго короля, котораго въ горахъ обобрали»; при этомъ хозяйкѣ обѣщаютъ разныя услуги. Обычай этотъ былъ популяренъ и въ Чехіи, теперь почти исчезъ. На выставкѣ эта jízda králů представлена въ манекенахъ цѣликомъ[1]).

Справляются играми и танцами «дожинки» (конецъ жатвы): послѣдній снопъ (такъ наз. «баба») молодежь, разукрашенная цвѣтами, разукрасивши лошадей и телѣги, везетъ въ домъ къ хозяину, который устраиваетъ угощенье; кончается праздникъ танцами. Подобнымъ же образомъ справляется сборъ хмѣля (dočesná).

Зимой, съ прекращеніемъ полевыхъ работъ, начинаются посидѣлки (přástky) [2]); на посидѣлкахъ женщины работаютъ свое рукодѣліе, развлекаясь разговорами, сказками, иногда пѣснями, рѣдко танцами. Въ сборную избу, назначенную для посидѣлокъ, приходятъ и мужчины. Значеніе этихъ посидѣлокъ не маловажно: на нихъ поддерживалась, сохранялась чешская рѣчь, народныя сказки, прибаутки, частью пѣсни, преданія, разсказы о разныхъ чудесахъ и т. д. Этимъ посидѣлкамъ отчасти обязанъ чешскій народъ сохраненіемъ своего быта въ борьбѣ съ чужой культурой.

Изъ зимнихъ праздниковъ отмѣчаемъ день Николы, справляемый хожденіемъ по домамъ Св. Николы съ ангеломъ и чертомъ «щедрый день», отмѣчаемый торжественнымъ ужиномъ съ елкой (послѣдняя заимствована), гаданьемъ, особенно бросаньемъ черезъ голову башмака. Святки кончаются колядой Св. Стефана.

Вторая группа обычаевъ—при разныхъ случаяхъ жизни: рожденіи ребенка, свадьбѣ, смерти,—довольно богата и разнообразна, смотря по мѣстности: цѣлый рядъ традиціонныхъ повѣрій и обрядовъ сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до могилы; изъ обычаевъ при рожденіи отмѣтимъ: стараются дать имя ребенку въ воскресеніе, чтобы ребенокъ былъ счастливъ. Въ свадьбѣ существуетъ между прочимъ такой обычай: въ день свадьбы женихъ съ дружками идутъ къ невѣстѣ въ домъ; невѣста съ подружками прячется въ чуланъ; только послѣ долгихъ споровъ и переговоровъ туда пускаютъ жениха, послѣ чего оба идутъ за благословленіемъ къ роднымъ. Вообще обычаи свадебные разнообразны, особенно много ихъ на Моравѣ. На выставкѣ было нѣсколько свадебныхъ группъ [3]).

Во время болѣзней обращаются прежде къ заговорамъ, потомъ уже къ врачебной помощи. Надъ умирающимъ зажигаютъ hromničku

---

[1]) Подробную статью съ рисунками обряда въ разныхъ краяхъ см. въ Č. L. II. № 2, 105—129. Выставочная группа воспроизведена тамъ же V, № 1. (въ началѣ книжки).

[2]) Выставочная группа въ Č. L. V, № 1, стр. 9.

[3]) Имъ посвящается отдѣльное изданіе—Slavnost a obyčeje lidové z Moravy na národopisné výstavě.

(см. выше), отворяютъ окна, «чтобы душа могла вылетѣть». При смерти хозяина оповѣщаютъ не только его рабочихъ, но и скотъ, даже пчелъ, если онъ имѣлъ ихъ.

Въ числѣ другихъ повѣрій стóитъ упоминанія вѣрованіе въ то, что умершій не сразу порываетъ свои связи съ оставшимися въ живыхъ; это вѣрованіе, общеславянское, даже обще-индоевропейское, создало у чеховъ почитаніе домашнихъ родовыхъ божковъ (dĕd, dĭbĺík, hospodařícek), обычно носящихъ названіе skřítek или šotek (=домовой?)

Самый трудный вопросъ—о юридическихъ обычаяхъ, въ большинствѣ случаевъ уже исчезнувшихъ. Осталось воспоминаніе о колодкахъ, надѣваемыхъ преимущ. на женщинъ, и объ ослѣ съ острой спиной, на котораго сажали провинившагося мужчину.

Интересенъ отдѣлъ народно-литературный (группа B, отд. 4), названный: «что народъ пишетъ, читаетъ и сказываетъ?» Книгопечатаніе, какъ и у насъ, оказывается, и въ Чехіи не могло совсѣмъ вытѣснить рукописи; рукописная практика, традиція въ украшеніяхъ печатныхъ книгъ на рукописный манеръ уцѣлѣли. Объясненіе этому факту и въ Чехіи, какъ и у насъ, находимъ въ прежнемъ назначеніи печатнаго слова: печатный станокъ удовлетворялъ вкусамъ и потребностямъ высшихъ классовъ, въ рукахъ которыхъ была и цензура, долго не понимавшая значенія народной книги; поэтому народъ своимъ религіознымъ и поэтическимъ интересамъ удовлетворялъ путемъ списыванія книгъ; это были преимущ. духовныя пѣсни, повѣсти того же характера, также молитвенники (отдѣльные для мужчинъ, отдѣльные для женщинъ). Въ орнаментѣ этихъ книгъ народнаго весьма немного: это на свой ладъ примѣненные мотивы изъ ренессанса, барокко и т. д.; иллюстраціи въ книжкахъ не только рисовались, но брались готовыми изъ печатныхъ книжекъ, вырѣзались и вклеивались: это преимущественно виньетки, образки чтимыхъ святыхъ. Изъ книгъ свѣтскаго содержанія встрѣчались преимущественно: лѣчебники, поговорки, чаще всего безпорядочный рядъ всякихъ выписокъ. Въ самую глухую пору чешскаго народнаго языка (въ XVII в.), когда высшіе классы почти поголовно отказались отъ чешской литературы, эта литература, преимущественно средневѣковая по характеру, опустилась внизъ и уже мало обновлялась извнѣ; поэтому, предметомъ чтенія въ народѣ, кромѣ книгъ духовнаго содержанія, повсемѣстно распространенныхъ, обращаются долго старинные романы и повѣсти: Магелона, Женевьева, Мелузина, Лукреція, Гризельда, Гюискардъ, Штильфридъ, Брунцвигъ и др., разныя пророчества, фантастическіе разсказы о диковинкахъ чужихъ земель. Къ болѣе серьезному чтенію относятся: поучительныя исторіи, хроника Гайка (XVI в.), путешествія, особенно охотно читаются календари, оракулы. Есть даже своя драматическая литература, во главѣ которой стоитъ *М. Кореский*, главный драматургъ народной сцены. Въ уровень съ этимъ подборомъ чтенія идетъ

и народная картинка, украшающая иногда, подобно нашимъ лубочнымъ, стѣны дома.

Рядомъ съ этимъ отдѣленіемъ расположено отдѣленіе по народной музыкѣ и танцамъ: на картограммахъ можно прослѣдить распространеніе пѣсенъ; тутъ же литература чешскихъ пѣсенъ (Fr. Bartoš, Kuba, Zíbrt), изданія пѣсенъ, наконецъ коллекція народныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

Послѣдній отдѣлъ группы посвященъ добывающей промышленности: здѣсь видимъ земледѣліе, какъ главный родъ занятій въ чешско-словацкомъ народѣ, коневодство, особенно развитое на Моравѣ, пчеловодство, играющее роль болѣе симпатичнаго, нежели серьезнаго, прибыльнаго занятія, широко развитое садоводство, огородничество, образцовое лѣсоводство, наконецъ охотничьи промыслы. Все это представлено соотвѣтствующими картограммами, картами, частью моделями (лѣсные, охотничьи промыслы).

Слѣдующая обширная группа (C)—выставка народной жизни по отдѣльнымъ мѣстностямъ (výstavy krajové a kmenové). Эти выставки возникли изъ упомянутыхъ въ началѣ замѣтки подготовительныхъ областныхъ выставокъ и даютъ довольно цѣльное впечатлѣніе о жизни и занятіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей, указываютъ на отношенія ко всему цѣлому, общему, что представлено было въ предыдущей группѣ.

Послѣдняя группа выставки—четвертая—носитъ характеръ культурно-*историческій*, выполняя вторую половину задачи выставки. Поэтому въ первомъ отдѣленіи находимъ выставку доисторическихъ чешскихъ памятниковъ [1]). Рядомъ съ этимъ отдѣленіемъ—отдѣленіе литературы чешской: по задачѣ выставки и развитіе чешской письменности, какъ проявленія народнаго духа, должно было найти здѣсь мѣсто. Все это отдѣленіе распадается на двѣ секціи: количественную и качественную. Первая при помощи діаграммъ показываетъ развитіе чешской литературы на основаніи количества изданныхъ книгъ, по отдѣльнымъ спеціальностямъ, иллюстрируя это развитіе образчиками изданій каждаго сорта, преимущественно новаго времени. На первомъ мѣстѣ стоитъ литература богословская (католическая), распредѣленная по тремъ эпохамъ: до 1400 года, съ 1400 до 1700, съ 1700—1820, 1820—1894; за нею слѣдуетъ евангелическая литература, православная (изданія на чешскомъ языкѣ для чеховъ-колонистовъ на Волыни); затѣмъ идетъ литература юридическая и т. д.

Качественная секція многаго предоставить не могла: здѣсь сведены въ одно воспоминанія объ отдѣльныхъ писателяхъ, списки ихъ сочиненій, автографы, таблицы развитія газетнаго дѣла, соотношенія

---

[1]) Это отдѣленіе подробно описано въ статьѣ L. Niederle: Pravěk zemí českých na Národop. výstavě (Č. L. IV, № 6, стр. 545—557). Эта статья отмѣчена мною въ Археол. Изв. и Зам. И. Моск. Арх. О.

между художественной и научной литературой, переводы на чешскій съ иныхъ языковъ (польскаго, лужицкаго, русскаго) и т. п.

Далѣе представлена исторія чешскаго театра, возникшаго въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, сперва въ чешскомъ простонародьи, затѣмъ, черезъ любителей, добивавшагося не безъ борьбы общественнаго и правительственнаго признанія. Эта исторія освѣщена коллекціями видовъ стараго театра, коллекціей старыхъ нотъ и инструментовъ, планами современныхъ чешскихъ театровъ (въ Пльзнѣ, Брнѣ, Прагѣ), выставкой костюмовъ, діаграммами матеріальныхъ средствъ любительскихъ кружковъ и т. д. Рядомъ съ театральнымъ — музыкальный отдѣлъ, раздѣленный на эпохи: до XVII в., до конца XVIII в., первая половина XIX ст. Выставлены: рукописи съ нотами съ XI до XVII в., старыя печатныя ноты XVI—XVIII в., музыкальная литература и т. д.

Въ такомъ же историческомъ порядкѣ представлены и другія стороны культурной жизни чеховъ и словаковъ: по отношенію къ строительному и инженерному искусству. Самымъ наглядным образцомъ была, несомнѣнно, „Старая Прага“,—воспроизведеніе кусочка старой Праги XVI в., со всѣми подробностями представленной въ видѣ улицы старинныхъ фасадовъ съ площадью, обставленной такими же фасадами, б. ч. взятыми изъ дѣйствительности, но только реконструированными въ стилѣ эпохи XVI в.

Художественная промышленность старыхъ чеховъ представлена богатыми коллекціями: а) кружевъ и вышивокъ, б) старинной мебели и рѣзьбы, в) памятниковъ письма, рисунковъ, г) стекла и глиняныхъ издѣлій, д) желѣзныхъ издѣлій, е) воспроизведеній отдѣльныхъ построекъ и ихъ украшеній.

Остальные отдѣлы четвертой группы посвящены: торговлѣ, разнымъ чешскимъ обществамъ (пожарнымъ, сахароварнымъ и др.), школьному дѣлу (оно имѣло свой отдѣльный павильонъ), богато иллюстрированному картограммами, высшему образованію, юриспруденціи, военному дѣлу, церковному. Сюда же примыкаютъ выставки заграничныхъ чеховъ: американскихъ и нижне-австрійскихъ. Кончается эта группа „женскимъ отдѣленіемъ“, которое имѣло цѣлью указать на женскій трудъ, важность женскаго вопроса; здѣсь собраны: литературныя произведенія, писанныя чешками, художественныя, музыкальныя произведенія женщинъ, портреты женщинъ чешскихъ, ставшихъ извѣстными на поприщѣ литературы, въ политической жизни (напр. 1848 г.), автографы писательницъ и т. д.

Дополнительная группа посвящена новѣйшимъ фабричнымъ чешскимъ промысламъ.

Изъ этого бѣглаго обзора мы видимъ, что такъ широко понятая задача этнографіи была выполнена чешской этнографической выставкой.

Проэктъ Шуберта осуществился: создалась выставка, вызвала къ существованію цѣлое новое этнографическое изданіе: Česko-slovanská

národopisná Výstava—роскошное изданіе, посвященное выставкѣ, далеко, впрочемъ, еще неконченное.

Осуществилась и послѣдняя мечта Шуберта и устроителей выставки: 15 мая 1896 года, въ день открытія выставки, открытъ этнографическій чешско-словацкій музей—Národopisné Muzeum československé v Praze.

М. Сперанскій.

Изъ народныхъ устъ.

О превращеніяхъ.

I. Теперъ стикы йесть усякихъ обманивъ: обманюють хлопци дивчатъ, а дивчата хлопцивъ; пидведе, гляды, такъ, шо не треба й лучче; а колысь було—хай бы попробувавъ хто кого обманыть, або россердыть, то заразъ бы пишло до якого-нибудь упырякы, тай навчывъ бы!..

Одынъ разъ дивка такъ полюбыла парубка; а въ тій дивкы маты була видьма; отъ полюбыла вона соби, тай думала прычаруваты, а той парубокъ бувъ багатого мужыка сынъ, та любывъ другу, и все, якъ смеркне, то иде до неи ночувать, а повызъ цій хаты ходыть. Отъ та видьмына дочка давай хвалыцця матыри, шо такъ и такъ: Иванъ ходывъ до мене, казавъ, шо й сватать буде, а теперъ ходыть до другои. „Э! — каже стара видьма, ныхай я ёго повчу! — завтра, каже, возьмы уздечку, обмотайся нею и стань въ глухимъ кинци воритъ; та тикы винъ итыме, то нырыйды ему дорогу и скажы: „не буть тоби молодцемъ, а буть моимъ конемъ“,—надивай на ёго уздечку та й сидай верхомъ“. Шо сказала ій маты, те вона и зробыла: нырыстрыла ёго (тогожъ Ивана), прымовыла, надила уздечку, — такъ винъ вдругъ и зробывсь конемъ; сила вона на ёго верхомъ та й полетила, якъ витыръ,—до свита весь свитъ облитала; прылетила на те мисце, де чырыда згоныцця, зняла уздечку, та й пишла до дому, а винъ зробывся упьять такимъ, якъ бувъ, тикы такъ вона ёго вымучыла за ничь, шо заразъ упавъ та й заснувъ. Рано люды повыгонылы коровы до чырыды, та й найшлы ёго сонного на толоци; збудылы, пытають: чого це винъ?—а винъ и самъ ны понимае, шо зъ нымъ було, чы снылось, чы такъ творылось? На другый вечиръ упьять такъ саме, на третій—упьять. Тоди скризь по селу заговорылы, шо такый хозяйскый сынъ та пустывсь въ оттаке,—мабудь зъ ума зійшовъ, шо ходыть спать туда, де чырыда згоныцця. И такъ вона ёго мучыла ныдиль зо дви, а потомъ винъ надумавъ: „стой, пиду я до дядька!“—а въ ёго бувъ дядька упыряка. Пишовъ, похвалывсь, а самъ уже такый зробывсь, якъ съ хреста знятый. „А чого жъ ты, каже дядько, раньше мини не сказавъ? теперъ иды, каже, та возьмы обповыйсь уздечкою, та пиды до іи хаты, стань въ глухимъ кинци хвиртки, та якъ выйде вона, то ты кажы: „ны будь тоби дивыцею, а буть кобылыцею,—та заразъ и накынь на неи уздечку, та тоди и сидай на неи. Отъ диждавъ Иванъ вечыра, взявъ уз-

дечку и прыготовывсь, такъ якъ дядько ему веливъ; тикы шо вона выйшла, винъ скоренько накынувъ на неи уздечку, прымовывъ, сивъ, свыснувъ,—такъ якъ выхоръ полытивъ; до ранку вси царства облитавъ; чуть стало свитать, прыйихавъ винъ на те мисце, де чырыда зганяицця, знявъ зъ ней уздечку, а вона й лопнула! Отъ винъ заразъ побигъ до дядька, побачывъ ёго дядько: „а шо, пытае, накатавсь?“—Накатавсь каже, отплатывъ за свое.—„Якъ?“ пытае дядько.—Эге, якъ?! шо я тикы теперъ робытыму, якъ видьмы взнають? лопнула, каже, проклята дочка!—Задумався дядько... „Знаишь, каже, шо? тоби въ сыли ны можна сховацця ниде, бо найдуть—то задушать; а знаишь шо? визьмы, якъ тикы стане сонце спочывать, то иды на гробкы и пидставъ до хрыста столыкъ, та ставай на той столыкъ и распысь на хрысти, то тамъ ны найдуть; тамъ дви ночи можишь спастысь, а на третю все такы найдуть, але ны бійсь, тоби нычого воны ны зроблять“. Отъ винъ, тикы шо сонце стало спочывать, узявъ столыкъ, пишовъ на гробкы, роспьявсь, якъ ему дядько говорывъ. Тикы шо смеркло, колы це въ сыли такъ, нымовъ буря схватылась: шумъ та гуркотьня, та стукотьня; и горшкы, и покрышкы, и мыскы попырывырталысь,—видьмы въ кажній хати усе шукалы Ивана. На другу ничь ше бильшый шумъ пиднявся, и до самого ранку ны втыхало. На третій вечиръ упьять пишовъ Иванъ на гробкы, роспьявсь, такъ якъ и въ ти ночи, колы це дывыцця, ажъ на тимъ мисци, де чырыда згоныцця, злытилысь уси видьмы; колы ось изъ гробу выйшла и та дивка, та якъ свысне—и пишла мызъ ти прочи видьмы; тикы шо вона до ихъ дійшла, колы тутъ ажъ съ самого Кыива прылытила сама старша видьма; роспытала, чого воны ій требують. «Эге, каже та имъ, онъ винъ на хрысти! А йды лышынь, хлопче, сюды!» Прыйшовъ Иванъ, трусыцця, боиицця. «Ны бійсь, каже ему Кывьвска видьма! росказуй, за шо ты ій изъ свита згубывъ?» Росказавъ Иванъ, якъ вона нымъ йиздыла дви ныдили. «Эге-ге!» каже Кывська видьма, «то ты-жъ нымъ дви ныдили йиздыла, а ны могла вытырпить, шобъ винъ одну ничь пойиздывъ тобою! иды-жъ, каже, ты, проклята, въ землю, а ты, хлопче, иды соби до дому!» И вси видьмы, такъ якъ дымъ, розлытылысь, а Иванъ пишовъ до дому.

(Записалъ крестьянинъ Кл. Дан. Морозъ въ м. Глодоссахъ, Елисаветград. у. Херсонск. губ.).

II. Жыла соби мама съ сыномъ-парубкомъ, и ходывъ винъ що-дня на вечерныци; а маты иму и каже: «ны ходы, сыну, тоби ще рано на вечерныци!»—а винъ про себе дума: «що стара понимае?!»—ходыть соби та й бильшъ ничого. Оце разъ пишовъ винъ на вечерныци; вертаецця уже пизненько, такъ, може, якъ втори пивни спивають; колы навстричъ ему—собака, та така

чырывата, тикы пузомъ: шуръ-шуръ!—та за нымъ. Той парубокъ бувъ ны трусъ, та ше до того й первенець, и ныякыхъ видьмъ ны боявся; дума соби: це просто собака за нымъ иде,—та якъ дасть ій булавою, а вона заскаучала, та цыбъ черезъ тынъ! Прыходе до дому, маты соби спыть, тикы трохи ахкае. Пишовъ винъ другый разъ, колы навстричъ ему выскочыла здорова свыня, та на нёго, а винъ такы ниякоже злякався, та якъ дасть тряпака до дому. Прыйшовъ въ хату, а мамкы нымае. Колы являецця мамка. «Де вы булы?» —Та про себе ходыла. На другый день винъ и росказуе парубкамъ, що зъ нымъ случылось. Одынъ парубокъ ему и каже: «ты визьмы о-цей мотузочокъ и накынь тій собаци на шію». Винъ взявъ цей мотузочокъ и иде зъ вечорныци; колы на нёго коняка съ того самого мисця, де раньше ёго шось лякало: гупъ!—а винъ мотузокъ на шію, выскочывъ та й сивъ; колы глядь—а пидъ нымъ свыня; а тоди свыня прокынулась въ собаку, а потимъ зновъ въ коняку; винъ тоди злизъ, та й повивъ коняку до кузьни, пидковавъ ій, та й пустывъ. Прыйшовъ соби до дому, колы чуе: мамка стогне на всю хату. «Мамо, чого вы, шо зъ вамы?» —Ты, такый-сякый сыну—каже вона—що ты зробывъ зъ мене?!— «Що, мамо?» Колы—глыпъ, а на рукахъ и на ногахъ пидковы!..

(Записалъ крестьянскій мальчикъ А. Школа въ пос. Новоархангельскѣ Елисаветградскаго у.).

III. Любывъ парубокъ дивку и покынувъ ій, полюбывъ другу. Одного разу ишовъ винъ отъ цей другои по улыци, зъ досвитокъ.. А та побачыла, воткнула ножъ у порога, перекынулась черезъ ножъ и свыньею стала та й бижить за нымъ, крычыть: рёхъ-рёхъ-рёхъ! Той парубокъ взявъ, шапку кынувъ, а зъ неи зробылысь поросята Винъ побигъ, воны за нымъ, винъ у хату, воны за нымъ у хату, зробылысь дитьмы; винъ кынувъ имъ хлиба, воны кажуть: «на шо ты насъ покынувъ?»—винъ тоди каже имъ: «идить, диты, до дому и кажить матери такъ, шо вы не одъ мене, нехай маты шука другого». Съ цимъ воны и пишлы. Колы иде винъ другого разу, нагнала его зновъ свыня, плига та й плига; винъ одбываецця ничого не може зробыть, дали якъ схвате ій якось за лапы и прынисъ до дому, колы гулькъ!—ажъ це дивчына его. «Що це, каже, на тебе навидыло, що ты мене начала лякать?»—На що любышь другу?— «Ни, я тебе люблю, а тильки до другой ходю».—Тоди вона и каже ему: «якъ ты мене любышь, то ты мене й визьмышь, якъ не визьмышь, вовкулакою зроблю». А винъ каже: «якъ ты мене вовкулакою зробышь, то я тебе не хочу и знаты». Вона заразъ взяла его, якъ товкне, винъ якъ зареве—зареве, та ставъ по свиту блудыты, вовкулакою лыхо робыты, щобъ дивчатъ чужыхъ не любывъ.

(Записано въ с. Александровкѣ, Елисаветградск. у.).

Про змія.

I. И-и, серце, ны плачьте николы, мои диты, якъ умре хто изъ васъ,—ни чоловикови за жинкою, ни жинци за чоловикомъ ны годыцця плакать, бо прыплачышь змія. Моя Маруся, якъ умеръ-ii первый чоловикъ, якъ осталась, бидна, зъ двома диточкамы, то було прыплакала. Було це вже вносли росказувала,—ввійде въ хату Степанъ—такый, якъ и бувъ, балакае, «ны журысь, каже,—все минецця!» —а спать вона лягае, то и винъ лягае, а вдосвита, хто и зна де; и диныцця; а на другый вечиръ упьять входыть въ хату. Та така вона, серце мое, була звелась за тры ныдилычкы, шо прямо якъ скипочка, бо винъ зразу якъ начне литать, то ничого ны робыть, а якъ люды узнають, то винъ тоди начне кровъ пыть и мучыть. Та такъ-то люды сталы мини слухы доносыть, шо бачылы то те, то друге, шо змій у Марушкынымъ городи россыпавсь; я пишла, довго допытувалась, та такы допыталась; та заразъ пишлы до попа, посвятылы на голови воду, обсыпалы хату свяченымъ макомъ, та давъ Богъ, шо бильше уже ны прылытавъ. Ныколы, диточкы, ны плачьте одно за другымъ, або якъ у москали возьмуть, то тоже ны годыцця плакать, бо Хвыдюкивна Марына, якъ узялы булы въ москали Мытра, то тоже була прыплакала. А якъ дытына умре, то ны можна прыплакать, хоть стикы ны плачь.

(Записалъ крестьянинъ К. Д. Морозъ въ м. Глодоссахъ, Елисаветградск. у).

II. Сыдымо мы у виконця одынъ вечиръ изъ нывисткою, колы дывымось, а воно такъ и лета, такъ блыскае, и блыскае, та неначе въ викно бьецця. Мини такъ моторошно стало, я и кажу: „шо то за знакъ такый—чи це змій, шо кажуть люды—дрымучый, чи це, мабудь, навожденье?“—та молытвы стала творыть. Колы якъ подывлюсь на свою невистку, а вона, неначе якъ полотно, била стала. Я пытаю: „чого ты, дытыно моя, шо це съ тобою?“—а вона мини и каже: „ой, мамо, мамо, це мій чоловикъ першый (а вона тоди була уже за вторымъ мужемъ); я его дуже прытужыла, а винъ начавъ до мене литать и начавъ мене мучыть дуже—дуже, да и каже: „якъ пидешь замижъ, то я тебе удушу, смотри, не отворяй виконця, бо улечу у хату и тоди и тебе, и чоловика задушу и самъ пропаду“. Покиль я пытала невистку, а воно десь, хто его зна, и дилось. Яжъ на тый часъ не закрыла каглу, колы бачу: воно уже у хати! Тоди я стала чытать: да воскреснеть Богъ!—воно пидъ коминъ сховалось; тоди невистка пишла до попа, каже ему: „батюшка, спасыть мене,—якый-онъ случай случывся зо мною!“—росказала усю цю исторію, а попъ веливъ осычый клынъ зробыть и роскопать могылу. Колы роскопалы могылу, открылы труну,—що жъ по-

бачылы?—а винъ лежыть ныць. Тоди взялы и забылы ему колъ въ спыну, а кровъ такъ и брызнула. Мы тоди пишлы до дому, помолылысь Богу и ничого ны стало.

(Разсказывала Ѳедора Коротенкова въ с. Александровкѣ Елисаветградск. у.).

О кладахъ.

I. Клады дѣлятъ на три разряда: *благополушни*, *заклажыны* и *закляти*. Благополушни можно взять, т. е. выкопать, во всякое время; заложеными называются такіе, которые положены на опредѣленное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ ихъ можно взять, или которые даются лишь въ опредѣленное время года; есть еще и такіе, которые заложены на чью-либо голову, либо на неодушевленный предметъ; въ послѣднемъ случаѣ кладъ является во снѣ или на яву въ видѣ мужчины, или женщины, или ребенка, или невидимо объявляетъ, что́ нужно положить въ яму при копаніи клада; заклятый кладъ, это—такой, который нельзя взять никогда и который пугаетъ копающихъ; кладъ бываетъ заклятъ или тѣмъ, который его зарылъ, или тѣмъ, который его искалъ, но не нашелъ и, разсердившись, сказалъ: „будь же ты проклятъ, шобъ тебе нихто не знайшовъ!“ Ночью, противъ Рождества Христова, Новаго года, Пасхи и Пятидесятницы, какъ говорятъ, гроши выходятъ на поверхность земли и очищаются посредствомъ огня. Огонь бываетъ различный—какъ по цвѣту, такъ и по формѣ; иногда онъ спокойно лежитъ кучкою, иногда волнуется или катается, какъ мячъ, въ концѣ вспыхиваетъ два—три раза и потухаетъ. Заклятые клады горятъ въ первой половинѣ ночи, заложенные въ полночь, благополучные—во второй половинѣ ночи. Если огонь появится въ видѣ лампады или свѣчи, то это—не кладъ, а непечатаное тѣло православнаго христіанина. Участвуя въ откапываніи клада, не годится *чертькать*, т. е. употреблять слово *чортъ*, иначе кладъ можетъ уйти въ землю и перейти на другое мѣсто.

(Запис. К. Д. Морозъ, въ м Глодоссахъ, Елисаветград. у.).

II. Бувъ одынъ чоловикъ, который копавъ кладъ. Ему сказалы, шо колы буде копать кладъ, то шобъ винъ прыгласывъ до себе другого, но съ тимъ только, шобъ не лайчывый бувъ. Винъ и пригласывъ такого. Копалы, копалы, докопались до плыты. Тильки було треба пиднять плыту, а вона важка дуже була, а винъ и каже: „чортъ батька зна, яка важка“, а воно и зашумило; воны полякалысь и кынулы, бо вже цей кладъ нечыста сыла взяла.

(Записано въ с. Александровкѣ, Елисаветградскаго уѣзда).

III. Однажды знакомому мнѣ старику односельчанину разсказывалъ старикъ Т., давно уже умершій, что разъ, еще въ молодые годы, онъ ѣздилъ куда-то въ далекую дорогу и остановился близъ одного шинка покормить воловъ; подъ стѣной шинка въ это время лежалъ какой-то старикъ, толстый, плечистый, съ громадною головою и съ толстыми, какъ бревна, руками; при видѣ подорожнаго человѣка, онъ приподнялся и спросилъ: — Звидкиль ты, чоловиче? — Зъ Глодоссу, каже. — Эге, знаю я той Глодосъ. — Хиба вы, диду, тамъ булы? — Э, сыну, сыну, я тамошній жытыль! Тамъ, шобъ ты знавъ, хлопче, стикы грошый закопано, шо и въ царствіи стикы ныма! Колы бъ тоби хоть ти гроши, шо я своимы рукамы закопавъ, то ты-бъ жывъ бы, и диты твои, ше й онукы ны прожылы бъ! — Такъ роскажить, диду, де ти гроши, я выкопаю! — А знаешь ты Курячи могилы? чи воны й доси такъ звуцця? — Знаю. — Ото жъ, коло тихъ могилъ йесть одна могылка окроме, то пидъ тію могылкою и кругомъ тихъ могылъ йесть стики золота, та срыбра, шо на десять возивъ хватыло-бъ, бо о-то Глодосъ—то нашого кошового держава була, тамъ ажъ пьять лѣхивъ йесть: одынъ насыпаный золотомъ, а въ другимъ дванаццять бочонкивъ золота и сырыбра,—сырыбро по ливу сторону, по-пидъ стиною, а золото въ праву руку; а въ однимъ грошый нымае, а йесть плахы золоти, бо нашъ кошовый замитывъ, шо тамъ крылы гроши, та прыказавъ ростоплювать гроши та злывать у плахы, шобъ ны було крадижкы; а въ однимъ тоже грошей мало, а посуды золотои и сребранои—то и на шисть возивъ ны заберешь; а въ однимъ мало грошей, а тикы багато разноі орудіи; коло того лѣху ныдалеко була землянка кошового, у тій землянци йесть девьять улыкивъ намыста дорогого, бо мы, якъ выбыралысь звидтиля, то вытяглы сволокъ изъ землянкы, а ключыны угнулы въ середыну, зверху засыпалы землею; а то йе тамъ багато грошый, такъ, на времья накопаныхъ, бо въ лѣхахъ—то то обчествыни. Ото мы, було, сыну, йидымъ куды ныбудь за добыччю; тоди було тутъ жылы туркы, татары, полякы; то мы, покы насъ мало було, то ноччю нападалы, а якъ стало билше, то мы, бувало, и днемъ пойидымъ въ якый ныбудь агулъ; о то вже йидымъ, и одынъ изъ насъ кыдае въ городъ ратовыще; якъ хозяинъ визьме, та поставыть пидъ хатою, або визьме въ хату, то то мы зайиздымо до ёго,—винъ насъ напоить и нагодуе и шо дасть, съ тымъ мы и йидымъ; а якъ выкыне зъ города, то мы прыйидымъ въ ночи, та надынымъ ему чырвоны чоботы. — Якы-жъ то, диду, чырвоны чоботы? — А такы, сыну, шо визьмымъ, та шкуру на ногахъ одъ самои ступни облупымъ до самыхъ колинъ, то тоди винъ пооддае, шо мае. А то, було, якъ рожжывымось де грошый, то кошовый насъ дилыть: дае намъ третю часть, а

дви части бере соби на обчыство; и то, було, гляды, закопае якый ныбудь свои на времья де ныбудь, а ёго въ стычци сёгодни або завтра убылы, то грошы й остаюцця, ныхто про те й нызнае; а гляды—въ трехъ, въ четырехъ изсыплють та закопаюгь, та й положать клятву: одынъ бызъ другого не брать,—та гляды, зъ однымъ, або зъ двома случылось яке нещастье, а гроши й осталысь; та впьять, якъ війско насъ начало розгонять, то мы позакопувалы, хто що мавъ, та въ бытви сиромахивъ багато полягало, а ихъ добро й доси въ земли...

(Записалъ крест. К. Д. Морозъ, въ м. Глодоссахъ, Елисаветград. у.).

Что видѣлъ человѣкъ, когда „замиралъ“.

Въ с. Александровкѣ (Елисаветгр. у.) крестьянинъ Ефремъ Бабенко „замиралъ“ въ теченіе 5 дней; собирались хоронить, но все отсрочивали, по недостатку средствъ; вдругъ онъ ожилъ. Вотъ что разсказывалъ онъ о томъ, что онъ видѣлъ, когда „замиралъ“:

„Ой Боже мій, чого жъ то вы мене не поховалы? Я бувъ въ раю и все бачывъ. Бачывъ, якъ багато хлиба на одномъ столи; потомъ пишовъ въ другу комору,—та такъ гарно тамъ та свитло-свитло, ажъ я ужахнувся; колы зайшовъ я въ третю,—Боже мій! що я тамъ бачу?—все таки нещастны старци-старци, и коло ихъ кускивъ-кускивъ. А той старець, що мене водывъ, та й каже: „о це, чоловиче, о-то, що велыкій стилъ, то то велыкій обидъ бувъ, богачъ велыкый померъ; а це другый—то такъ соби чоловикъ померъ, що отказавъ трохи всимъ; а це вже третій, що кусочкы,—то бидны старци отъ себе давалы другымъ“. А тоди повивъ мене въ садъ, та такый же гарный, та багато-багато всёго, та й каже: „ось, дывысь, чоловиче, яке добро все тутъ! иды-жъ на той свитъ, назадъ возвращайся и скажи тимъ людямъ, щó тамъ йе, щó ты бачывъ, яке добро, щобъ воны каялысь и людямъ все давалы, що мають, якъ одежу, якъ отъ тамъ все-все-все добро, а теперъ, каже, иды, я ще тоби щось покажу“. И повивъ мене надъ гору велыку, та й каже: „дывысь, яка гора велыка! о-ти, которы ничого не дають, тамъ, у тимъ провальи погыбають“. Я думавъ, думавъ та й пытаю ёго: „якъ же мини буть на томъ свити, колы я померъ?“ А винъ говоре: „якый же бо ты, чоловиче, нерозумный! я тоби кажу: иды!“—и въ це времня взявъ та штовхнувъ мене, а я и проснувся“.

(Записано въ с. Александровкѣ, Елисаветградскаго уѣзда).

Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.**

Письмо изъ провинціи.

Пережитокъ старины въ похоронномъ обрядѣ грузинскаго князя [1]).

Въ селѣ Орсантія, Зугдидскаго уѣзда, Кутаисской губ., 2-го іюня 1896 года происходили похороны грузинскаго князя Отара Константиновича Дадешкеліани, сына послѣдняго владѣтеля Сванетіи. Когда разыгралась въ Кутаисѣ кровавая драма 1857 года (въ этомъ году отецъ покойнаго, въ порывѣ сильнаго раздраженія, убилъ кутаисскаго генералъ-губернатора кн. Гагарина и двухъ его чиновниковъ и самъ былъ разстрѣлянъ по приговору полевого суда), покойный Отаръ, оставшись безъ отца, былъ воспитанъ мингрельскими князьями Анакидзе и провелъ всю свою жизнь среди орсантійскаго бѣднаго люда, дѣлалъ добро въ своемъ кругу, съ любовью занимался сельскимъ хозяйствомъ и умеръ отъ разрыва сердца, не оставивъ послѣ себя прямыхъ наслѣдниковъ.

Знатное происхожденіе покойнаго отъ отца — свана и матери — абхазки, многочисленное его родство среди высшаго аристократическаго общества Гуріи, Мингреліи, Абхазіи, Сванетіи, а отчасти и Имеретіи, въ связи съ его личными качествами и долгими приготовленіями къ похоронамъ, (похороны были назначены на 22-й день послѣ смерти, въ ожиданіи чего тѣло покойнаго было набальзамировано) предвѣщали однѣ изъ самыхъ рѣдкихъ и величественныхъ похоронъ. И дѣйствительно, похороны по многолюдству и разнообразію этнографическихъ особенностей обряда оплакиванія покойника оказались замѣчательными.

Народа на похороны покойнаго собралось изъ разныхъ концовъ Кутаисской губерніи до 10 тыс. человѣкъ. Тутъ были сваны, абхазцы, мингрельцы, имеретины. Чуть-ли не первыми сошлись у гроба покойнаго, предавъ вѣковую канлу [2]) забвенію, Отаровичи и Тенгизовичи — представители двухъ враждовавшихъ между собою линій кн. Дадешкеліани. Отаровичи, Татархань и Джансохъ, два брата Дадешкеліани, всего какихъ-нибудь полвѣка тому назадъ питали другъ къ другу кровавую вражду. Дѣдъ кн. Татархана былъ убитъ братомъ Тенгиза, а бабушка Тенгиза была сожжена живою дѣдомъ и прадѣдомъ Татархана. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и враждовавшія линіи забыли свои родовыя распри.

---

[1]) Срв. «Нов. Обозр.» № 4298, 1896 г.

[2]) Канла — кровомщеніе.

На пространствѣ 10—15 верстъ въ окружности отъ дома покойнаго, въ день похоронъ не осталось ни одного дома, откуда на похороны не явились бы чуть не всѣ поголовно члены семьи. Съ ранняго утра всѣ дороги, ведущія къ дому покойнаго, пестрѣли разноцвѣтными нарядами пѣшихъ и конныхъ, точно вереницы богомольцевъ въ день Свѣтлаго Воскресенія. Чтобы угостить всю эту публику, пришлось построить спеціальный деревянный шалашъ «сепе», саженъ въ сто длины, въ которомъ помѣщалась заразъ тысяча человѣкъ. Къ 11 часамъ утра, громадный дворъ былъ почти полонъ народа. У входа во дворъ всѣхъ встрѣчали завѣдующіе охраною перевозныхъ средствъ, и тотчасъ всѣ лошади отдавались цѣлому синклиту людей, въ рукахъ которыхъ должно было такимъ образомъ перебывать въ этотъ день нѣсколько тысячъ лошадей.

Одинъ изъ церемоніймейстеровъ, кн. Леванъ Анчабадзе, принималъ гостей въ свое распоряженіе, какъ только они вступали во дворъ, и провожалъ въ стоящую посреди двора будку, гдѣ приходящіе должны были разоружаться и ждать своей очереди для оплаканія.

Во дворѣ, направо, на эстрадѣ, видимъ хоръ гурійскихъ музыкантовъ въ красныхъ національныхъ костюмахъ; музыка на настоящихъ похоронахъ замѣнила хоровое погребальное пѣніе, извѣстное подъ названіемъ «зари», всегда сопровождающее или скорѣе всегда заглушающее въ Мингреліи всякое оплакиваніе. Налѣво траурный навѣсъ, саженъ въ 30—40 длины, подъ которымъ сидѣли человѣкъ до ста, облеченныхъ въ глубокій трауръ. Въ концѣ навѣса—осѣдланныя лошади покойнаго и его супруги подъ черными покрывалами. Напротивъ, въ глубинѣ двора—домъ покойнаго, а направо отъ дома, обращеннаго къ публикѣ фасадомъ, обширный навѣсъ, или скорѣе сарай, весь обтянутый трауромъ: въ немъ покоится прахъ усопшаго подъ балдахиномъ изъ малиноваго бархата, усѣяннымъ звѣздами и оканчивающимся сверху золоченою княжескою короною. Гробъ стоитъ противъ широкаго входа на правой сторонѣ навѣса. Въ лѣвомъ концѣ постройки, возлѣ выхода, сидятъ на коврахъ въ глубокомъ траурѣ близкія родственницы усопшаго и вдова, которая помѣщена въ траурной нишѣ, придѣланной къ самой стѣнѣ. За гробомъ громадную площадь, устланную коврами, заняли также женщины съ распущенными волосами и въ глубокомъ траурѣ. По окровавленнымъ ихъ лицамъ и охрипшимъ голосамъ въ нихъ не трудно узнать тѣхъ близкихъ къ покойнику лицъ, которыхъ такъ мѣтко называетъ грузинскій языкъ «хозяевами несчастія». Это дальнія родственницы покойнаго и его супруги: кормилицы, няни, молочныя ихъ сестры, жены, матери лицъ, приближенныхъ къ дому, и проч. Ихъ сидѣло у гроба до ста человѣкъ. Въ промежуткахъ между двумя группами оплакивающихъ онѣ восхваляютъ доблести усопшаго, сопровождая свою трогательную рѣчь неизсякаемыми потоками слезъ и ударами кулаковъ по груди и головѣ. Особенно краснорѣчивы между ними, какъ говорятъ, абхазки, съ ихъ вѣчными «оу, нанъ», но и сванетки, повидимому, не далеко отстали отъ нихъ. Обращаютъ на себя вниманіе раздирательные вопли и жалобныя рѣчи одной худенькой старухи—сванетки, но, къ сожалѣнію, ничего, кромѣ «Ціохъ», «Ціохъ»! нельзя раз-

слышать и понять. Видно, что это была молочная сестра дяди покойнаго, котораго звали этимъ именемъ.

Возлѣ гроба покойнаго, въ серединѣ навѣса, поставлена тахта съ постелью на ней, а на постели лежатъ рельефно, точно сидя на тѣлѣ, слегка подбитыя платья покойнаго и его супруги, держа другъ друга подъ руки. Въ этихъ подобьяхъ манекеновъ мѣсто рукъ занимаютъ перчатки, мѣсто ногъ—чувяки и ботинки, мѣсто головы—фотографическія карточки. У изголовья развѣшено оружіе покойнаго и поставленъ громадныхъ размѣровъ портретъ его отца.

Въ первый разъ пришлось видѣть рядомъ съ покойникомъ его костюмъ, выставленный съ цѣлью оплакиванія. Обыкновенно подобная выставка костюмовъ совершается на сороковой день, когда покойникъ давно уже почиваетъ въ могилѣ, а для созванной публики надо создать осязательный объектъ для оплакиванія, каковымъ объектомъ, за отсутствіемъ покойника, является его костюмъ. Но здѣсь, кромѣ этого, видимъ въ первый разъ еще и то, что платье живой женщины, хотя и сокрушенной горемъ, выставлялось рядомъ съ костюмомъ покойнаго мужа съ цѣлью его оплакиванія. И тотъ, и другой обычай, вѣроятно, пришли въ Мингрелію изъ сосѣдней Абхазіи, откуда происходятъ мать (нынѣ покойная) и вдова усопшаго, обѣ уроженныя Шервашидзе. Смыслъ выставки женскаго платья понятенъ: вмѣстѣ съ усопшимъ обычай предлагаетъ публикѣ окончить заразъ оплакиваніе и его супруги, жизнь которой пресѣклась вмѣстѣ съ жизнью мужа.

Самый порядокъ оплакиванія происходилъ такимъ образомъ. Въ будку, гдѣ останавливались прибывшіе для оплакиванія, являлись распорядители, чтобы звать къ гробу передовыя ихъ группы въ 5—10 человѣкъ заразъ. Распорядители становились по обѣимъ сторонамъ группы и сопровождали ее все время до окончанія оплакиванія, являясь для нихъ ассистентами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ группѣ бывали близкія родственницы или кормилицы и молочныя сестры, которыя въ подобныхъ случаяхъ всегда рвутъ на себѣ волосы, распорядители вели ихъ подъ руки и не допускали ихъ рукъ до волосъ, что въ общемъ стоило имъ не мало усилій. Когда группа выступала на оплакиваніе, хоръ гурійскихъ музыкантовъ начиналъ похоронные мотивы, а оплакивающіе, ударяя себя обѣими руками въ лобъ, кричали во все горло: «а-ва-вай, а-ва-вай»! При этихъ крикахъ они становились на колѣни передъ гробомъ, затѣмъ вставъ, пріостанавливались на минуту передъ платьемъ покойника и оттуда направлялись ко вдовѣ, чтобы выразить ей соболѣзнованіе все тѣми же ударами и плачемъ и, наконецъ, выходили изъ сарая, чтобы продолжать плачъ и рыданіе передъ сотнею близкихъ къ покойнику лицъ, во главѣ которыхъ находились дядя и братья покойнаго.

Оплакиваніе на этотъ разъ, не представляло тѣхъ примѣровъ самоистязанія, какими изобиловали абхазскія похороны всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

То время, когда оплакивающіе, закрывъ себѣ глаза лѣвой рукой, хлестали себя по бритой головѣ плетьми до тѣхъ поръ, пока концы плетей не вырывали тѣло кусками, нужно надѣяться, прошло безвозвратно. Прибывавшія ко гробу бритыя головы, носили только слѣды жестокихъ ударовъ. Самоистязаніе отошло въ область темныхъ преданій старины.

На похоронахъ кн. Дадешкеліани менѣе всѣхъ истязали себя присутствовавшіе сваны. Покойниковъ, оказывается, они оплакивали по командѣ, выстроившись въ шеренгу, на нѣкоторомъ разстояніи отъ гроба покойнаго, при чемъ ни ударовъ по головѣ и груди, ни, собственно говоря, плача у нихъ, судя потому, что здѣсь происходило, не положено. Когда они начали строиться по серединѣ двора, изъ-подъ навѣса вышли присутствующія сванетки и, собравшись въ одну группу вокругъ кн. Татархана Дадешкеліани, у котораго онѣ цѣловали милостиво къ нимъ протянутую руку, двинулись по направленію къ сванамъ съ плачемъ и рыданіемъ, точно относя имъ горестное извѣстіе о смерти покойнаго. Главная плакальщица сопровождала свои сѣтованія жестокими ударами ладони по своей обнаженной груди, до крови покраснѣвшей. Когда группа поравнялась съ строемъ сванов, послѣдніе, точно хористы въ операѣ, на каждую фразу плакальщицы давали отвѣты въ одинъ голосъ, произнося какія-то слова и прикладывая поднятыя къ небу руки то къ головѣ, то къ лицу, то къ груди. Оплакиваніе кончилось, когда сванетки прошлись по всему фронту строя.

Въ общемъ, въ церемоніи настоящаго оплакиванія нужно отмѣтить два момента. Одинъ—это въѣздъ во дворъ воспитателей покойнаго, князей Апакидзе, а другой—послѣднее прощаніе родственниковъ съ покойникомъ. Апакидзевы пріѣхали въ числѣ до 300 верховыхъ, конвоируемые духовенствомъ съ факелами и хоругвями. Ихъ кортежъ, по установленному обычаю, былъ пропущенъ во дворъ. Картина была, дѣйствительно, потрясающая, когда весь этотъ народъ, одѣтый въ глубокій трауръ, продефилировалъ передъ домомъ покойнаго при неистовыхъ крикахъ мужчинъ и женщинъ, рвавшихъ на себѣ волосы.

Но еще трогательнѣе было прощаніе съ покойникомъ его близкихъ и родственниковъ. Передъ выносомъ покойнаго всѣ родственники и родственницы, всѣ молочные братья и сестры и всѣ вообще близкія къ покойнику лица, всѣ носящіе по усопшемъ трауръ,—а ихъ было свыше 500 чел.,—собрались въ одну группу у выхода изъ-подъ навѣса и, предшествуемые братьями и сестрами покойнаго, съ хоромъ музыки и конемъ покойнаго во главѣ, двинулись впередъ; пройдя два раза вокругъ двора, они стремительно ворвались въ сарай — и началось прощаніе съ покойникомъ. Цѣлыхъ полчаса въ сараѣ стоялъ адъ. Плакали, рыдали, кричали, били себя по головѣ, рвали на себѣ волосы... Чтобы оторвать прощавшихся отъ гроба, распорядителямъ пришлось энергично поработать.

Наконецъ, главный распорядитель кн. Петръ Анчабадзе подалъ сигналъ— и гробъ покойнаго былъ вынесенъ на середину двора. Здѣсь преосвященные епископы гурійско-мингрельскій Григорій и алавердскій Виссаріонъ, отслужили краткую литію послѣ чего были произнесены епископомъ Григоріемъ надгробное слово, и свѣтскими лицами прощальныя рѣчи.

Тѣло покойнаго предано землѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его постигла моментальная смерть. Дядя покойнаго строитъ на томъ мѣстѣ церковь.

А. Хахановъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

R. S. Steinmetz: Endokannibalismus. *(Mittheil. d. anthrop Gezell. in Wien. 1896, XXVI, Heft. I. Стр. 60, 4°).*

Вопросъ о первичныхъ причинахъ, вызвавшихъ людоѣдство, и обстоятельствахъ, содѣйствовавшихъ его поддержанію до сравнительно высокихъ ступеней цивилизаціи, не можетъ считаться еще рѣшеннымъ окончательно, не смотря на многіе труды, посвященные ему. Р. Штейнмецъ, завоевавшій себѣ видное мѣсто въ этнографіи, благодаря капитальной работѣ Etnologische Studien z. ersten Entwickelung d. Strafe, разбираетъ въ указанной статьѣ вопросъ объ эндоканнибализмѣ или, по терминологіи Бордье, эндоантропофагіи, т. е. объ обычаѣ употреблять въ пищу членовъ собственной же группы (родственной или племенной). Авторъ т. обр. подвергаетъ изслѣдованію только одно изъ проявленій обычая людоѣдства, но рѣшеніе вопроса объ эндоканибализмѣ рѣшаетъ вопросъ и о происхожденіи обычая съѣдать своихъ враговъ, членовъ чуждой группы, т. е. объ экзоканибализмѣ (экзоантропофагіи) Въ виду того, что различные изслѣдователи рѣшали вопросъ о людоѣдствѣ далеко не однообразно, что накопившаяся за послѣднее время этнографическая литература даетъ возможность отчасти дополнить, отчасти подвергнуть критической оцѣнкѣ существующія объ антропофагіи свѣдѣнія, трудъ г. Штейнмеца является особенно интереснымъ.

Съ критической оцѣнки свидѣтельствъ о распространенности эндоканибализма въ разныхъ частяхъ свѣта и начинается работа автора: даже отбинувъ сомнительныя, недостаточно провѣренныя данныя, онъ приходитъ къ заключенію, что эндоканибализмъ слѣдуетъ признать весьма широко распространеннымъ явленіемъ среди массы некультурныхъ народностей. Всѣмъ извѣстны факты, что родственники съѣда-

ютъ своихъ умершихъ (родители—дѣтей, дѣти—престарѣлыхъ родителей и т. п.); далѣе весьма распространенъ обычай употреблять въ пищу тѣла извѣстныхъ своей храбростью воиновъ, внезапно умершихъ членовъ группы, преступниковъ, неоплатныхъ должниковъ и пр; наконецъ жертвами эндоканибализма дѣлаются сочлены по группѣ, приносимые въ закланіе божествамъ. Объясненіе этимъ обычаямъ давалось разное: людоѣдство объяснялось то какъ естественное слѣдствіе голоданія, которому часто подвергается первобытная группа, то анимистическими представленіями дикарей, то желаніемъ удовлетворить чувству мести (съѣденіе преступника, должника) и пр.

Г. Штейнмецъ, на нашъ взглядъ, совершенно правъ, доказывая, что указанныя причины не могутъ считаться первоначальными, что онѣ не были бы въ состояніи вызвать къ жизни антропофагію: ихъ слѣдуетъ считать причинами, поддержавшими въ жизни людоѣдство, иногда освятившими религіозной окраской уже существующій обычай. Мотивами, которые *не препятствовали* первобытному человѣку употреблять въ пищу умершихъ, были, по мнѣнію автора, слѣдующіе: стремленіе къ мясной пищѣ, отсутствіе отвращенія къ мертвому тѣлу, отсутствіе страха оскорбить духъ умершаго, недостатокъ чувства сожалѣнія къ погибшему сочлену по группѣ, представленіе, что употребленіе покойника въ пищу не оскорбляетъ его памяти. Всѣ эти мотивы на лицо у первобытнаго дикаря въ противоположность культурному человѣку. Первобытный дикарь—существо всеядное, слѣдовательно онъ можетъ употреблять въ пищу и мясо, въ частности человѣка; въ мясной пищѣ дикарь часто нуждается и ѣстъ умершаго человѣка, какъ онъ съѣдаетъ и павшее животное. Употребленіе гніющей пищи, чрезвычайно развито у некультурныхъ народовъ; вообще въ выборѣ продуктовъ питанія дикарь неразборчивъ; вкусовыя ощущенія у него не развиты. Далѣе страхъ передъ покойникомъ не можетъ считаться первоначальнымъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, такъ какъ мы встрѣчаемъ часто довольно свободное обращеніе съ мертвецомъ. Но если даже признать этотъ страхъ появившимся при зачаткахъ человѣческаго развитія, онъ не могъ воспрепятствовать людоѣдству, такъ какъ въ послѣднемъ не заключалось, по мнѣнію дикаря, ничего позорнаго для мертваго. Достаточно было въ крайнемъ случаѣ жертвоприношенія, чтобы умилостивить разгнѣванный духъ умершаго. Авторъ приводитъ въ этомъ случаѣ параллель съ обрядами, сопровождающими у многихъ народовъ употребле-

ніе въ пищу медвѣдя: послѣдняго убиваютъ и съѣдаютъ, а извиненія которыя приносятся пирующими духу медвѣдя, считаются достаточными, чтобы успокоить и умилостивить его. Наконецъ чувство жалости къ умершему—мотивъ, который могъ-бы препятствовать употребленію его въ пищу, — весьма мало развито на низшихъ ступеняхъ культуры. Тамъ, гдѣ дикарь подъ вліяніемъ обстоятельствъ практикуетъ въ широкихъ размѣрахъ дѣтоубійство, гдѣ онъ сокращаетъ жизнь больныхъ и неспособныхъ къ труду стариковъ, смерть оказывается въ глазахъ дикаря слишкомъ обычнымъ явленіемъ, чтобы возбуждать чувство сожалѣнія въ большой степени. Тамъ, гдѣ это чувство уже развито, анимистическія и другія представленія оказываются достаточно сильными, чтобы подавить его и позволить употребить въ пищу покойника.

Указанные выводы г. Штейнмецъ доказываетъ и подтверждаетъ большимъ количествомъ фактовъ, заимствованныхъ изъ быта дикарей. Такимъ образомъ въ эндоканибализмѣ слѣдуетъ, по мнѣнію автора, видѣть остатокъ первобытнаго способа добыванія себѣ пищевыхъ продуктовъ, когда всеядный дикарь пользовался для насыщенія всѣмъ, что онъ находилъ подъ руками. Появленіе анимистическихъ представленій лишь освятило и дало жизненность древнему обыкновенію. Развитіе религіозныхъ представленій вынуждало кормить боговъ яствами, которыя нѣкогда употреблялись людьми—отсюда развитіе человѣческихъ жертвоприношеній и употребленіе человѣческаго мяса жертвующими: то, что вышло изъ употребленія въ обыденной жизни, сохранилось какъ обрядъ въ сферѣ первобытной религіи, придавшей празднествамъ каннбаловъ священный характеръ. Съ сокращеніемъ эндоканибализма, наступающимъ съ постепеннымъ ростомъ культуры, ограничивается прежде всего категорія лицъ, которые могутъ быть съѣдены: сохранившись въ сферѣ религіозныхъ представленій, эндоканибализмъ сохраняется и въ сферѣ первобытнаго уголовнаго права, именно по отношенію къ преступникамъ, которые съѣдаются вовсе не изъ чувства мести со стороны потерпѣвшаго, какъ это думали нѣкоторые. Осужденный преступникъ перестаетъ находиться подъ охраной своихъ родственниковъ или своей группы, и древній обычай людоѣдства не находитъ себѣ препятствій въ отношеніи употребленія въ пищу осужденнаго и отчужденнаго отъ группы лица.

Первобытный человѣкъ вѣроятно употреблялъ въ пищу безраз-

лично какъ своихъ сочленовъ по группѣ, такъ и чуждыхъ ему лицъ. Вѣроятнѣе всего, что первоначально эндо- и экзоканибализмъ сосуществовали одновременно, но поскольку оба проявленія антропофагіи развиваются въ обычай, иногда исключающія другъ друга, можетъ возникнуть вопросъ, предшествовалъ-ли экзоканибализмъ эндоканибализму, какъ это предполагаетъ большинство, или наоборотъ. Г. Штейнмецъ рѣшаетъ этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ. Если-бы первоначально, замѣчаетъ онъ совершенно основательно, людоѣдство было выраженіемъ ненависти къ врагу, оно не могло-бы развиться въ знакъ любви къ родственникамъ.

Авторъ, кажэтся намъ, вдается въ крайность, объясняя время начала распространенія обычая экзоканибализма исключительно изъ періода начала упадка эндоканибализма. Разъ признать, что оба вида антропофагіи сосуществовали одновременно на низшихъ ступеняхъ культуры, мы не видимъ основанія непремѣнно объяснять одинъ видъ ея изъ другого. Вполнѣ естественно, что съ измѣненіемъ религіозныхъ и этическихъ представленій кругъ лицъ, которыя могутъ быть съѣдены, съуживается все больше; изъ него исключаются „свои“, а соотвѣтственно съ этимъ кругъ „чужихъ“ обязательно расширяется. Стремленіе удовлетворить потребности въ человѣческомъ мясѣ приводитъ къ войнамъ, къ охотамъ за людьми, къ сохраненію и откармливанію плѣнныхъ „на убой“. Но это не значитъ еще, что эндоканибализмъ породилъ экзоканибализмъ: въ то время какъ сфера примѣненія перваго сокращается, и эндоканибализмъ постепенно выходитъ изъ употребленія, второй — продолжаетъ существовать, и если мы экзоканибализмъ встрѣчаемъ какъ будто въ болѣе сильныхъ проявленіяхъ, то объясняется это тѣмъ, что съ ростомъ матеріальной культуры, съ улучшеніемъ вооруженія и пр. охота за людьми, прежде совершенно случайная, даетъ большіе результаты: болѣе устойчивый образъ жизни, накопленіе богатства, выдѣленіе изъ среды группы болѣе сильныхъ и вліятельныхъ и т. п. позволяетъ пользоваться въ большей мѣрѣ человѣческимъ мясомъ, чѣмъ это было возможно при необезпеченномъ экономическомъ бытѣ первобытной группы. Во всякомъ случаѣ необходимо признать, что эндоканибализмъ вышелъ въ большинствѣ случаевъ изъ употребленія ранѣе экзоканибализма, что послѣдній продолжаетъ часто господствовать, когда о первомъ сохраняются воспоминанія лишь въ преданіяхъ или обрядахъ.

Г. Штейнмецъ, подвергнувъ вновь пересмотру данныя, касаю-

щіяся антропофагіи, установивъ новую интересную точку зрѣнія на это явленіе жизни некультурныхъ народностей, принесъ своей небольшой, но крайне обстоятельной монографіей весьма существенную пользу наукѣ.

П. Х.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. *Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.* Выпускъ XXI. Тифлисъ 1896 г.

Въ I отдѣлѣ XXI выпуска Сборника помѣщены статьи историческаго и описательнаго содержанія. Е. С. Такаишвили—„Историческія приписки двухъ конволосовъ и хронологическій перечень событій по нѣкоторымъ другимъ источникамъ“ и „Два акта католикоса Дементія III, данные въ Константинополѣ“; Н. П. Остроумова—„Мусульманское представленіе о Кавказскомъ хребтѣ (Кухи—Кафъ)“, въ которомъ названіе Кафъ пріурочивается не къ Кавказу, но къ Гиндукушу, при чемъ баснословные Гогъ и Магогъ, упоминаемые въ Библіи и Коранѣ, отнесены къ жителямъ этой горной страны; В. И. Дѣвицкаго—„Каникулярная поѣздка по Эриванской губерніи и Карсской области“, дающая свѣдѣнія о ближайшихъ мѣстахъ къ Арарату и долинѣ Аракса; В. А. Емельянова—„Елисаветполь и его окрестности“ въ орнитологическомъ отношеніи, съ нѣкоторыми сказаніями мѣстныхъ татаръ о птицахъ“; С. О. Мельникова-Разведенкова—„Воспоръ Киммерійскій въ эпоху Спартакидовъ“ знакомитъ съ отдаленнымъ прошлымъ греческихъ колоній по обоимъ берегамъ Керченскаго пролива и указываетъ на связь народовъ Кавказа съ классическимъ міромъ. Статья сопровождается объясненіями Е. Вейденбаума.

Во II отдѣлѣ заключаются сказки адербейджанскихъ татаръ, грузинъ, армянъ и грековъ. Сказка „Богатырь Гасанъ“ (татарская) заключаетъ мотивъ о похищеніи красавицы и смѣломъ подвигѣ ея избавленія изъ плѣна (ср. Змѣй-Горынычъ русскихъ сказокъ). Въ сказкѣ „Царевичъ Асланъ и дивъ“ разрабатывается сюжетъ о матери-предательницѣ и притворной болѣзни, столь распространенный въ сказкахъ Европы, Азіи и Африки. Сказка „Невѣрная жена и вѣрная невѣста“ проводитъ мысль о томъ, что нельзя огуломъ осуждать женщинъ; если есть невѣрныя жены, готовыя посредствомъ убійства

отдѣлаться отъ мужа, то найдутся вѣрныя невѣсты, которыя свято хранятъ память погибшаго жениха, мстятъ за него и даже лишаютъ себя жизни, не желая жить безъ него. Сказка „О двухъ братьяхъ", по своему мотиву—превращенію дѣвушки въ мужчину, можетъ быть сближена съ имеретинской сказкой „О дочери царскаго экономa". Параллели сказаній о половой метаморфозѣ существуютъ въ классической литературѣ, въ восточныхъ сказкахъ и средневѣковыхъ легендахъ. Сказка „Патамъ-бѣдякъ" отличается оригинальной комбинаціей нѣсколькихъ мотивовъ. „Богатырь Ецемей, сынъ Ецея" принадлежитъ къ разряду нартовскихъ сказаній, распространенныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Сказаніе объ „Амиранѣ" имѣетъ сюжетомъ трагическую судьбу этого Прометея грузинъ и осетинъ. Одна любопытная подробность должна быть отмѣчена сравнительно съ прежними его варіантами. „Когда Амиранъ бывалъ на небѣ, то І. Христосъ воспретилъ ему уносить оттуда огонь, но онъ не послушался, видя что люди нуждаются въ огнѣ; этимъ онъ навлекъ на себя гнѣвъ Божій". Въ статьѣ І. Джапаридзе „Народный праздникъ и повѣрья рачинцевъ" описываются обычаи, связанные у рачинцевъ съ празднованіемъ „Четверга поросятъ", „Бослоба" и др. Въ концѣ этого отдѣла приводятся адыгскіе (черкесскіе) тексты сказокъ и пѣсенъ; сопровождаются они объяснительнымъ словаремъ и грамматическими замѣтками, составленными г. Лопатинскимъ. Новинкой въ этомъ выпускѣ является весьма полезный указатель мотивовъ сказокъ съ указаніемъ параллелей.

А Хах—овъ.

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія, *описанное его сыномъ архидіакономъ* **Павломъ Алеппскимъ**. Выпускъ І. Москва, 1896. X—154 стр.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича дважды пріѣзжалъ въ Россію антіохійскій патріархъ Макарій, родомъ арабъ изъ города Алеппо, въ первый разъ для сбора пожертвованій, во второй—десять лѣтъ спустя—по приглашенію царя для суда надъ патріархомъ Никономъ. Въ первый пріѣздъ съ нимъ былъ его родной сынъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который составилъ любопытное описаніе трехлѣтняго путешествія своего отца. Въ своихъ запискахъ онъ касается всего,

что могъ видѣть и слышать; онъ описываетъ страну и нравы жителей, селенія и города, монастыри и церкви, пріемы и пиры при дворахъ, характеристику политическихъ и церковныхъ дѣятелей, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе его отецъ-патріархъ. По простотѣ и разнообразію „путешествіе“ это является однимъ изъ цѣнныхъ памятниковъ о Россіи средины XVII в., во многомъ превосходящимъ записки тогдашнихъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Послѣдніе являлись въ Россію въ качествѣ пословъ на короткое время и по необходимости ограничивали свои наблюденія внѣшней стороной быта. Въ виду недовѣрчиваго отношенія московскаго двора къ иноземцамъ, послѣдніе дѣлали свои распросы только украдкой, дворъ видѣли въ праздничномъ уборѣ, съ предубѣжденіемъ смотрѣли на богослуженіе. Не таково было положеніе Павла Алепскаго. Патріархъ, какъ лицо духовное и какъ человѣкъ, пришелся царю Алексѣю Михайловичу по сердцу, а Никонъ заискивалъ у него, нуждаясь для достиженія своихъ намѣреній въ сомысліи восточныхъ патріарховъ. Павелъ Алепскій могъ знать, что самъ видѣлъ и слышалъ во время секретныхъ переговоровъ между царемъ, Никономъ и патріархомъ Макаріемъ. Арабскій подлинникъ „Путешествія“ еще не напечатанъ. Извѣстны были неполные отрывки въ англійскомъ переводѣ Бальфура и въ русскомъ изложеніи гг. Савельева и Аболенскаго. Въ настоящее время предпринятъ г. Муркосомъ полный переводъ названнаго памятника, первая часть котораго—„путешествіе отъ Алеппо до земли казаковъ“, вышла въ „Чтеніяхъ общества исторіи“ и отдѣльнымъ изданіемъ. Въ основаніе перевода положенъ списокъ Макаріева путешествія, хранящійся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

А. Хах—овъ.

Буссе, Ѳ. Ѳ. Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1883—1893 годахъ. Съ картою. Спб. 1896. 4°. 2+IV+165+57 стр. Цѣна 4 руб.

Давъ предварительно очеркъ природныхъ условій края и историческихъ свѣдѣній о заселеніи его (1—28 стр.), авторъ приступаетъ затѣмъ къ подробному изложенію экономическихъ явленій, сопровождающихъ переселенца съ мѣста родины въ новый край, выясняетъ результатъ этихъ явленій, насколько они успѣли обнаружиться за время

недавняго пребыванія переселенцевъ въ краѣ, а также не оставляетъ безъ вниманія взаимнаго отношенія ихъ новой экономической жизни къ прежней, начавшейся въ Европейской Россіи (29—165 стр.). Все это иллюстрируется статистическими таблицами (1—57 стр.) и картой (20 верстъ въ дюймѣ).

Уже очеркъ природныхъ условій показываетъ, что Южно-Уссурійскій край, хотя и богатый, требуетъ тѣмъ не менѣе энергіи, сноровки, часто большого терпѣнія; историческій очеркъ подтверждаетъ это, да и сейчасъ существующіе тамъ инородцы, знающіе въ краѣ „каждую тропу“ (китайцы) или бѣжавшіе съ своей родины отъ голода и смерти (корейцы), служатъ не малымъ показателемъ своей жизнеспособности и даже настолько успѣшно, что правительство опасается ихъ политическаго вліянія въ краѣ. Немудрено поэтому, что и русскій переселенецъ долженъ здѣсь стать, по крайней мѣрѣ, хоть на равную ногу съ туземцами, порвавъ связь со многими обычаями матеріальнаго быта своей родины; долженъ энергично, терпѣливо и трезво приноровляться къ жизни. Два случайныхъ условія, какъ нельзя лучше, способствуютъ этому: во-первыхъ, съ мѣста родины, особенно въ послѣднихъ партіяхъ, отправляются поселенцы и обзаводятся на мѣстѣ хозяйствомъ исключительно на свой счетъ (600 руб.), а это, разумѣется, возможно, когда люди уже на родинѣ проявили не малую экономическую энергію (на плохой землѣ скопили 600 руб. и ищутъ лучшей); во-вторыхъ, по прибытіи на мѣсто, падать духомъ ужъ положительно опасно: возвратъ далекъ и дорогъ, а тому, кто получилъ правительственную субсидію, и совсѣмъ невозможенъ (случаи возврата рѣдки, да и то это—или люди очень богатые, или любители-туристы, отправляющіеся отсюда по всей Сибири искать счастливаго уголка). Ну, понятно, оба эти условія, идя на встрѣчу другъ другу, даютъ жизнеспособный составъ русскаго населенія въ краѣ. Сама природа, богатая, какъ сказано выше, но своеобразная, не даетъ ослабѣвать этой жизнеспособности, а наоборотъ, ее поддерживаетъ.

Во всѣхъ деталяхъ новаго экономическаго быта, сколько бы мы ни пересматривали ихъ въ этомъ трудѣ, опять-таки сказывается ясно энергія и сноровка переселенцевъ: выборъ инструментовъ и матеріаловъ, выборъ земли и способа хозяйства на ней, выборъ скота (работа лошадьми и волами), составъ сельскихъ обществъ (обыкновенно однородныхъ по мѣсту родины), экономическая роль женщинъ

и родственниковъ въ трудѣ, различные виды сельскаго (и даже иногда городского ремесленнаго) труда—все это примѣнено къ новымъ условіямъ.

Если говорить о первобытныхъ формахъ культуры, то, конечно, этнографъ мало почерпнетъ во всѣхъ указанныхъ фактахъ подходящаго для себя матеріала, но несправедливо же думать, что наука о народныхъ массахъ должна уяснять себѣ только древнія черты ихъ быта. Бытъ современный гораздо вѣрнѣй и детальнѣй можетъ быть опредѣленъ его наблюдателемъ, а черезъ нѣсколько времени такой трудъ явится уже лучшей лѣтописью своего времени. Правда, и здѣсь нужна извѣстная (научная) система, чтобы трудъ не потерялъ живого интереса; для этого многочисленные труженики систематизируютъ „сырой“ этнографическій матеріалъ на всевозможныя темы. Трудъ г-на Буссе, представляющій изъ себя тоже „сырой“ матеріалъ, особенно въ томъ видѣ, какой указанъ ему темой („Переселеніе крестьянъ моремъ“), будетъ однако интересенъ въ далекомъ или недалекомъ будущемъ, когда русское населеніе Южно-Уссурійскаго края, дѣйствительно, проведетъ въ жизнь всю энергію своей натуры и, такимъ образомъ, оправдаетъ первые побѣги ея, отмѣченные теперь. Этнографія получитъ новый матеріалъ для своего „сравнительнаго“ метода: она уже въ состояніи будетъ сравнивать бытъ „прежній“ и „новый“, какъ причину и слѣдствіе, а это очень важно по отношенію ко многимъ вопросамъ народной жизни.

Впрочемъ, и здѣсь нельзя упускать изъ виду всякихъ измѣненій уже въ установившемся движеніи жизни. Такъ, напр., въ данномъ случаѣ одно движеніе переселенцевъ сухимъ путемъ (когда дойдетъ желѣзная дорога съ запада до пристани на верхнемъ Амурѣ) много измѣнитъ и весь составъ населенія, и самый характеръ его экономической жизни. Объ этомъ отчасти можно судить и теперь по хозяйству „казеннокоштныхъ“ (первыхъ партій, которыя ѣхали и обзаводились на счетъ казны; каждая семья обходилась правительству въ 1.293 руб.), которые безъ всякой необходимости и даже иногда въ ущербъ себѣ держатся нѣкоторыхъ обычаевъ прежняго матеріальнаго быта. Тогда же (сухимъ путемъ) пойдутъ люди, отъ которыхъ не потребуютъ 600 рублей при отправленіи. Да и не только это, — многое другое хлынетъ въ край и заведетъ тамъ новые порядки (ну, конечно, м. б. и на старый ладъ).

Матеріалы Ѳ. Ѳ. Буссе, захватывая собою только 1883—1893 годы,

въ предѣлахъ этого времени и уяснятъ намъ жизнь Южно-Уссурійскаго края (рѣдко встрѣчаются указанія на позднѣйшіе факты). Но жизнь Сибири идетъ теперь такими быстрыми шагами, что очень важно не упускать изъ виду и ни одного изъ послѣдующихъ годовъ. Конечно, слѣдуетъ высказать и другое пожеланіе, а именно, чтобы обслѣдывался не только матеріальный бытъ, но и духовно-нравственный, для чего, само собой, потребуются и особыя лица, и особыя средства.

Вл. Б.

В. Л. Сѣрошевскій: Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія, т. I. изд. И. Р. Геогр. Об. подъ ред. Н. И. Веселовскаго, 8°, 719; стр. съ 168 рисун., портретомъ и картой. Спб. 1896). Появленіемъ въ свѣтъ цѣнной монографіи г. Сѣрошевскаго наука обязана прежде всего просвѣщенному содѣйствію г-жи Громовой, предоставившей необходимыя средства для изданія, и тому вниманію, съ которымъ Имп. Русск. Географическое Общество отнеслось къ обширному матеріалу, собранному авторомъ въ теченіе 12-ти-лѣтняго пребыванія въ Якутской области. Долговременная жизнь среди якутовъ, знакомство съ ихъ языкомъ, путешествія по ихъ странѣ, изученіе существующей литературы—все это дало г. Сѣрошевскому возможность не только детально изучить бытъ якутовъ, но въ значительной степени дополнить въ общемъ не бѣдную литераратуру по этнографіи этой интересной народности, исправить нѣкоторые существующіе неправильные взгляды на ту или иную сторону ихъ быта и установить на многіе вопросы новыя точки зрѣнія. Мы имѣемъ въ монографіи г. Сѣрошевскаго и наиболѣе полный, и наиболѣе научный трудъ по этнографіи якутовъ. О полнотѣ содержанія его работы можно судить по числу крупныхъ вопросовъ, затрагиваемыхъ и разрабатываемыхъ авторомъ. Обширное «введеніе» заключаетъ свѣдѣнія о географіи страны, климатѣ, флорѣ и фаунѣ Якутской области; оно служитъ какъ-бы фономъ для картины хозяйственнаго быта якутовъ, нѣкоторыхъ особенностей ихъ внѣшней культуры и общественнаго строя. Слѣдующія за введеніемъ 15 главъ посвящены разработкѣ вопросовъ: о происхожденіи якутовъ и ихъ разселеніи, о физическихъ особенностяхъ племени, экономическихъ основахъ быта, о пищѣ, одеждѣ и постройкахъ; далѣе слѣдуютъ главы,

касающіяся ремеслъ и искусства у якутовъ, распредѣленія богатства, условій труда и найма, родового строя, брака и семьи, народнаго словеснаго творчества и, наконецъ, вѣрованій; въ послѣднюю главу авторъ включилъ и данныя о похоронныхъ обрядахъ. Въ качествѣ приложенія помѣщена интересная „вѣдомость о числѣ домовъ, юртъ и народонаселенія инородцевъ Олёкминскаго округа, и улусы, съ подраздѣленіемъ на наслеги и роды за 1894 г.“. Два указателя (собственныхъ именъ и предметный) облегчаютъ справки въ объемистомъ и богатомъ по своему содержанію трудѣ г. Сѣрошевскаго. Значительное количество рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ и посвященныхъ преимущественно изображенію предметовъ внѣшней культуры якутовъ и произведеній художественнаго творчества ихъ, даютъ наглядное представленіе объ ихъ одеждѣ, постройкахъ, разныхъ работахъ и пр.

Естественно, что не всѣ отдѣлы могли быть разработаны авторомъ съ одинаковой детальностью. Такъ, напр, свѣдѣнія о физическомъ типѣ якутовъ представляютъ лишь результатъ личныхъ наблюденій автора и не подкрѣплены антропометрическими данными. Но и въ этихъ, такъ сказать, болѣе слабыхъ частяхъ труда ясно сказывается наблюдательность автора, серьезное отношеніе къ своей задачѣ и способность его даже при неблагопріятныхъ условіяхъ черпать для науки глубоко-интересные факты. Г. Сѣрошевскій не имѣлъ возможности производить антропометрическихъ наблюденій, но внимательное отношеніе къ физическимъ особенностямъ якутовъ позволило ему отмѣтить нѣсколько варіацій основного типа, объяснить происхожденіе этихъ варіацій и открыть интересный фактъ различія типа не только по мѣстностямъ, но и по родамъ.

Лучше и подробнѣе всего разработаны вопросы, касающіеся внѣшняго, экономическаго и семейно-общественнаго быта якутовъ, равно и данныя о ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ не только наиболѣе полныя свѣдѣнія о современномъ состояніи якутовъ, но, что особенно важно и интересно, и удачную попытку прослѣдить развитіе ихъ внѣшняго и экономическаго быта, изучить исторію развитія родового и семейнаго устройства и изложить, такимъ образомъ, процессъ культурнаго роста якутовъ. Для достиженія поставленной задачи г. Сѣрошевскій пользуется изученіемъ фактовъ переживанія въ современномъ строѣ ихъ разсказами стариковъ и преданіями, сохраняющими въ себѣ живыя воспоминанія о томъ, какъ жили якуты нѣкогда, въ отдаленныя времена. Такимъ образомъ, автору удается

начертать картину постепеннаго перехода якутовъ отъ момента, когда ихъ главнымъ богатствомъ были лошади, до настоящаго времени, когда видоизмѣнившіяся условія заставили ихъ перейти къ замѣнѣ лошадей рогатымъ скотомъ. Вліяніе перехода отъ одной формы хозяйства къ другой на строй экономическій и общественный среди описываемой народности прекрасно очерчено авторомъ; съ этого момента начинается постепенное осѣданіе якутовъ, ознакомленіе ихъ съ искусствомъ правильной заготовки сѣна на зиму и пр. Постепенно осѣданіе якутовъ приводитъ къ возможности производить первыя попытки земледѣльческаго хозяйства. При изученія разныхъ способовъ воздѣлыванія земли въ настоящее время, авторъ, пользуясь и пр. и разсказами о прошломъ, возстановляетъ цѣлую исторію развитія земледѣлія среди племени, медленнопереходящаго отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому, при чемъ прослѣживаетъ исторію этого перехода въ весьма детальныхъ оттѣнкахъ. Говоря о современномъ упадкѣ родового строя, авторъ отмѣчаетъ важное значеніе экономическихъ условій, какъ фактора, содѣйствующаго разрушенію прежнихъ условій быта. Ему удается возстановить родовую организацію, изучить прежній строй якутовъ, открыть въ ихъ современномъ бытѣ слѣды господствовавшаго у нихъ нѣкогда счета родства по материнской линіи, прослѣдить постепенное развитіе индивидуальной семьи и отмѣтить слѣды господствовавшаго у нихъ въ отдаленное время безпорядочнаго сожительства, когда единственнымъ дѣленіемъ якутовъ внутри группъ было дѣленіе на классы по возрасту, когда у нихъ еще отсутствовало представленіе о кровномъ родствѣ. Вслѣдствіе метода, принятаго г. Сѣрошевскимъ, при помощи котораго онъ освѣщаетъ свой чрезвычайно богатый матеріалъ, его трудъ представляетъ исторію культуры одной изъ интереснѣйшихъ народностей Сибири. Въ отдѣлѣ о религіозныхъ воззрѣніяхъ авторъ, давая талантливый очеркъ вѣрованій якутовъ, ихъ жертвеннаго ритуала и развитія у нихъ шаманства, обращаетъ особенное вниманіе на инфильтрацію христіанскихъ представленій въ религіозный міръ якута, оставшагося до настоящаго времени въ душѣ еще совершенно язычникомъ. Народное творчество разсматривается въ названномъ трудѣ съ точки зрѣнія формы и содержанія: сборникъ текстовъ образцовъ народной словесности у якутовъ, повидимому, долженъ составить содержаніе 2-го тома работы г. Сѣрошевскаго.

„Якуты“ г. Сѣрошевскаго должны быть безусловно причислены къ наиболѣе выдающимся трудамъ по этнографіи Россіи за послѣд-

ніе годы, не только по богатству матеріала, собраннаго авторомъ, но и по способу обработки фактическихъ данныхъ о бытѣ якутовъ. Одновременно, названный трудъ наглядно свидѣтельствуетъ о богатствѣ этнографическимъ матеріаломъ нашей родины, даже въ отношеніи такихъ сравнительно изученныхъ народностей, какъ якуты. На примѣрѣ труда г. Сѣрошевскаго, можно видѣть, какъ много еще можетъ дать интереснѣйшихъ свѣдѣній наукѣ этнографіи талантливый изслѣдователь, желающій глубже вникнуть въ бытъ изслѣдуемой имъ народности и относящійся къ собираемому матеріалу сознательно и научно.

Н. Х.

Die Aromunen. *Etnographisch-philologisch-historische Untersuchungen v.* **Gustav Veigand.** *Bd. I. Land. und Leute.* (Leipzig. 1895. in 8°. XII+334. Preis 10 M.).

Въ юго-западной части Балканскаго полуострова отдѣльными небольшими группами живетъ племя, говорящее на румынскомъ языкѣ, давно уже подмѣченное учеными и извѣстное подъ нѣсколькими названіями: Македоно-Валаховъ, Южныхъ Румынъ, Пиндскихъ Валаховъ, Задунайскихъ Валаховъ, Куцовлаховъ, Цицкаровъ и др.—названіями, которыя, поражая своею численностью, все-же невѣрно опредѣляютъ это племя. Съ перваго же взгляда эти названія можно разбить на двѣ группы: первая группа—это названія, придуманныя учеными, названія, данныя этому племени на основаніи занимаемой имъ территоріи; вторая группа — это насмѣшливыя названія-прозвища, данныя этому племени сосѣдними народами. Названія первой группы неудачны, потому что это племя живетъ разбросанно среди Болгаръ, Албанцевъ, Турокъ, Грековъ и другихъ народовъ, сливаясь иногда въ большую группу, представляя почти сплошное населеніе, между Эпиромъ и Θессаліей, на западъ отъ горы Копачера; другая группа живетъ на западъ отъ Олимпа среди греческаго населенія, третья—на югъ отъ озера Острово между Болгарами и Турками, а остальныя группы живутъ отдѣльными поселеніями, иногда составляя длинные прямоугольники. Вторая группа названій имѣетъ такое же значеніе, какъ названіе Валаховъ для Дунайскихъ Румынъ, которое, какъ доказалъ проф. Ар. Денсушяну (Revista critică-literară. 1894. № 1, стр. 1—15-я; см. рецензію въ Этногр. Обозр. за 95-й годъ,

№ 3-й, стр. 136—8-я), есть насмѣшливое прозвище для простаковъ-земледѣльцевъ и пастуховъ, жителей деревни, данное Греками еще въ классическую эпоху и оставшееся до послѣднихъ временъ у сосѣднихъ народовъ.

Въ то же время это племя само себя называетъ Аромунами, измѣняя это названіе въ такой формѣ: Арэмынъ, Армынъ, Арменъ и т. п. Такимъ образомъ, Аромуны съ такимъ названіемъ впервые появляются въ печати; названіе Румуновъ предложенное Миклошичемъ, авторъ считаетъ не вполнѣ точнымъ.

Густавъ Вейгандъ, приватъ-доцентъ Лейпцигскаго университета, уже два года руководитъ занятіями въ румынскомъ семинаріи, извѣстномъ подъ названіемъ Института румынскаго языка, и извѣстенъ нѣсколькими своими работами по изученію Арумынъ, преимущественно работами лингвистическими. Такъ, въ прошломъ году вышелъ первый томъ трудовъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ семинаріи,—въ видѣ отчета за первый годъ семинарскихъ занятій, въ который вошли три работы: отрывки текстовъ изъ кодекса „Дамониу“, открытаго Г. Вейгандомъ въ Охридѣ, писаннаго на аромунскомъ нарѣчіи,—въ обработкѣ П. Дахсельта; аромунскіе баллады объ Артабрюкѣ и отношенія ихъ къ сосѣднимъ народамъ,—работа К. Шладебаха и нѣсколько отрывковъ для изученія Истрійскаго нарѣчія, до сихъ поръ неизвѣстнаго и неизслѣдованнаго (Erster Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig. 1894. XII+157, 8°). Второй томъ этихъ отчетовъ долженъ появиться теперь. Вторая работа Г. Вейганда: „Влахо Меглы“, этнографическое и филологическое изслѣдованіе, явившееся результатомъ нѣсколькихъ поѣздокъ автора къ Македонскимъ Румынамъ для изученія языка. Въ горномъ округѣ Караджова авторъ подмѣтилъ румынское населеніе въ количествѣ около 14-ти тысячъ, которое по одеждѣ, обычаямъ, нравамъ, типу и т. д.—совершенно отличается отъ Цинцаровъ и составляетъ, такимъ образомъ, нѣчто отдѣльное. Въ первомъ томѣ описано самое путешествіе автора, съ краткими этнографическими наблюденіями; во второмъ чисто-филологическое изслѣдованіе; въ третьемъ собраніе лучшихъ сказокъ съ переводомъ ихъ на нѣмецкій языкъ (Vlacho-Meglen. Eine ethnographisch philologische Untersuchung. 1892. XXXVI+78. 9°). Третьей работой автора является изслѣдованіе по языку Олимпійскихъ Валаховъ, съ небольшими этнографическими прибавленіями. Эта работа—чисто-лингвистическія наблюденія надъ языкомъ мало-извѣстнаго на-

рода, приближающагося къ Аромунамъ, сдѣланныя на основаніи собранныхъ авторомъ народныхъ пѣсенъ и другихъ образцовъ языка съ небольшими замѣтками во время путешествія автора по Македоніи, Эпиру и др. (Die Sprache der Olympo-Valachen nebst einer Einleitung über Land und Leute. 1888. VIII+142. 8°). Четвертой работой Г. Вейганда является цѣлый рядъ трудовъ по изученію Аромуновъ. Въ прошломъ году появился второй томъ этихъ трудовъ, изслѣдующій народную литературу у Аромуновъ, съ прибавленіями: словаря, діалектическихъ различій между аромунскимъ нарѣчіемъ и основнымъ языкомъ, т. е. языкомъ Дунайскихъ Румыновъ, и описанія метода, рекомендуемаго авторомъ для изысканій въ области діалектологіи. Остальныя томы подготовляются къ печати: третій томъ—Словарь аромунскаго нарѣчія, четвертый—Грамматика и пятый—сравнительныя и заключительныя выводы, на основаніи изданныхъ матеріаловъ.

Первый томъ этого труда появился въ нынѣшнемъ году, т. е. позднѣе второго тома. Этотъ томъ озаглавленъ: „Страна и Люди“ и содержитъ путевыя записи, расположенныя въ порядкѣ дневника, веденныя авторомъ во время путешествій по юго западной части Балканскаго полуострова, съ цѣлью изученія аромунскаго нарѣчія, въ 1889-мъ и 1890-мъ годахъ. Существенную часть вышедшаго тома составляютъ путевыя записки, въ которыхъ авторъ даетъ весьма мало этнографическихъ свѣдѣній; его записки—записки обыкновеннаго туриста-любителя, въ которыхъ описываются дорожныя приключенія и впечатлѣнія. Записки эти даютъ описанія городовъ, селъ, монастырей; иногда приводится численность населенія, свѣдѣнія о школахъ, о современномъ состояніи учрежденій,—но во всемъ этомъ нельзя замѣтить наблюдательности автора, его любви къ изучаемому племени. Такимъ образомъ, если бы кто захотѣлъ составить этнографическій очеркъ Аромуновъ по труду Г. Вейганда, то онъ долженъ былъ бы ограничиться собраніемъ самыхъ мелкихъ, по большей части, самыхъ формальныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ по всему тому. Въ книгѣ Г. Вейганда не замѣчается никакихъ историческихъ справокъ, въ то время какъ онъ посѣщалъ интересные пункты; такъ, напр., авторъ былъ въ двухъ монастыряхъ—св. Варлаама и на скалахъ Калабана,—построенныхъ на вершинахъ двухъ скалъ, совершенно одиноко возвышающихся изъ глубины долины въ видѣ башенъ. Только въ одномъ мѣстѣ, а именно въ Роснѣ, авторъ

видѣлъ болгарскую свадьбу, которую и описываетъ нѣсколько въ общихъ выраженіяхъ (стр. 118—122-я); въ другихъ мѣстахъ авторъ вдается въ филологическія подробности по поводу мѣстныхъ названій, одежды, напр. описанія женской одежды у жителей с. Суравели (стр. 190-я) и др. Такія филологическія замѣчанія Г. Вейганда, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ весьма интересны.

Самой существенной частью, и частью цѣнной для этнографіи Аромуновъ, являются приложенія. Въ первой главѣ приложеній авторъ говоритъ о типѣ Аромуновъ и на основаніи своихъ наблюденій находитъ два основныхъ типа: сѣверный и южный; сѣверный типъ это блондины, „росту выше-средняго, статнаго сложенія, съ высокимъ выпуклымъ лбомъ, грубыми чертами лица, большимъ ртомъ, сѣрыми или коричневыми глазами, густыми бровами, безбородые или съ прямой бородой; движенія у нихъ медленны, исполнены важности; ко всему еще—голосъ, звукъ котораго напоминаетъ трубу“ (стр. 258). „Второй типъ,—говоритъ авторъ,—находится болѣе на югѣ, а именно, среди племени Фаршеріотовъ. Ихъ ростъ—средній, фигура широкая и крѣпкая съ сильной грудью, голова болѣе угловата, лобъ низкій, волосы черные или совершенно темнорусые, нерѣдко нѣсколько курчавые, брови густыя, черныя, глаза блестятъ умно и лукаво, движенія быстрыя, дѣятельныя, цвѣтъ кожи переходитъ въ желто-коричневатый. Сравненіе съ римскимъ легіонеромъ совсѣмъ у мѣста“ (стр. 289). Далѣе авторъ приводитъ статистическія данныя о типахъ, добытыя имъ при изученіи учениковъ аромунской школы въ Верріи. Описывая одежду аромунъ, авторъ приводитъ мѣстныя названія, передавая ихъ въ фонетической румынской транскрипціи; въ описаніи одеждъ главную роль играютъ приложенные снимки, дающіе понятіе о самыхъ типичныхъ видахъ одежды. Далѣе Г. Вейгандъ говоритъ о положеніи деревень въ топографическомъ отношеніи; также лучшимъ дополненіемъ къ описанію автора служатъ снимки, преимущественно съ городовъ. Описывая въ слѣдующей главѣ строенія въ деревняхъ у Аромунъ, авторъ воспроизводитъ типичный домъ: онъ совершенно квадратный; средину его занимаютъ сѣни, расположенныя крестообразно, которыя своими концами раздѣляютъ домъ на четыре небольшихъ помѣщенія, двери изъ которыхъ всѣ выходятъ въ тѣ же сѣни. Эти помѣщенія распредѣлены такъ: кухня, женская комната, зимняя комната и кладовая (стр. 270). Во второмъ прибавленіи авторъ разбираетъ всѣ мелкія племенныя названія Аромунъ.

Какъ сказано раньше, Аромуны извѣстны подъ разными именами. Самое общеупотребительное изъ нихъ—„Влахи“. Влахами,—говоритъ Г. Вейгандъ,—въ Босніи и Далмаціи называютъ православныхъ Славянъ, въ Истріи такимъ именемъ названа группа Славянъ, которые живутъ южнѣе Монте-Маджіоре по направленію къ Антиньяно и Кородино и различаются отъ остальныхъ Славянъ по носимымъ ими узкимъ штанамъ. Непосредственно рядомъ съ ними живущіе Истро-Румыны носятъ имя „Чирибири“, а языкъ ихъ называютъ чирибирскимъ и влашскимъ. Въ Греціи, по крайней мѣрѣ въ Аттикѣ и Беотіи, подъ именемъ Влаховъ понимаются вообще крестьяне, одинаково и Албанцы и Аромуны, а само слово Vlachirítenes можетъ обозначать обѣ эти національности. А когда хотятъ сказать болѣе точно, то для опредѣленія Аромуновъ служитъ названіе „Куцовлахи“ (хромые Влахи). „Цинцары“—это насмѣшливое прозвище, данное Аромунамъ Сербами, въ землю которыхъ они приходили, и свистящій выговоръ которыхъ произносилъ звукъ *ч* особенно, и дакійское слово *чинчь* (пять) выходило у нихъ *цинць*. Эта насмѣшка дана была Сербамъ, которые на сѣверовостокѣ своей страны всего ближе соприкасаются съ Дако-Румынами. Это прозвище „Цинцары“ перешло впослѣдствіи къ Венграмъ и самимъ Румынамъ, но менѣе къ югу; только въ Эпирѣ можно услыхать его, причемъ оно извѣстно какъ насмѣшливое прозвище. Слѣдуетъ замѣтить, что прежніе изслѣдователи производили прозвище „цинцары“ отъ румынскаго слова *цинцáріу* = *комаръ*, объясняя, впрочемъ, это прозвище тоже какъ насмѣшку, данную сосѣдними народами. Далѣе авторъ разбираетъ и остальныя названія Аромунъ или даже отдѣльныхъ группъ этого племени и объясняетъ эти названія весьма удачно. Вотъ нѣсколько подобныхъ названій: Никульчени, Гобичени, Карагуни (съ черными платьями), Фарчеріоты (отъ мѣстности въ Албаніи), Костатчани, Каракольчани, Доты (албанское отрицаніе — *dot* = *нѣтъ*), Амунени (отъ слова *атй* = *теперь*), Кэтчеуни и др. Послѣднее прибавленіе этнографическаго характера—статистика аромунскаго населенія, распредѣленнаго Г. Вейгандомъ по городамъ, по селамъ и по отдѣльнымъ группамъ. Въ концѣ книги—алфавитный подробный указатель и большая этнографическая карта аромунскихъ поселеній на юго-западной части полуострова, составленная, преимущественно, на основаніи путешествія самимъ Г. Вейгандомъ.

Книга иллюстрирована 8-ю прекрасно исполненными фототипіями и

нѣсколькими рисунками въ текстѣ, которые по своему подбору могутъ замѣнить недостатокъ у автора этнографическихъ свѣдѣній.

А. Яцимирскій.

D-r. N. Manolescu. Jgiena têranuliî. *Scriere premiata si tiparita de Academia Romana.* (Bucuresci. 1895 an., in 8° I+363 стр., съ 171-мъ рисункомъ въ текстѣ).

Написанное профессоромъ офтальмологіи Букарештскаго университета, изслѣдованіе по гигіенѣ румынскаго крестьянина даетъ богатый матеріалъ и по этнографіи румынъ. Прежде всего эта книга сообщаетъ цѣлый рядъ техническихъ названій отдѣльныхъ частей дома, мебели, разныхъ кушаній и даже матеріаловъ, изъ которыхъ они приготовляются, разныхъ видовъ одежды и притомъ въ разныхъ мѣстностяхъ, населенныхъ румынами, начиная долиной р. Олта и кончая русской Бессарабіей и Македоніей, въ которой оазисами среди болгаръ и грековъ живутъ румыны, говорящіе даже на особомъ нарѣчіи македонскомъ.

Изслѣдованіе Н. Манолеску состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: жилище румынскаго крестьянина, одежда крестьянина, одежда крестьянки и питаніе румынъ-сельчанъ. Описывая внутреннее убранство деревенскихъ хатъ, авторъ отмѣчаетъ, что въ каждой хатѣ по стѣнамъ виситъ множество иконъ, „а во многихъ хатахъ — портреты русской царской фамиліи и русскихъ генераловъ; и только въ рѣдкихъ хатахъ виденъ портретъ какого-нибудь великаго господаря нашего“ т. е. румынскаго, (стр. 41-я). Появленіе этихъ портретовъ авторъ относитъ ко времени войны 1877—78-го гг. „Гдѣ бы ни проходили русскіе—говоритъ онъ—они давали въ благодарность за оказанное имъ гостепріимство эти портреты; русская дипломатія заботится о томъ, чтобы каждый солдатъ имѣлъ ихъ въ своемъ ранцѣ, такъ какъ они знаютъ, что для Россіи полезно, чтобы крестьянинъ (румынскій) всегда видѣлъ предъ своими глазами изображеніе Императора“. Поразительно только, откуда изслѣдователь могъ черпать такія свѣдѣнія? Въ этомъ же отдѣлѣ говорится о землянкахъ, въ которыхъ живутъ бѣдные румыны нѣкоторыхъ округовъ (стр. 42) и цыгане (стр. 47). Интересны изображенія глиняной посуды, съ ихъ мѣстными названіями—числомъ 21 (стр. 65), а также деревянной—числомъ 24.

Небольшая глава посвящена общему обозрѣнію жилища бессарабскаго молдованина (стр. 72—74). Оказывается, что оно весьма похоже на жилище молдованъ королевства и такія же техническія названія частей избы и отдѣльныхъ построекъ.

Во второмъ отдѣлѣ интересны, главнымъ образомъ, фотографіи: національные костюмы (праздничные и рабочіе) румынъ разныхъ мѣстностей. Особенно оригинальны праздничные костюмы: мунтяны (кожаныя куртки), вышитыя гарусомъ, съ блестящими пуговками и т. п., и костюмы священниковъ изъ окр. Вылчя, Ялолища и Мусчелъ (стр. 147—148), мало отличающіеся отъ крестьянскихъ нарядовъ. Бессарабскимъ молдованамъ удѣлено пять фотографій (стр. 157—159), снятыхъ съ самыхъ типичныхъ пастуховъ и крестьянъ. Нѣсколько фотографій представляютъ костюмы цыганъ и изображеніе цѣлаго табора (стр. 161). Въ бытовомъ отношеніи интересна фотографія, снятая съ свадебнаго поѣзда у македонскихъ румынъ: всѣ участники на лошадяхъ, даже и священникъ, въ красивыхъ костюмахъ (стр. 165).

Въ третьемъ отдѣлѣ заслуживаетъ вниманія „меню“ крестьянъ разныхъ мѣстностей на каждую почти недѣлю; меню измѣняется вмѣстѣ съ христіанскимъ календаремъ (посты, мясоѣды и т. д.), временемъ года и доходомъ (урожаемъ на извѣстный продуктъ) крестьянина. Всѣ описанія сопровождаются техническими названіями и весьма цѣнными объясненіями изслѣдователя какъ врача, экономиста и этнографа.

А. Яцимирскій.

D-r. Gheorghe Crâinicianu. Igiena têranului român locuinta, incaltamintea si imbra camintea... (Bucuresci. 1895 an, pp. 1—348, съ 6-ю картами въ краскахъ).

Изслѣдованіе Г. Крайничяну скорѣе изслѣдованіе этнографа и историка, чѣмъ статистика или врача. Самыми интересными отдѣлами его книги слѣдуетъ считать небольшіе историческіе очерки, предпосылаемые авторомъ каждому новому отдѣлу. Такъ, Г. Крайничяну приводитъ показанія историческихъ свидѣтельствъ о жилищахъ даковъ, гето-даковъ, наконецъ румынъ, пользуясь и разсказами путешественниковъ и юридическихъ документовъ. Въ особенности любопытны описанія одежды румынъ по описаніямъ Павла Алеппскаго, посѣтившаго Молдавію и Валахію въ 1650—1660-мъ гг. (стр. 129-я),

италіанца Del Chiaro — въ 1718 мъ году (стр. 130-я), англійскаго посла Foriton'a — въ 1812-мъ году (стр. 132-я) и другихъ болѣе поздняго времени. При описаніи отдѣльныхъ частей построекъ, одежды и кушаній, авторъ иногда приводитъ отрывки изъ народныхъ пѣсенъ; впрочемъ, подобныхъ сопоставленій у него немного. Для характеристики изслѣдованія Г. Краиничяну слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ отдѣловъ, напримѣръ, о второй части изслѣдованія— о питаніи румынъ. За небольшимъ введеніемъ историческаго содержанія слѣдуетъ общее описаніе пищи румына по мѣстностямъ: въ Бессарабіи, Молдавіи, Ардялѣ и Банатѣ (стр. 193-я). Затѣмъ авторъ говоритъ о пищѣ болѣе подробно, а именно описываетъ столъ румына по мѣстностямъ же, но въ болѣе мелкихъ дѣленіяхъ — по уѣздамъ, а также по временамъ года, и особенно останавливается на постахъ, совершенно измѣняющихъ пищу простолюдина. Затѣмъ слѣдуетъ глава „о распредѣленіи времени ѣды на каждый день" и нѣсколько спеціальныхъ отдѣловъ, менѣе интересныхъ для этнографа: „качество пищи", „ея стоимость" и „знанія по приготовленію пищи". Далѣе авторъ говоритъ о каждомъ продуктѣ въ отдѣльности и главное мѣсто среди нихъ отводитъ маису (porumbul, cucuruza, papusoi), которымъ питается въ видѣ „мамалыги" большая часть румынъ княжества и сосѣднихъ странъ. Между прочимъ, весьма интересны свѣдѣнія о болѣзни пелагрѣ (pelagra), происходящей отъ плохой, недозрѣвшей кукурузы и оканчивающейся отпаденіемъ членовъ и сумасшествіемъ.

Къ изслѣдованію приложенъ цѣлый рядъ статистическихъ картъ Румыніи, показывающихъ отношенія по количеству населенія (по уѣздамъ) каменныхъ построекъ, деревянныхъ, землянокъ и т. д. Интересны также планы домовъ, также по уѣздамъ, начиная съ самыхъ бѣдныхъ землянокъ (bordee) и кончая домами ретешей (однодворцевъ), и статистическія таблицы роста населенія въ Румыніи по оффиціальнымъ даннымъ (стр. 332-я).

Изъ русскихъ статей по данному вопросу автору извѣстна одна только статья „Валахи", помѣщенная въ „Нивѣ" за 1875-й годъ, № 6-й, статья самаго общаго содержанія, написанная на основаніи германскихъ источниковъ. Въ то же время, въ русской литературѣ существуетъ цѣлый рядъ подобныхъ изслѣдованій и очерковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ:

Г. Вальша. Путешествіе по Турціи изъ Константинополя въ Ан-

глію черезъ Вѣну. Перев. съ французскаго С.-де-Шаплетъ. С.-П.-Б. 1829 г.; весьма интересное и вѣрное описаніе одежды (стр. 258—259-я), жилищъ (стр. 259) и много отдѣльныхъ замѣтокъ въ разныхъ мѣстахъ книги.

С. Добронравовъ. Медико-топографическое описаніе княжествъ Молдавіи и Валахіи... М. 1835 г.; въ особенности интересны главы: „свойство воды". (стр. 29-я), климатъ (66), болѣзни, перемежающіяся лихорадки, лѣченіе водобоязни (стр. 82-я), съ прекрасной статистической таблицей.

И. К-севичъ. „Придунайскія княжества". Библіотека для чтенія, 1860 г., т. 162-й, № 11-й; подробно—объ одеждѣ (стр. 43—45-я), о жилищѣ (стр. 45-я), о питаніи (стр. 50—51-я).

П. Жадовскій. „Молдавія и Валахія въ современности". Изъ записокъ офицера. С.-П.-Б., 1856 г.; свѣдѣнія краткія о мамалыгѣ (стр. 35-я), жилищахъ (47-я).

И. П. Липранди. „Общія свѣдѣнія объ европейской Турціи": глава V: „О вредномъ вліяніи различныхъ мѣстностей", глава VI: „Гигіена и предосторожности, необходимыя въ томъ краѣ".

А. Защукъ. Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Бессарабская область. С.-П.-Б. 1862 г., ч. I, стр. 453—464-я и др.

„Историко-статист. описанія церквей и приходовъ", помѣщавшіяся въ разныхъ номерахъ Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Подробное описаніе Молдавіи, сост. католическимъ свящ. *Бандиніемъ* въ 1646-мъ году на латинскомъ языкѣ: „De vestitu Moldavorum" „Vestes portant more turkorum ad talos usque dependentes, uti etiam aliae nationes Orientales. Sericeis maxime utuntur vestimentis, et licet multi vix panem pro sedande latrante stomacho habeant, foris tamen quoad amictum quasi Barunculi splendide incedunt etc". V. A. Urechia. Analele Academiei Române. tom. XVI, pp. 310—311; cor. p. 135.

А. Яцимирскій.

Księga przysłów, przypowieści, wyrażeń przysłowiowych polskich. Zebrał i opracował *Samuel Adalberg*. Warszawa 1894.—805 стр. [1]).

Громадный трудъ г. Адальберга есть выдающееся явленіе въ славянской этнографической литературѣ. Съ точки зрѣнія личной энергіи обширности матеріала и тщательности его обработки собиратель—достойный послѣдователь покойнаго Оскара Кольберга, памяти котораго посвящена книга. Труду собирателя предшествовалъ цѣлый рядъ попытокъ въ томъ же направленіи: первыми изъ нихъ можно считать сборникъ Саломона Росинскаго, вышедшій въ 1618 году, и „Adagia polonica“ Григорія Кнапскаго, появившіяся въ 1632 г.; вопросомъ же о пословицахъ и собираніи ихъ интересовались и такіе ученые, какъ К. Войцицкій, С. Яховичъ, Т. Липинскій, братья Бартошевичи, І. Крашевскій и др. Но то были труды, или преслѣдовавшіе дидактическія цѣли, или далеко не отличавшіеся полнотой, а подчасъ и научностью. Создать наиболѣе полный и притомъ научно обработанный кодексъ полныхъ пословицъ и поговорокъ—и было задачей С. Адальберга.

Начало собирательскому труду г. Адальберга было положено въ 1883 году. Вначалѣ то было дилеттантское увлеченіе оригинальностью и глубокимъ смысломъ множества пословицъ, „полныхъ, краткихъ и мѣткихъ наблюденій“; два года авторъ изъ случайно подвертывавшагося матеріала записалъ нѣсколько тысячъ. Затѣмъ рѣшительное вліяніе на ходъ работы, намѣчавшей уже научныя рамки и опредѣлявшей планъ будущей разверстки, имѣло знакомство съ частнымъ книгохранилищемъ г. Игнатія Бернштейна, гдѣ собрана громаднѣйшая литература исключительно по пословицамъ—2000 сочиненій на всевозможныхъ языкахъ, изъ которыхъ часть заключалась въ рукописяхъ стараго и новаго письма; часть составляла библіографическую рѣдкость. Получивъ доступъ въ эту библіотеку, собиратель добросовѣстно воспользовался своимъ исключительно-счастливымъ положеніемъ, и трудъ его заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія.

Собранный въ немъ матеріалъ распадается на два отдѣла: 1) матеріалъ изъ печатныхъ источниковъ, 2) матеріалъ изъ рукописей, отчасти изъ обихода, вообще неизвѣстный въ печати. Матеріалъ пер-

1) Настоящая рецензія, написанная вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ труда г. Адальберга, случайно не была напечатана своевременно, въ чемъ и извиняемся передъ авторомъ. *Ред.*

ваго отдѣла собиратель почерпалъ изъ всѣхъ извѣстныхъ ему сборниковъ пословицъ, этнографическихъ очерковъ, изъ книгъ общаго содержанія, частью XVI, XVII и XVIII в., даже изъ календарей. Матеріалъ второго отдѣла составляли рукописные пословичники, изустныя записи и выписки изъ сочиненій разнообразнѣйшаго содержанія. Въ нашей литературѣ не разграничены точно понятія „пословица“, „поговорка“, „ выраженіе“. Каждый, кому приходилось заниматься разборкой матеріала подобнаго рода, знаетъ, какъ трудно бываетъ подвести подъ нихъ ту или другую единицу. Изслѣдователь всегда рискуетъ впасть въ одну изъ противоположныхъ крайностей: или онъ будетъ отыскивать, такъ сказать, формулы, несомнѣнныя по формѣ „пословицы“ и откажется отъ сомнительнаго въ этомъ отношеніи матеріала, или онъ загромоздитъ свой сборникъ хаотическимъ накопленіемъ фактовъ языка, которое лишитъ возможности пользоваться имъ для спеціальныхъ цѣлей. Конечно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ единственными помощниками являются личный опытъ и чутье собирателя, но въ принципѣ слѣдуетъ признать, что критическое отношеніе изслѣдователя необходимѣе, чѣмъ предоставленіе читателю самому копаться въ массѣ матеріала и выбирать нужное, какъ то дѣлаютъ, правду сказать, многіе этнографы. С. Адальбергъ критически отнесся къ своему труду: изъ 100 тысячъ карточекъ, накопившихся за время труда, по критическомъ разсмотрѣніи, осталось 30 тысячъ; это доказываетъ, что собиратель, дѣйствительно, только то вносилъ въ свой трудъ, что носило на себѣ, по его выраженію, „пятно пословицы“; сомнительныя же единицы, отличавшіяся неполнымъ количествомъ признаковъ, онъ предпочиталъ вносить въ книгу, боясь лишиться, вслѣдствіе излишней требовательности, многаго цѣннаго матеріала. Осторожно авторъ относился и къ варіантамъ: только тѣ попадали въ его сборникъ, которые представляли отличіе по смыслу, а не по формѣ.

Что касается метода расположенія матеріала, то составитель распредѣляетъ пословицы не по общему алфавиту, подобно предшествовавшимъ изслѣдователямъ, а по содержанію, т. е. употребляетъ методъ *предметный* („filozoficzny“), справедливо кажущійся составителю болѣе цѣлесообразнымъ; ряды же пословицъ, относящихся къ отдѣльнымъ предметамъ, располагаются въ алфавитномъ порядкѣ. Такъ, если взять пословицы: „kto na prawdzie gra, skrzypce mu o leb tłuką; hardy, jak hetmańskie pachole; co czyjego, to nieły-

kalnego; jeden nie wiele może; kto pracuje, ten się modli; jakby z nieba spadł, то, такъ сказать, *главными* предметами будутъ: prawda, hardy, czyje, jeden, pracować, niebo,—и подъ этими словами помѣщены указанныя пословицы. Разумѣется, наиболѣе цѣнная часть матеріала та, которая извлечена изъ рукописей. Чтобы судить, насколько любопытны были источники, которыми пользовался составитель, перечислимъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Rękopis własnoręczny Jana z Wielomowic *Gawinskiego*, znajdujący się w bibljotece uniwersytetu warszawskiego, 2) *Haur*, *Jak. Kaz.* Mercurius polski z dobremi nowinami, wesołemi awizami, wierszem opisany. Kraków, 1697, 3) *Kmita Achacy*. Talmud albo wiara żydowska, 1610; 4) *Mączynski Jan*. Lexicon latino-polonicum. Królewiec 1564; 5) Paradoxa koronne publice i priwatim potrzebne szlachcicowi polskiemu, r. 1603; 6) Rękopis pod tytuł.: Incipiuntur expositiones ex variis libris excerptae pro usu puerilium simul cum polonico sermone congestae feliciter, 1510, и мн. др. [1]).

Таково достоинство и характеръ книги. Она представляетъ собой несомнѣнный вкладъ въ этнографическую науку, и спеціалисту съ ней нельзя не считаться. Не спеціалистъ, человѣкъ, ищущій въ пословицѣ отраженія народной души и кристализованной коллективной мысли, будетъ пораженъ множествомъ оригинальныхъ и интересныхъ во многихъ отношеніяхъ изреченій, вродѣ: kto kogo chawli *in praesentia*, gani *in absentia*, niech go porwie *pestilentia*"; bredzi, jak kowal w pokrzywach; i cielęta mają swoje akcenta (т. е. и глупый подчасъ бываетъ находчивъ); wart Pac pałaca, a pałac Paca; kto z przyrodzenia głupi, i w Paryżu sobie rozumu nie kupi; trybunał z dekretem, a Radziwiłł z muszkietem; dlaczego rak chodzi wspak? bo i jego ojciec chodził tak; głupi świat i ja na nim и проч. Немало пословицъ историческихъ, пріуроченныхъ къ извѣстному мѣсту, возникшихъ изъ анекдота и т. д., которыя любопытны не только въ узко спеціальномъ смыслѣ.

Не смотря на указанное выше критическое отношеніе собирателя къ матеріалу и тщательность его обработки, трудъ г. Адальберга не свободенъ отъ нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ. Послѣдніе сводятся, по нашему мнѣнію, въ общихъ чертахъ къ слѣдующему:

[1]) Въ слѣдующей книжкѣ мы имѣемъ въ виду помѣстить польскія пословицы, извлеченныя изъ рукописи XVIII ст., въ числѣ которыхъ найдутся варіанты, неизвѣстные, можетъ быть, г. Адальбергу. *Ред.*

1. Собиратель могъ бы значительно уменьшить объемъ своей книги, если бы не выписывалъ цѣликомъ пословицы, сходныя по смыслу и отчасти по формѣ, но различествующія въ одномъ какомъ-либо выраженіи или словѣ, а отмѣчалъ лишь одинъ варіантъ, по системѣ Номиса, какъ, впрочемъ, иногда и дѣлаетъ собиратель. Поясню немногими примѣрами. На стр. 64 подъ словомъ *chudy* встрѣчаемъ цѣлый рядъ пословицъ, изъ которыхъ каждая занимаетъ самостоятельное мѣсто:

3. Chudy jak chart.
4. Chudy jak deska.
5. Chudy jak gont.
6 Chudy jak koń o jednej kiszce.
7. Chudy jak kościelna mysz.
8. Chudy jak pieczka.
9 Chudy jak śledź (jak stokfisz).
10. Chudy jak świerczek polny.
11. Chudy jak szczapa (szczepa).
12. Chudy jak wił.

Между тѣмъ ясно, что это одна и та же пословица, могущая варьировать свою вторую часть до безконечности; всѣ варіанты, какъ и источники, могли быть указаны въ одной выноскѣ или скобкахъ. Подобные же примѣры, а ихъ много, можно, указать на стр. 68 (подъ слов. *ciemno*), 115 (*dybać*), 185 (*jeden*), 261 (*leniwy*), 311 (*miły*), 353 (*odzienie*) и пр. Какъ я уже сказалъ, собиратель весьма часто отмѣчаетъ варіанты вполнѣ правильно. Такихъ примѣровъ много, и ихъ излишне указывать.

2. Собиратель въ предисловіи могъ бы указать тѣ выраженія, которыя обыкновенно и чаще всего употребляются въ связи съ пословицами, какъ *ludzie powiadają, stara nowina etc.*, чтобы не печатать мѣстами одну и ту же пословицу два раза: а) самостоятельно, b) съ присловьемъ. Такъ, на стр. 114 подъ пословицей *dwór — druga szkoła* находимъ примѣчаніе: ludzie powiadają: dwòr.... Такъ же на стр. 121 (*dziewczyna* № 25) и др.

3. Встрѣчаемая составителемъ въ источникахъ перестановка одного или немногихъ словъ, не вліяющая на смыслъ, заставляетъ его повторять пословицу цѣликомъ, часто въ другомъ мѣстѣ. На стр. 7, напр., встрѣчаемъ пословицу — *baby trudno oszukać*, на стр. 8 находимъ ту же пословицу въ видѣ *trudno baby oszukać*. На стр. 55: *tylko mowę gubi, kto się darmo chlubi*, въ прим.: *tylko mowę gubi, co się darmo chlubi*. Такъ же на стр. 97 (*dobroć*, № 6), 118 (*dziecko*, № 31—76) и др. Такое повтореніе излишне. Сюда же относятся случаи, когда однородныя пословицы, отличающіяся лишь назначительными варіантами, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ то случайно, какъ на стр. 112 (*dusza* №№ 4, 22, 26; ibid. №№ 12,

25; ibid. № 14, 31; ibid. № 15, 28), то по содержанію, когда пословицу можно отнести къ двумъ предметамъ. Такія пословицы, напр., находимъ подъ словами *ciało—dusza* (стр. 66—112), при чемъ не встрѣчаемъ со стороны составителя никакихъ указаній.

4. Многія пословицы, какъ оно и слѣдуетъ, сопровождаются поясненіями составителя нерѣдко весьма цѣнными, особенно по отношенію къ старинным и историческимъ пословицамъ. Но мы встрѣчаемъ поясненія при пословицахъ, вполнѣ понятныхъ, какъ, напр., на стр. 103 (dom) при № 18, 104 (domaczy) при № 1, 113 (duźo) при № 1, 462 (rak) при № 17 и т. д., чего, впрочемъ, не можемъ поставить въ особую вину составителю. Но, съ другой стороны, мы не всегда находимъ объясненія тамъ, гдѣ они нужны. На стр. 67, напр., поговорка, ciocia Ciechańska, co w niebie tabakę sprzedaje—безъ поясненія; на стр. 298—dobro to i owo: Miale i Bodzanowo—тоже, и др.

Указанные недостатки вполнѣ объяснимы съ точки зрѣнія обширности матеріала и трудности ея обработки и, конечно, не умаляютъ научнаго значенія труда г. Адальберга, отъ котораго мы вправѣ ждать дальнѣйшихъ трудовъ въ интересующей его области и которому съ своей стороны желаемъ полнаго успѣха.

Евг. Ляцкій.

Записки Романо-Германскаго Отдѣленія Филологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. *Вып. I.* С.-Пб. 1888. 8°.

Кромѣ отчетовъ о дѣятельности Отдѣленія за 1885—6 и 1886—7 ак. годъ, помѣщены статьи: *Веселовскій Ал дръ Н.*, Легенды о дикомъ охотникѣ. Опытъ генетическаго объясненія.—*Его же*, Кіевъ, градъ Днѣпра.—*Бобринскій, А. А., гр.*, Романъ о Фовелѣ. — *Бобринскій, А. А., гр. и Батюшковъ, Ѳ. Д.*, Лицевая сторона Fauve, неизданный памятникъ франц. литературы XIV в.; текстъ съ введеніемъ и словаремъ.

Записки Неофилологическаго Общества (бывш. Отд. Филолог. Общ. по Романо-Герм. филологіи). *Вып. II. № 1.* С.-Пб. 1892. 8°. Помѣщенъ отчетъ о засѣданіяхъ 1887—1889 г. и за 1890 г. (Въ отчетѣ указаны и нѣкоторые рефераты по этнографіи, языку и народному творчеству). Въ концѣ помѣщена статья: *Браунъ, Э.*,

Гипотеза профессора Будиловича о готскомъ происхожденіи названія „Русь".

Вып. III. № 1. С.-Пб. 1894. 8°. Отчетъ о засѣданіяхъ. Помѣщена статья (47—103 стр.): *Gunzburg de, David, baron*, Du rithme dans les vers (въ статьѣ не мало параллелей съ русскимъ народнымъ стихосложеніемъ).

Вып. III. № 2. С.-Пб. 1895. 8°. *Сеттимелло, Генрихъ*: 1) Элегія; 2) О перемѣнчивости фортуны и утѣшеніе философіи,— переводъ съ введеніемъ („Генрихъ Сеттимелло и его значеніе для исторіи итальянскаго возрожденія") *Д. К. Петрова.*

Протоколы засѣданій Русскаго Антропологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Изданные подъ редакціей Секретаря Общества *С. Н. Данилло.*

Годъ I-й (1888-й). С.-Пб. 1889. На засѣданіяхъ Общества были сдѣланы сообщенія, изъ которыхъ можно отмѣтить слѣдующія (въ «Протоколахъ» помѣщены подробныя ихъ резюме): *проф. П. Ф. Лесгафтъ*, О методахъ антропологическаго изслѣдованія (два засѣданія); *д-ръ Б. В. Томашевскій*, Къ морфологіи черепа и черепного мозга у идіотовъ низшаго типа; *д-ръ И. И. Пантюховъ*, О вырождающихся типахъ семитовъ.—Въ концѣ помѣщенъ отчетъ секретаря за 1888 г.

Годъ II (1889) С.-Пб. 1890 г. Помѣщены резюме слѣдующихъ сообщеній: *д-ръ А. В. Елисѣевъ*, Замѣтки по этнологіи Малой Азіи; *д-ръ А. Н. Ховринъ*, Матеріалы къ изученію физическаго развитія дѣтскаго организма; *кн. П. А. Путятинъ*, О костяхъ неолитнаго періода, найденныхъ близъ Бологова.—Далѣе идетъ отчетъ секретаря за 1889 годъ. Въ концѣ, въ «Приложеніи къ Протоколамъ», помѣщены: *И. И. Пантюховъ*, Замѣтки по Антропологіи Кавказа (Сванеты. Абхазцы. Цвѣтъ волосъ и глазъ Имеретинъ, Мингрельцевъ и Гурійцевъ).

Годъ III-й (за 1890 — 1891 гг. съ одной таблицей и рисункомъ). С.-Пб. 1892. 120 стр.

На засѣданіяхъ Общества сдѣланы были между прочимъ слѣдующія сообщенія, содержаніе которыхъ напечатано въ «Протоколахъ»: *Гильченко, Н. В.*, Антропологическій очеркъ Осетинъ.— *Бранденбургъ, Н. Е.*, Объ охранѣ скелетовъ въ древнихъ курганныхъ могилахъ.—*Талько-Гринцевичъ, І.*, Физическая характеристика Укра-

инскаго народа (въ полномъ видѣ напеч. въ XIV томѣ «Zbiorn Wiadomości do Antropologji Krajowéj wydaw. staraniem Komis. antr. Akad. Um. w Krakowie»). — *Его же*, Очерки народнаго врачеванія на Руси (Западной).—*Елисѣевъ А. В.*, Замѣтки по этнологіи Персіи. — *Ольдерогге, В. В.*, О результатахъ антропологической экскурсіи въ Сванетіи.—*Фортунатовъ, А. М.*, О наслѣдственномъ эктодактилизмѣ у человѣка (уменьшеніе числа пальцевъ на конечностяхъ; вопросъ о возможности возврата къ низшему типу въ докладѣ не рѣшенъ).—*Ядринцевъ, Н. М.*, Кочевой бытъ народовъ и его значеніе въ исторіи человѣческой культуры. — *Талько-Гринцевичъ, Ю. Д.*, Къ антропологіи украинскихъ и литовскихъ евреевъ.—*Путятинъ, П. А.*, О фаунѣ каменнаго вѣка изъ раскопокъ около Бологова съ палео-этнологической точки зрѣнія. — *Гильченко, Н. В.*, Матеріалы для антропологіи Кавказа. *II.* Терскіе казаки. — Въ концѣ «Протоколовъ» приложенъ отчетъ секретаря за 1890—1891 годы.

Годъ IV и *V* (1893 и 1894 гг.), изданные подъ ред. секретаря Общества *В. Ольдерогге*. С.-Пб. 1895. 8°. 84 стр.

Въ дѣятельности Общества произошелъ нѣкоторый перерывъ (1892-й годъ), о чемъ см. протоколъ засѣданія 23 октября 1893 г. Изъ напечатанныхъ (вкратцѣ) докладовъ были сообщены слѣдующіе: *Петри, проф.*, О современномъ состояніи вопроса о типѣ преступнаго человѣка. (Изложены пренія въ этомъ и слѣдующемъ засѣданіи).—*Коропчевскій, Д. А.*, Типъ и раса въ современной антропологіи.—*Якобій, А. И., проф.*, Къ этнографіи черемисъ.—*Далматъ, Б.*, Происхожденіе, организація и разложеніе агнатическихъ родовъ у чеченцевъ и ингушей.—*Якобій, А. И., проф.*, Дополнительныя данныя по этнографіи черемисъ. — *Петри, Э. Ю., проф.*, Н. М. Ядринцевъ (некрологъ).—*Коропчевскій, Д. А.*, О народномъ характерѣ (отзывъ о книгѣ *Le Bon*: Les lois psychologiques de l'évolution des peuples). — *Даниловъ, Н. П., д-ръ*, Антропологическія и этнографическія изслѣдованія въ Персіи.—*Никольскій, Д. П., д-ръ*, Этнографо-антропологическій очеркъ мещеряковъ.—*Гартунгъ, Б. П.*, Анализъ и критика «Криминальной этнографіи *Корра*».— Въ концѣ «Протоколовъ» помѣщенъ годовой за 1894 — 95 академическій годъ отчетъ Русск. Антрополог. Общества.

В. Б.

Труды Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1895 г. Хабаровскъ. 1896. fol.

Бѣлькевичъ, А. Л., Общій очеркъ движеній 5-ти охотничьихъ командъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады во время экспедиціи по изслѣдованію Уссурійскаго края лѣтомъ 1894 года (съ картой).—*Альфтанъ*, Замѣтка о рисункахъ на скалахъ по р.р. Уссури и Бикину (съ таблицей рисунковъ).—*Бѣлькевичъ, А. Л.*, Изъ дневника во время экспедиціи по изслѣдованію Уссурійскаго края лѣтомъ 1894 года. — (Безъ имени автора), Результаты географическихъ изслѣдованій охотничьихъ командъ В. С. стрѣлковыхъ бригадъ, лѣтомъ 1894 года (съ картой).— *Альфтанъ*, Общій очеркъ движенія 5 ти охотничьихъ командъ 2-й В. С. стрѣлковой бригады, во время экспедиціи по изслѣдованію Уссурійскаго края лѣтомъ 1894 г. — Инородческое населеніе по притокамъ Уссури: рр. Бикину, Иману и Ваку (Составлено по описаніямъ начальниковъ командъ, б. ч. подпоручика *Пель-Горскаго*; съ картой).—*Наспкинъ*, Корейцы. I. Краткій историческій очеркъ переселенія корейцевъ въ Южно-Уссурійскій край (съ картой). Въ статьѣ много этнографическаго матеріала также по духовному быту (повѣрья, обряды и проч.). — *Грулевъ, кап.*, Описаніе р. Сунгари (іюнь — іюль 1895).— *Сильницкій, А. П.*, Бытъ гиляковъ на низовьяхъ Амура (съ записью сказокъ). — *Назарьевъ, М. А.*, Краткій историч. очеркъ работъ по составленію карты Восточной Сибири (карта разослана была подписчикамъ въ минувшемъ году).—*Сильницкій, А. П.*, Заслуга Семена Дежнева (Историческая справка).—*Тюшевъ* (врачъ), Изъ дневника поѣздки отъ гор. Петропавловска (на Камчаткѣ) въ селеніе Апачу. — *Зиновьевъ, Н. А.*, Изъ поѣздки на Сунгари.— *Матюнинъ, Н.*, Коренное населеніе и переселенцы въ сунгарійскомъ бассейнѣ. — *Богдановъ Дмитрій*, Дневникъ по поѣздкѣ на Сунгари на пароходѣ „Телеграфъ“ въ 1895 г. (сообщено *С. Д. Богдановымъ*).

2. Журналы и газеты.

Варшавскій Дневникъ 1896. 2. Изъ Привислянскаго края. (О раскопкѣ языческаго кладбища во Вроцерыжѣ). 8. Тоже. (О хожденіи со звѣздою на Рождество, изъ „Любл. Губ. Вѣд.“) 9. По Россіи. (Объ обычаѣ выставлять невѣстъ на ярмаркѣ въ Шадринскѣ, изъ „Нов. Врем.“) 17. Библіографія. *Никъ.* Mourier. L'art au Caucase. 1896. 30. По Россіи. (О памятникахъ въ киргизскихъ степяхъ, изъ „Тургайской Газеты“.) 40. Хроника. (Обычай привѣшивать „клѣцки невышедшимъ замужъ или неженившимся въ теченіе карнавала).

Витебскія Губ. Вѣд. 1896. 83—85, 87, 89. *Ив. Горбачевскій.* Древность бѣлорусскихъ пѣсенъ и ихъ напѣвовъ. Здѣсь приведено 25 очень интересныхъ обрядовыхъ пѣсенъ, запис. въ Лепельск. у. 77 — 87, 89 — 99. *Н. Я. Никифоровскій.* Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. 86. Хроника, рецензія по поводу книги: Матеріалы по исторіи и географіи Виленской губ. Изд. Сапунова и кн. Друцкого-Любецкаго. (Изъ „Русск. Обозр.“, кн. X.). 92. Тоже, отзывъ (изъ „Моск. Вѣд.“ 308). 94. Тоже, отзывъ (изъ „Прав. Вѣстн.“ 255). 95. Разныя изв. О чествованіи Св. Георгія у различныхъ народовъ. (Историч. замѣтка; перен. въ „Яросл. Епарх. Вѣд.“ 49).

Владимірскія Губ. Вѣд. 1896. 25—26. *Добрынкинъ.* Слѣды пребыванія доисторическаго человѣка въ предѣлахъ Муромск. у. Владим. г. 27—28. *Его-же.* Доисторическая эпоха бронзоваго періода въ Муром. у. 37—38. *Его-же.* Поѣздка въ Ригу на археологич. съѣздъ. 39. *В. Георгіевскій.* Важная археолог. находка въ г. Владимірѣ. (Серебр. гривна и княжескія украшенія По поводу этого – замѣтки въ Костр. Губ. Вѣд. 78, Прав. Вѣстн. 215; Уф. Губ. Вѣд. 223, Пермск. 222). 41. *Н. Добрынкинъ.* Древнее рукописное Евангеліе въ Зяблицкомъ погостѣ Муромск. у. (XV или XVI в.; встрѣчаются особенности въ правописаніи). 43. Дмитріевская суббота. (Празднованіе у русскихъ,

мордвы, чувашей, латышей. Изъ „Прав. Вѣстн.“) 49. Ходячія и мѣткія слова. (По поводу книги Михельсона, оттуда же).

Волгарь. 1895. 19. Корреспонденція изъ Костромской губ.: „О ссудахъ изъ приполну“.—33. Смѣсь. Елка для остяцкихъ дѣтей. — 38. „О битьѣ горшковъ“. Казанскій обычай. (Изъ „Волжскаго Вѣстника“). — 47. Сарапулъ. Повѣрье о вѣдьмахъ. (Изъ „Новост. дня“). — 49. Изъ Казани. О „бѣгунахъ“. (Изъ „Казанск. Телеграфа“).— 55. Изъ Калуги. Хлыстовскій процессъ.—57. Мѣстная хроника. „Козій праздникъ“.—82. Смѣсь. Кулачный бой въ Воронежскомъ уѣздѣ. (Изъ „Дона“).—87. Изъ Камышинскаго уѣзда. О прошеніи Пречистой Богородицѣ Красноярскаго сельскаго общества о защитѣ населенія отъ напастей. — 91. Пасха въ старину и теперь. (Изъ „Нов. Вр.“)—94. Смѣсь. Пасхальныя яйца. (Изъ „Nouvelle Revue“.)— 98, 120, 128, 147, 161, 176, 189, 219, 242, 247. *Нижегородецъ*. Изъ поѣздки въ Сибирь. 117. Судебная хроника: Отрицаніе татарами русскихъ властей и суда. — 122. Смѣсь. Китайскій богъ богатства. — 123. Смѣсь. О вѣжливости корейцевъ. (Изъ „Владивостока“). — 128. Смѣсь. Значеніе буквенныхъ знаковъ у китайцевъ. — 131. Смѣсь. Культура корейцевъ. — 132. Ливенское средство отъ зубной боли. Смѣсь. — 182. *Вечерній листокъ Волгаря*. Болгарскіе обычаи. (Замѣтка по статьѣ Маричова въ „Юридически Прѣглед.)“ — 133. Замѣтка о венгерской экспедиціи на Кавказѣ. (По „Новому Обозр.“) — 184. *Вечерній листокъ Волгаря*. О гробницѣ Манеѳы въ Комаровскомъ скиту, Семеновскаго уѣзда. (Возникновеніе и развитіе культа раскольничьей игуменьи Манеѳы).— 187. *Вечерній листокъ Волгаря*. Духоборы на Кавказѣ.—252. Дѣло о крестѣ. (Образованіе легенды о чудесномъ источникѣ).—259. Популярность земскихъ начальниковъ. (Изъ „Недѣли“).—265. Судебная хроника. Дѣло Удалова. (Искъ, основанный на обычаѣ, утверждающемъ незаконнорожденныхъ дѣтей единственными наслѣдниками, съ устраненіемъ всѣхъ боковыхъ родственниковъ).—289, 290, 291, 293, 294, 295, 299, 300, 301, 302, 303. Дѣло о жертвоприношеніи.— 289. Газетные отголоски. В. Г. Короленко о мултанскомъ жертвоприношеніи. (Изъ „Русск. Вѣдом.“)—295. Газетные отголоски. „Бабье царство“. О деревнѣ, въ которой хозяйство ведется исключительно бабами. (Изъ „Бирж. Вѣдом.“)—299. 302. Тверскіе раскольники. Исторія тверского раскола. 305. Смѣсь. Изъ міра сектантства. О сектѣ „духобратіевъ“.—310. Смѣсь. Объ евреяхъ. (Замѣтка о докладѣ

С. А. Вейсенберга въ Антропологическ. отд. И. О. Л. Е.).—318. Дѣтскія воспоминанія черемисянина. (Взаимныя отношенія инородцевъ и русскихъ властей).—327. Газетные отголоски. Убійство колдуна. (Изъ „Бирж. Вѣдом.“).—354. Газетные отголоски. Рождественская елка. (О происхожденіи елки). Изъ „Моск. Вѣдом.“.

Волынскія Еп. Вѣд. 1896. 16—18. *Прот. Трипольскій.* Къ исторіи Почаевскаго монастыря на Волыни (продолж. и оконч.). 20—26. *Теодоровичъ.* Документы, относящіеся къ исторіи Почаевской лавры (XVI и XVII вв).

Гродненскія Губ. Вѣд. 1896. 88, 90, 91, 93. *Свящ. Левъ Паевскій.* Историческая судьба и значеніе западно-русскихъ братствъ. 89. Очеркъ исторіи переплетнаго дѣла (Окончаніе). 95. *И. Романовскій.* О народныхъ повѣріяхъ и суевѣріяхъ въ Слонимск. уѣздѣ. (Кое-что о кладахъ).

Калужскія Губ. Вѣд. 1896. 63, 64. Козельскій уѣздъ по даннымъ оффиціальной статистики 65, 67. *Игнатьевъ.* Рогожники Мосальскаго уѣзда. 68. *Голяшкинъ.* Кружевной промыселъ въ Боровскомъ уѣздѣ. 96. Общественныя лавки кустарей.

Костромскія Еп. Вѣд. 1896. 10—12. *Скворцовъ.* Заблужденія безпоповщинской секты странниковъ-бѣгуновъ. 11. Св. Стефанъ Пермскій (по поводу 500-лѣтія кончины). *Приложенія.* О пѣніи въ православныхъ церквахъ Греческаго Востока. Николаевскій Бабаевскій монастырь (истор. очеркъ).

Костромскія Губ. Вѣд. 1896. 20, 26, 46, 48, 50, 53, 59, 68, 69. *Миловидовъ.* О наказахъ жителей г. Костромы депутатамъ въ комиссію для составленія проэкта новаго Уложенія 1767 г. 20, 26, 46, 48, 50, 53, 68—70. Докладъ члена Костромской губ. архивной Комиссіи Н. М. Бекаревича, читанный въ засѣданіи 29 авг. 1895, о раскопкахъ кургановъ въ Костр. губ. въ теченіе лѣта 1895 г. 73. Докладъ членадѣлопр. Костромской губ. архивной Комиссіи І. Д. Преображенскаго о поступившихъ въ комиссію пожертвованіяхъ, читанный въ засѣданіи 29 авг. 1895 г. (Между прочимъ, въ музей пожертв. каменный скребокъ, кости буйвола и мамонта). 79, 85, 86. *П. Ильинскій.* Посѣщеніе Луховскаго монастыря преп. Тихона. (Истор. очеркъ и описаніе старинныхъ зданій, а также Евангелія и Апостола, писанныхъ по преданію пр. Тихономъ). 80. Журналъ засѣданія Костр. губ. архивной Комиссіи 15 дек. 1895 г. 82, 88. Отчетъ о дѣятельности Костр. губ. архивной Комиссіи за 1895 г.

Нижегородскія Губ. Вѣд. 1896. 23. *Можаровскій.* Замѣтка о нижегородской мордвѣ. **25.** Изъ остатковъ языческихъ обычаевъ (опахиваніе села въ Васильск. у.). **26—28.** Вопленица И. А. Ѳедосова. **27.** *Л—овъ.* Кустарные промыслы въ нѣк. волостяхъ Семеновскаго у.—Вопленица Ѳедосова и сказитель Рябининъ. **36.** Отъ Ржева до Углича (путев. наброски). **41—42.** *Бѣлый.* Жизнь и работа на лѣсныхъ промыслахъ въ Тихвинск. у. **44.** Сообщеніе объ устройствѣ музея въ г. Череповцѣ (между прочимъ, археолог. коллекціи). **45.** *Успенскій.* Къ юбилею Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (истор. очеркъ). **45—46.** *Ивановъ.* Свадебные причеты (тексты 8 причитаній Новгор. губ., Кирилл. у., д. Ольховицы). **50, 52, 63.** Современныя народныя пѣсни (изъ рукописи г. Ахутина). **57.** *Герасимовъ.* Разныя преданія, записанныя въ южной части Череп. у., Новгород. губ. **69.** *М. К. Герасимовъ.* Молитвы, заговоры и заклинанія, записанныя въ Череп. у. (Заговоры пастуховъ въ Юрьевъ день и охотниковъ). **72.** *С.* Бѣлозерскій обводный каналъ. (Здѣсь помѣщена народная пѣсня о прорытіи этого канала въ 1846 г.). **85, 87, 89.** *Е. Гасабовъ.* Сорокъ лѣтъ назадъ. Очеркъ изъ жизни помѣщиковъ Новгор. губ. въ эпоху крѣпостничества. **86.** *М. В. Гавриловъ.* Народныя частушки (15 номеровъ, каждый въ 4 стиха). **91, 92.** Новгородскій музей древностей.

Олонецкія Губ. Вѣд. 1896. 86, 87. Олонецкій край и его естественныя богатства. (Въ № 87 приведено преданіе о Петрѣ I, выраженное въ слащавомъ духѣ Сахарова, несогласное съ народными воззрѣніями (напр., „Хоть царь свейскій (!) и некрещеный есть, но душа въ немъ вѣдь людская же“) и, очевидно, неподлинное). **86, 88.** *В. И.* Олонецкая губернія въ царствованіе Екатерины II. (По описанію 1785 г.).

Оренбургскія Губ. Вѣд. 1896. 27. „Нѣчто о переселенцахъ“. **26—29.** Русскіе въ Бухарѣ въ 1820 г. (записки очевидца). **30.** Очерки Приуралья. **33.** Изъ исторіи сношеній Россіи съ калмыками въ Средн. Азіи въ 17 и 18 стол. (продолженіе).

Пензенскія Губ. Вѣд. 1896. 136—137, 141—147, 150—153, 157. *Корольковъ.* Пенза и Пензенская губ. въ царствованіе Николая I. **140.** Троицкій Скаповъ мужской монастырь. **158.** Пензенская архивная старина.

Пермскія Губ. Вѣд. 1896. 105. Мултанское дѣло на Пироговскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. **123.** Секта самоистребителей. **124—125.** Отчетъ о

процессѣ мултанскихъ вотяковъ. 156. Олонецкая вопленица Ѳедосова (изъ Нижегор. Губ. Вѣд.). 173. X Археологическій съѣздъ. 193. О галичанахъ. 194. Богатая раскопка чудскаго костища (въ Гладѣновскомъ городищѣ, близъ Перми). Перепеч. „Правит. Вѣстн.“ 207; „Уф. Губ. Вѣд.“ 215. 197. Смѣсь. (Обычай въ Патагоніи убивать стариковъ). 199. Внутреннія извѣстія. Херсонъ. (О находкѣ на мѣстѣ Ольвіи греческой гробницы). 209. Внутреннія извѣстія. Варшава. (О находкѣ близъ г. Варки старыхъ глиняныхъ и мѣдныхъ сосудовъ). Золотая волна. Бухарское преданіе. („Харьк. Губ. Вѣд.“ 248). 211. Въ странѣ косъ и 10-ти тысячъ церемоній. („Новости“ 265). 218. Судебная хроника. Отголоски мултанскаго дѣла о человѣческомъ жертвоприношеніи.—Картинки изъ Сибирской жизни. Нарымскій край. (Интересно нѣсколько областныхъ словъ). 220. Клады Стеньки Разина. („Ниж. Л.“ 274). (Здѣсь приводится запись, помѣченная 1650 г., варіантъ записи 1671 г. („Новое Время“; перепеч. въ „Моск. Вѣд.“ 268, въ „Нижегор. Листкѣ“). Оба варіанта очень интересны, какъ особый видъ полународной словесности, не лишенный поэтическихъ образовъ, напр., береза, „которая одѣла вѣтвями рѣку Алатырь“, или зарываніе тѣла между дорогъ, обычный пріемъ нар. пѣсенъ. 224. *Влад. Курякинъ*. Вѣдьма (разсказъ старика Курской губ. о превращеніи вѣдьмы въ свинью). 228. Послѣднія извѣстія. (О собираніи пѣсенъ Истоминымъ и Некрасовымъ). 237. Наука и искусство. Первобытный языкъ человѣчества. (По поводу статьи Ч. Джонстона въ „Fortnightly Review“). 242. Внутреннія извѣстія. Омскъ. (Истинный случай подкованія мужемъ жены, объясняющій повѣрье о подкованныхъ людяхъ *). 243. Пермская старина. (Кое что о масляницѣ, пасхѣ, хороводахъ и борьбѣ). 244. Внутр. изв. Н.-Новг. (Случай сожженія мужемъ жены, объясняющій содержаніе пѣсни 1699 г. въ Ист. Росс. Соловьева, т. XIV, стр. XV). 252. *С. Дьевъ*. Изъ поѣздки на Уралъ. (Наброски карандашомъ). 263. Послѣд. извѣстія. (О проектѣ изданія русскихъ сказокъ Этногр. Отд. Географ. Общества).

Подольскія Губ. Вѣд. 1896. 46. „Обычай народовъ молиться за верховную власть“. (Ассирія, Іудея, средн. вѣка, Русь).

Полтавскія Еп. Вѣд. 1896. 19—20. *Свящ. Пирскій*. Историч. очеркъ поселеній Кобелякскаго уѣзда. **22—23.** *І. Ю.* Къ исторіи монастырей Золотоношскаго, Красногорскаго и Виноградскаго Успен-

*) Срв. выше стр. 152.

скаго. 24—25. Крестовоздвиженская церковь села Лютенскихъ Будищъ, Зѣньковскаго у. (истор. очеркъ).

Псковскія Губ. Вѣд. 1896. 23. Псковская судебная грамота 1397—1467. (Сводъ мнѣній и соображеній по установленію текста). 29—31. Погостъ Кампо Псков. г., Логазовской вол., и древній при немъ могильникъ. 33. Письма о X археолог. съѣздѣ въ Ригѣ.

Саратовскія Губ. Вѣд. 1896. 48. *Минхъ*. Историко-географич. словарь Саратов. губ. „Переволока". 54. *Антиповъ*. Нѣчто о чувашахъ.

Тульскія Губ. Вѣд. 1896. 109. Одоевскій уѣздъ (корр. о вліяніи отхожихъ промысловъ на нравственность сельскаго населенія). 110. Къ вопросу о заселеніи Сибири. 113. Индійскіе маги. 114. *Ахременко*. Съ Оки (изъ записной книжки туриста). 117. Историч. очеркъ Нижняго Новгорода.—*Фирсовъ*. „Старчество" и оптинскіе старцы (изъ очерка Козельской Оптинской пустыни). 126. Новый типъ крестьянскаго хозяйства (по поводу артельныхъ маслодѣленъ). 140—142. Крестьянская свадьба въ Тульской губ. (статья интересна лишь по приведеннымъ въ ней текстамъ мѣстныхъ свад. пѣсенъ). 154. Земледѣльческія артели. 159. Археологич. съѣздъ въ Ригѣ. 163. Объ изобрѣтеніи и исторіи игральныхъ картъ. 165. Корреспонденція объ экспедиціи А. А. Ивановскаго на Кавказъ. 191. Восхожденіе на Эльборусъ чл. Географ. О-ва Пастухова.

Уфимскія Губ. Вѣд. 1896. 119, 175, 176. Очерки Приуралья. 126. Понятія о красотѣ въ Тунисѣ. 145. О любимыхъ кушаньяхъ разныхъ народовъ. 169. Пчеловодство въ Египтѣ. 177—178, 181. Особенности говора жителей Осинскаго уѣзда, Пермской губ. (изъ Извѣстій Оренбург. отд. Географ. О-ва). 190. Открытіе музея при Самаркандскомъ Стат. Комитетѣ („Туркест. Вѣд."). 201. Разныя извѣстія и свѣд. О жителяхъ Огненной Земли. 221. Мелочи. Рѣдкая рукопись. (Описаніе Китая 1678 г. Спаѳарія; находится въ Ригѣ въ частныхъ рукахъ. „Волгарь"). 235—236. *И. А—скій*. Замѣтки наблюдателя. Очерки Приуралья. (Окончаніе. Безъ этногр. данныхъ). 239. Мелочи. Женское царство (королевство Бантамъ на о. Явѣ). 265. 4 листа изъ стараго Евангелія (грузинскаго, доставлены изъ Терской обл. въ мѣстный музей; изъ „Нов. Обозр.").

Уфимскія Еп. Вѣд. 1896. 16. Скованный священникъ (народное преданіе с. Лысогорки о явленіи умершаго священника своимъ пре-

емникамъ; онъ былъ скованъ по рукамъ и ногамъ цѣпями за то, что не поминалъ умершихъ. (Срв. «Этн. Обозр.» XXIX, 203—4).

Черниговскія Губ. Вѣд. 1896. 809. Медицина въ Китаѣ. **820.** Археологич. находка около Вильны (литовская могила съ сожженіемъ). **832.** *Ковалевскій.* По вопросу о монастырскихъ имуществахъ въ Малороссіи въ концѣ 18-го вѣка. **839.** Переводъ египетской надписи. **848.** Раскопки на югѣ Іерусалима. **851.** Гробницы у Суръ-Бахира (близъ Іерусалима). **861.** Карикатуры 1812 г. (даръ Черниговской Архивной Комиссіи). **862.** Драгоцѣнный манускриптъ (Евангеліе VII в. въ Малой Азіи). **883.** Любечъ въ XVII вѣкѣ. **889.** Металлургія въ древнемъ Египтѣ („Прав. Вѣстн."). **904.** Освященіе областного музея въ Самаркандѣ.

Ярославскія Еп. Вѣд. 1896. 34. Народная пѣсня о смерти царицы Анастасіи Романовны. **51.** Сармасахлысское Евангеліе.

3. Кавказская библіографія.

(Продолженіе [1]).

Закавказскій Вѣстникъ **1848**, *А. Іосселіани* 1 — 6. Истор. взглядъ на Грузію при царяхъ магометанахъ — 6, 7, 10, 11 «Делибаштана» (Груз. сказка). — 11. Груз. нар. пѣсня. — 18. «Осет. праздникъ Хоръ-Хоръ». — 21. Вахтангъ V—26. Актъ Руставской епархіи.—26, 28. Тушинскій наѣздникъ Чанишъ. — 28, 29. Воинскій уставъ Ираклія. — 32. Жизнь Г. Саакадзе. — 38, 39. Эртамцминдскій храмъ. — 40, 41. Кавтійсхев. монастырь. — 50, 51. Путешествіе Гмелина въ 1770—1774 г.

1849, (Помощ. ред. Я. Полонскій), 2. «Грузинская церковь, свидѣтельница православія русской церкви» соч. Мелитона Ѳомина-Цагарели. С.-П.Б. 1848. — 3, 15, 16, 17. Письма Броссе въ Конференцію Импер. Академіи Наукъ. — 4. Ираклій I Назаралиханъ. Одно изъ преданій о Тамарѣ. — 7. Вахтангъ VI. — 11. Кахетія подъ властью царей магометанъ.—12, 18, 44, 45. Нина просвѣтительница Грузіи.—19. Царица Тамара. *И. Сливицкій.*—20. Съ Уравельскихъ водъ. — 24. Съ дороги на Аѳонскую гору. *П. Іосселіанъ.* — 29. Рѣки, какъ пути сообщенія, въ Тифлис. уѣздѣ. *Н. Витвецкій.*—31. Письмо изъ Константинополя. *П. Іосселіанъ.* — 34. Монастырь Габчагъ (изъ опис. Грузіи С. Дралалова). В. Переваленко.—35, 36. Изъ Ѳессалоникъ. *П. Іосселіанъ.* — 41. Воспоминаніе о Сулхаѣ. — 42, 43. Церковныя празднества въ Грузіи. — 46. Св. Раждень. — 47. Св. Шушаника. — 48. Іоанно-Зедазнійскій монастырь. — 49. Шіомгвимскій монастырь. — 50, 51. Изъ путешествія Парота на Араратъ.

1850, 1—12. Города, существовавшіе и сущіе въ Грузіи.—10. Очеркъ Джаробѣлоканскаго округа. — 7, 12, 15. Тифлисъ на лицо и на изнанку. — 14. Посланіе Москов. патріарха Іова груз. царю Александру.—16, 18. Пут. записки отъ Тифлиса до Ахталы.—21, 23. Военно-статист. свѣдѣнія о Турец. имперіи.—19, 22, 24. «Раздѣлъ» ком. кн. І. Эристова.—25, 26. Бакинскіе огни. — 28,—36. Освященіе часовни св. Або въ Тифлисѣ. — О древней Кавказ. Албаніи. *А. Яновскій.*—39, 40. Духовная жизнь и словесность на Востокѣ.—40, 41. Библ. Лѣтописи Грузіи, изд. Броссе. *И. Сливицкій.* — 40, 41. Поэма Руставели «Барсова кожа». Д. Чубиновъ.—42, 43, 45, 47,—49. Груз. церковь, свидѣтельница православія рус. церкви.—51. Нѣсколько замѣчаній на статью «Кавказа» (1850, 93) о цехахъ. *Г. Измировъ.*

---

[1]) См. «Этн. Обозр.», кн. XIII—XIV, XVI, XIX—XXI, XXIV, XXVII.

1851, 1, 2. Англійская экспедиція на Тигръ и Евфратъ (1835—1837).—4, 5, 44. Занятія Археол. Общества.—9, 10. Фельетонъ (объ армян. образован.) *М. Паткановъ*. — 12—14. Минеральн. источникъ въ Мингреліи. — 15. Возобновленіе дворца въ Телавѣ. *Кн. Тумановъ*.—30. Письмо изъ Тифлиса въ Дербентъ.—50, 51. О древнемъ построеніи храмовъ.—52. Матеріалы для исторіи Грузіи (надпись изъ Душета) *Н. Берзеновъ*.

1852, 2. Матеріалы для армян. исторіи. — 10. Тысячелѣтіе Россіи.—11, 13, 32. Изъ путешествія груз. митр. Іоны. *Н. Берзеновъ*.—12, 16, 18. Библ. Путеш. митр. Тимоѳея.—15. Монастыри на Аѳонѣ.—37. Записки объ Аварской экспедиціи на Кавказѣ 1837 г. соч. *Якова Костенецкаго*.—40. Джанаозъ-Карабадини. — *Н. Берзеновъ*. — 41. Библ.: Истор. памятникъ состоянія Армян. области. *И. Шопена*. — 43. Хони (мѣстечко). *В. Переваленко*.—44. Буаббасъ (сказка).

1853, 4. Судохарское ущелье. — Поѣздка въ Александрополь. — 6, 12, 13—16. Библ.: Похвальное слово каталикоса Антонія. — 14. Простонародная пѣсня Мтіуловъ о нашествіи Магомета-Хана въ журн. «Заря». — Библ. Жизнь ц. Теймураза.—29. Джамбази (гульбища).—31. Грузин. гадальщицы.—36. Разсказъ Абулъ-Белъ-Аббаса (съ арабскаго). *М. С.*— 37, 39. Отъ Керчи до Анапы.—40, 41. Нѣск. замѣчаній на армян. грам. Эмина. *Георгій Теръ-Григуровъ*.—37, 43. Очерки Востока.—48. Шете (удалецъ)—Начало непріязненныхъ дѣйствій турокъ въ нашемъ краѣ.

1854, 5. Библ.: X ч. Запис. Гидрографич. Департамента (Каспійское море). — 6. Памятники древности въ Закавказьѣ. — 8. Портретъ ц. Теймураза. — 8. Очерки Востока. — 10. Исповѣдь пилигримки. *Мирза Сафіевъ*.—11. Кочъ и Пуръ. — 12. Мусульм. свадьба въ Ленкорани. *М. Сафіевъ*.. — 13. Изъ воспом. о Константинополѣ. *Г. Ильинъ*.—15, 17, 21, 25, 28.—Положеніе христіанъ въ Турціи.—20—22. Гирей и Гульсумъ (сказаніе) *М. Маѳауровъ*.—24. Разсказъ о происхожд. чалмы. — 26, 28. Пут. замѣтки по Мингреліи и Гуріи *М. Е. Майсуровъ*. — 30. Атень (храмъ) *В. Переваленко*. — 37. Алевскій праздникъ. *А. Саванели*.—41. Праздникъ «Гергстоба». *И. Гзеліевъ*. — Возобновленіе Сіонскаго собора. — 43. О груз. мивологіи и Али. *А. Саванели*. — 44. Обычаи груз. во время оспы. И. Гзеліевъ. — 46. Баба Шуджаэль-динъ. М. Сафіевъ. — 51. Канунъ Рождества въ деревнѣ. *И. Гзеліевъ*.—51, 52. Гилянъ въ статист. и этногр. отношеніи (изъ «Стат. Обозр. Персіи И. Ф. Бларамберга»).

1855, 1. Земной рай. *М. Сафіевъ*. — 3. Крещеніе въ деревнѣ. *И. Гзеліевъ*.—4. Праздникъ св. Нины. *Н. Гамрекеловъ*. — Независимое армян. населеніе Таврскаго хребта. *И. Сл.* — 5. Семейныя отношенія на Востокѣ. — 6. Агебисъ-гаме (ночь заговѣнія). *И. Гзеліевъ*. — 8. Изъ путеш. по Эриван. губерніи въ 1827 г.—9. Похороны у осетинъ. *С. Жускаевъ*.—11. Библ. Письмо Броссе о царѣ Арчилѣ къ Карлу XII. — 12. Изъ воспоминаній о Палестинѣ. — 13. В. С. Мартенъ объ абхазахъ (Nouvel. Annales des voyages 1854 г.)—19. Восточные любовники. *М. Сафіевъ*.—28. Развалины Херсонеса.—32. Ашинагъ (праздникъ осетинъ предъ жатвой). *С. Жускаевъ*.

4. Новости этнографической литературы.

Акты Литовской метрики. Т. 2-й, вып. 1-й. 1413 — 1498. Собраны Ѳ. И. Леонтовичемъ. Изд. Варш. Унив. Варшава, 1896, 4°, 169 стр. 500 экз.

Алексѣевъ, А. А., Очерки домашней и общественной жизни евреевъ, ихъ вѣрованія, богослуженіе, праздники, обряды, талмудъ и кагалъ. 3-е испр. и дополн. изд. книгопр. Тузова. Спб. 1897, 8°, 238 стр., ц. 1 р.

Безсоновъ, П., Къ вопросу о собираніи и изданіи памятниковъ «народнаго пѣснотворчества». (Изъ Моск. Вѣд.). М. 1896, 8°, 76 стр.

Богородицкій, А. В., Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Вып. I. Каз. 1896, 8°, 31 стр.

Буасье, Г., Картины древне-римской жизни. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Перев. съ фр. Е. В. Дегена. Съ прилож. статьи того же автора: «Газета въ Римѣ», пер. Н. Н. Новоборской (Культурно-историч. библіотека). Изд. О. Поповой. Спб. 1896, 8°, IV + 313 + III стр., ц. 1 р.

Бѣляевъ, И. С., Цѣна людей въ Россіи сто лѣтъ назадъ. («Чт. въ общ. ист. и др. росс.»). М. 1896, 7 стр., 50 экз.

Вагаповъ, Самоучитель для русскихъ по-татарски и для татаръ по-русски. Изд. 12-е, Каз. 1895, 8°, 66 стр., ц. 25 к.

Веселовскій, А. Н., Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены. (Изъ «Изв. Отд. Русс. яз. и слов.», I, кн. 1). Спб. 1896, 8°, 15 стр.

Вестермаркъ, Е., Исторія брака. Перев. И. Семенова. М. 1896, 16°, 237 стр., ц. 1 р.

Водникъ и его время. I. Словѣнская литература. II. Жизнь и дѣятельность Водника. III. Словѣнцы. Перев. съ словѣнскаго Н. К. Грунскій. (Изъ «Фил. Запис.»). Воронежъ, 1895, 8°, 20 стр.

Вундтъ, В., Индивидуумъ и общество. Рѣчь. Перев. съ нѣм. Спб. 1896, 8°, 32 стр., ц. 20 к.

Девель, Ф., Разсказы о Восточной Сибири, т. е. о губерніяхъ Енисейской и Иркутской, объ области Приморской и объ округахъ Якутскомъ и Забайкальскомъ. Съ рисунк. и картой Сибири. М. 8°, 126 стр.

Дьяконовъ, М., Бобыли въ XVI и XVII вѣкахъ. (Изъ «Журн. М. Н. П.»). Спб. 1896, 8°, 36 стр., 150 экз.

Іонинъ, А. С., По Южной Америкѣ. Въ двухъ томахъ. Т. 1-й и 2-й. Спб. 1896, 8°, 301 + 476 стр., ц. 4 р.

Керв, Я. А., (Körw, J. A.), Русско-эстскій словарь. Wene-Eestikeele Sonaraamat. («Walguse» Kaasanne). Tallinas. 1896, 8°, 887 стр.

Кривенко, В. С., По Дагестану. Путевыя замѣтки. Спб. 1896, 8°, 83 стр.

Крушеванъ, Павелъ, Что такое Россія. Путевыя замѣтки. М. 1896, X + 374 стр., ц. 2 р.

Лаврентьевъ, К. В., Географія Вятской губерніи (родиновѣдѣніе), съ прилож. краткаго историческаго очерка Вятскаго края. Изд. 3-е, вятск. губ. земства. Вятка, 1895, 16°, 131 стр.

Лаутенбахъ, Яковъ, Очерки изъ исторіи литовско-латышскаго народнаго творчества. Параллельные тексты и изслѣдованія. Диссертація на ученую степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія. Юрьевъ, 1896, 8°, XII + 222 стр.

Лилеевъ, М., Очеркъ миссіонерскихъ мѣръ по обращенію въ православіе стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ до временъ Екатерины II. (Изъ «Черниг. Еп. Изв.», 1895). Черн. 1895, 8°, 72 стр.

Липаевъ, Ив., Музыка на XVI-ой всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Спб. 1896, 8°, 86 стр., ц. 50 к. (Оттискъ изъ «Русс. Музык. Газ.», касается между прочимъ и народной музыки и инструментовъ).

Лопаревъ, Хр., Самарово, село Тобольской губерніи и округа. Хроника воспоминанія и матеріалы о его прошломъ. Съ картою, планомъ и шестью видами. Изд. 2-е, Г. В. Юдина, исправл. и дополн. Спб. 1896, 8°, VIII + 244 стр.

Лопатовскій, І. И., Сборникъ гимновъ, маршовъ, русскихъ народныхъ, малорусскихъ, военныхъ и хвалебныхъ пѣсенъ. Лодзь. 1896, 8°, IV + 70 стр.

Магницкій, В. К., Нѣсколько данныхъ о мишаряхъ и селеніяхъ ихъ въ Казанской и Симбирской губ. Каз. 1896, 8°, 15 стр.

Малоголовые «Ацтеки». (Изъ № 66 «Русс. Вѣд.»). М. 1896, 16°, 19 стр., 50 экз.

Мармери, Дж. В., Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Перев. съ англ. Съ приложеніемъ библіографич. указателя русскихъ переводовъ классическихъ и научныхъ трудовъ, а также другихъ книгъ и статей по различнымъ отраслямъ знанія. (Культурно-историческая библіотека). Изд. О. Поповой. Спб. 1896, 8°, VII + 429 стр.

Матвѣевъ, С. М., Свадебные обычаи и обряды крещеныхъ татаръ Уфимской губерніи. (Отд. оттискъ изъ XIII т. «Изв. Общ-ва Арх., Ист. и Этн.» за 1896 г.). Казань. 1896, 8°, 39 стр.

Минаевъ, И., Матеріалы и замѣтки по буддизму. II. (Матеріалы по эсхатологіи). Спб. 1896, 8°. Стр. съ 208 по 221, 60 экз.

Народный судъ литвиновъ надъ колдунами (чародѣями) 1615 года. Витебскъ, 1896, 8°, 18 стр., 200 экз.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив., Святыя горы. Очерки и впечатлѣнія. Спб. 1896, 8°, 165 стр., ц. 1 р.

Нижній-Новгородъ и Нижегородскій край. Съ картинкою. Изд. постоянной комиссіи по устройству народн. чтеній. Спб. 1896, 8°, 31 стр., ц. 10 к.

Никольскій, Д. П., Изъ поѣздки къ лѣснымъ башкирамъ. М. 1896, 8°, 18 стр., 600 экз.

Пантусовъ, Н. Н., Таранчинскія пѣсни. (Отд. оттискъ изъ XIII тома «Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн.»). Казань, 1896, 8°, 70 стр.

Пуцыковичъ, Θ. Θ., Абиссинцы. Чтеніе для народа. Спб. 1896, 8°, 16 стр., ц. 5 коп.

Его же: Англичане, Болгары, Китайцы, Русины, Хорваты, Черногорцы, Чехи (каждая брошюра 16 стр., ц. 5 к.).

Радловъ, В. В., Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Ч. VII. Нарѣчія Крымскаго полуострова. Спб. 1896, 8°, XVIII + 408 + 527 стр., ц. 7 р. 50 к.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г — 1800 г.). Вып. I. Спб. 1896, 8°, XI + 160 стр.

Ростомовъ, И. П., Картвельское племя. (Альбомъ). Тифлисъ. 1896, 4°, oblong, 60 стр., ц. 5 руб. (въ перепл.).

Рыбаковъ. Церковный звонъ въ Россіи. Спб. 1896, 8°, 69 стр.

Самоквасовъ, Д. Я., Изслѣдованія по исторіи русскаго права. Вып. II. Средства познанія системы русскаго права языческой эпохи. Москва, 1896, 8°, V + 170 стр., ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ, Н. А., Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени. (Этнографическій очеркъ). Спб. 1895, 8°, 26 стр., 300 экз.

Хахановъ, А. С., Очерки по исторіи грузинской словесности. Вып. I. Народный эпосъ и апокрифы. Москва, 1895, 8°, IV + 367 стр., ц. 2 р.

Хойновскій, І. А., Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ славянъ и Руси, и опись древностей, собранныхъ мною, съ объясненіями и XX таблицами рисунковъ. Вып. I. Кіевъ, 1896, 8°, VIII + 221 стр. + XIX табл. и 1 портретъ. 525 экз.

Чистяковъ, М., Жизнь древнихъ. Изданіе В. А. Невельскаго. Спб. 1896, 8°, 252 стр. и таблицы картинокъ.

Шапшалъ, Серай, Караимы и Чуфутъ-кале въ Крыму. Краткій очеркъ. Спб. 1896, 8°, II + 36 стр.

Шаховской, Кн., Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. (Движеніе сельскихъ рабочихъ. Условія найма. Отношенія между нанимателями и рабочими. Мѣры къ упорядоченію рабочаго движенія). Москва, 1896, 8°, VII + 253 + II стр.

Штылько, А., Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлаго и настоящаго города, его достопримѣчательности. Рисунки художника А. Малаховскаго. Изд. автора. 60 рис. въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ и планъ города. Саратовъ, 1896, 4°, 135 стр.

Эйнгорнъ, Виталій, О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ. 1666 г. Москва, 1895, 8°, 12 стр. (Изъ «Чтеній въ Имп. Общ. и Древн. Росс.», за 1895 г.).

Эйхгольцъ, Е. Р., Матеріалы къ антропологіи бѣлоруссовъ. Рославльскій уѣздъ. Диссертація. Спб. 1896, 8°, 158+2 стр., таблицы и 1 карта.

Эминъ, Н. О., Изслѣдованія и статьи по армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы (за 1858 — 1884 гг.). Вып. II. М. 1896, 8°, VII+431 стр.

Ѳеоктистовъ, Ив., Анекдоты и преданія о Петрѣ Великомъ. (По Голикову и др.). Спб. 1896, 8°, XI+167 стр., ц. 1 р.

Его-же: Русскія народныя дѣтскія сказки (по А. Н. Аѳанасьеву и др.). Спб. 1895, 4°, 32 стр.

Его-же: Русскія народныя дѣтскія пѣсенки, прибаутки, побасенки, пословицы, загадки и пр. (По В. Далю, А. Аѳанасьеву, П. Безсонову и др.). Для маленькихъ дѣтей. Спб. 1895, 4°, 47 стр.

Baye, baron de, Du Volga à l'Irtisch. (Extrait de la „Revue de Géographie") Paris, 1896, 8°, 46 стр., съ рисунками.

Berthelot, M., Science et morale.

Bielenstein, A. Dr., Zur topographischen Onomastik des Lettenlandes (Tiré du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. T. XXXVI, № 4). Спб. 1894, fol. 11 стр.

Buchholtz, Anton. Bibliographie der Archäologie Liv-, Est- und Kurlands im Auftrage der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands. 1604 — 1896, Riga. 1896, 8°, 61 стр.

Clairmonte, E., The Africanders, a plain tale of colonial life.

Facsbanks, Arthur, Classification of social phenomena.

Gernet, v., A, Die Aufhebung der Leibeigenschaft in Ehstland. (Vertrag, gehalten in der Section der Ehstländischen Literärischen Gesellschaft für Erhaltung der Alterthümer. (Separ. aus dem „Revaler Beobachter") Reval 1896, 8°, 34 стр.

Gladden, Washington, Raling ideas of the present age.

Iordan, Starr, David, The care and culture of men.

Reid, G., The present evolution of man.

Russel, Bertrand, La démocratie sociall en Allemagne. London.

Whitney, Caspar, On snow shoes to the barren grounds. (Интересныя описанія жизни краснокожихъ дикарей).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Отъ Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Въ 1897 году предстоитъ второе присужденіе *преміи по этнографіи* имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, учрежденной при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ память международныхъ конгрессовъ по антропологіи и доисторической археологіи, бывшихъ въ Москвѣ въ 1892 г.

Премія по этнографіи выдается:

а) за самостоятельныя научныя монографическія изслѣдованія по духовному и матеріальному быту славянскаго и инородческаго населенія Россіи;

б) за научные этнографическіе труды руководящаго и методологическаго характера, какъ-то: учебники и руководства по этнографіи Россіи, научно-разработанныя этнографическія программы, систематическія обзоры этнографической литературы по отдѣльнымъ племенамъ и народностямъ Россіи и славянскихъ земель, этнографическія карты и картограммы;

в) за собранія новыхъ матеріаловъ по духовному быту русскаго и инородческаго населенія Россіи (тексты по народной словесности, образцы народной музыки, описаніе семейныхъ и другихъ обычаевъ, вѣрованій, и т. д.), приготовленныя къ научному изданію, а также за систематическія и болѣе полныя коллекціи предметовъ, иллюстрирующихъ бытъ населенія Россіи.

Премія выдается въ видѣ денежной суммы (около 100 р.) или медали.

Срокъ для представленія сочиненій и матеріаловъ на соисканіе преміи—15 мая, а для представленія коллекцій—не позднѣе 1 сентября. Премія присуждается въ годичномъ торжественномъ засѣданіи Общества 15 октября, и о присужденіи ея публикуется въ столичныхъ газетахъ.

Въ случаѣ неприсужденія преміи въ текущемъ году, за Отдѣломъ сохраняется право выдачи ея въ будущемъ году.

Сочиненія и труды могутъ быть представляемы какъ рукописные, такъ и печатные, вышедшіе, однако-же, не ранѣе, какъ за годъ до выдачи преміи, и еще не получившіе награды въ той или другой формѣ. Представленные труды и сочиненія должны быть на русскомъ языкѣ.

Адресъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи: *Москва, Политехническій Музей* (*въ Отдѣлѣ Этнографіи*).

Юбилейная выставка въ память 1000-лѣтія Венгріи заключала въ себѣ и обширный этнографическій отдѣлъ. За послѣднее время этнографическія выставки въ томъ отношеніи выгодно отличаются отъ прежнихъ, что при устройствѣ ихъ избѣгаютъ накоплять возможно большее количество предметовъ: все вниманіе устроителей, наоборотъ, обращено на то, чтобы подборомъ типичныхъ предметовъ обихода дать зрителю ясное и наглядное представленіе о жизни народности. Центръ тяжести при устройствѣ выставокъ переносится т. обр. на уясненіе *обыденной* жизни народной массы, вслѣдствіе чего среди экспонатовъ часто совершенно отсутствуютъ т. наз. казовые предметы. Этотъ-же характеръ носила и юбилейная венгерская выставка: этнографическій отдѣлъ ея состоялъ изъ деревни, въ которой были выстроены 24 дома, причемъ каждый изъ послѣднихъ представлялъ типъ, употребляемый въ той или иной мѣстности. Двѣнадцать типовъ воспроизводили различные виды жилыхъ построекъ мадьярскаго населенія, другіе 12 — представляли сельскіе дома славянскаго, румынскаго и германскаго населенія Венгріи. При каждой изъ этихъ избъ были устроены полная усадьба, со всѣми хозяйственными постройками. Внутреннее устройство помѣщеній воспроизводило точно обыденную обстановку сельскаго дома. Посѣтитель получалъ т. обр. возможность въ деталяхъ изучить внѣшній бытъ разнохарактернаго племенного состава Венгріи и уяснить себѣ различія по мѣстностямъ и по народностямъ. Такъ какъ до настоящаго времени значительная часть предметовъ обихода изготовляется самими крестьянами, то выставка давала полное представленіе какъ объ орудіяхъ охоты и рыболовства, сельскаго хозяйства и пр., такъ и о народномъ вкусѣ, насколько онъ выражается въ украшеніяхъ предметовъ хозяйства (рѣзьба, окрашиванье и т. п.). Сравненіе этихъ предметовъ по народностямъ позволяло, хотя до извѣстной степени, намѣтить взаимное вліяніе различныхъ этническихъ элементовъ Венгріи. Консерватизмъ, которымъ отличается матеріальная культура у всѣхъ народовъ, давалъ возможность и здѣсь намѣтить въ существенныхъ чертахъ главные фазисы развитія внѣшняго быта преимущественно мадьяровъ: въ ихъ постройкахъ сохраняются типы, нѣкогда бывшіе господствующими при кочевомъ образѣ жизни, въ ихъ утвари и орудіяхъ подчасъ не трудно узнать формы и типы, извѣстные изъ раскопокъ доисторическихъ стоянокъ или употребительные въ настоящее время у нѣкоторыхъ некультурныхъ племенъ: эти переживанія сѣдой старины, уживающіяся на ряду съ произведеніями новѣйшей цивилизаціи, рисовали ясную картину постепеннаго роста матеріальной культуры мадьяровъ, какъ этническаго цѣлаго.

Общество національной этнографіи и народнаго искусства, возникшее въ Парижѣ и управляемое комитетомъ, въ составъ котораго вошли художники Бонна и Пюви де-Шаванъ, а также извѣстный ученый Гастонъ Парисъ, имѣетъ цѣлью распространять вкусъ къ изученію французскихъ преданій и уваженіе къ предметамъ мѣстной жизни, сохранившимъ своеобразіе и какія-либо оригинальныя особенности. Оно также имѣетъ въ виду поощрять художественную промышленность, свойственную каждой провинціи, знакомить съ мѣстной литературой и искусствомъ путемъ выставокъ и публичныхъ лекцій и содѣйствовать блеску этнографическаго отдѣла на всемірной выставкѣ 1900 года. Въ Ніорѣ уже были устроены выставка и съѣздъ членовъ этого общества, посвященные Вандеѣ и Пуату. Организаторы собрали матеріалъ по исторіи, литературѣ, искусствамъ, костюмамъ обѣихъ провинцій. Эта интересная попытка децентрализаціи поддерживается многими извѣстными литераторами. Ихъ лекціи и статьи будутъ издаваться особыми сборниками, посвященными изученію каждой провинціи. (Нов. Вр. 1896, № 7421).

Обротский Государственный Областной Музей
в Ковентарную книгу
193 г.

НИРА КП Оф 8218/133
РК 1260
АС 10836
Пк 1932072